Annotation

Тридцать миллионов лет — немыслимый срок для землян, осваивающих Марс. И краткий миг для андроида, пролежавшего все это время в анабиозе по воле могущественных врагов с давно погибшей планеты. Две эпохи, две цивилизации, разделенные пропастью веков, — и такие схожие проблемы… Чудовищная космическая катастрофа не погубила бы несчастную Селену, если бы не внутренние распри обитателей планеты, порожденные жаждой могущества и наживы. И сейчас здесь, на Марсе, все повторялось вновь на очередном витке бесконечной спирали времени… Быть может, встреча с братом по разуму (хотя и наполовину механическим) поможет людям избежать участи своих предшественников?

Ливадный Андрей Колония

Пролог

Коричнево-желтые пустыни Марса.

Он не забудет их никогда. Каменистые проплешины бурой, местами потрескавшейся почвы сменяются здесь пятнами желтого песка, который может скрывать под своей толщей впадины глубиной в десятки метров. Техника на глазах проваливалась в них, за считанные секунды уходя в сыпучую пучину.

Этого не забыть, как не избавиться от непередаваемого ощущения одури, не отпускавшего с момента пробуждения от искусственного сна, и засевшего в подсознании чувства глобального одиночества, вызванного мыслью о семидесяти миллионах километров пустоты, что лежат между двумя планетами… А впереди ждет сама неизвестность в ее натуральном, практически безнадежном виде.

Вспышка…

Дымящиеся комья оранжевого суглинка разлетаются в стороны, оставляя за собой сизые шлейфы, осколки с ноющим визгом уходят на излете. Дымчатый светофильтр гермошлема не может полностью защитить глаза, они на миг слепнут, и ты внезапно ощущаешь себя вне времени, которое перестает существовать, будто близкая серия разрывов погружает разум в иной, субъективный темпоральный поток, который едва течет по сравнению с реальным бегом секунд…

Автоматика боевого скафандра еще работает, несмотря на истощение автономного ресурса и множественные осколочные попадания, повредившие часть внешних датчиков… В коммуникаторе шлема бьются звуки, но разум, истощенный боевыми стимуляторами, уже не воспринимает их как неразрывный информационный поток, а прихотливо ловит отдельные проявления боя, так же, как взгляд, мутный от перенапряжения и усталости, своенравно концентрируется на фрагментах порванной дымными шлейфами мозаике событий.

Сердце глухо бьется в груди, и каждый его удар отдает в виски горячей пульсацией крови.

Ничего удивительного: система жизнеобеспечения израсходовала весь запас боевых препаратов, и чуткая автоматика уже не может реагировать на выбросы адреналина — ей нечем сглаживать пиковые перегрузки моментальных стрессов, и на первый план вдруг выходит иная ткань ощущений — незнакомая, но древняя, как мир.

Так воевали в прошлом, когда между бойцом и реальностью не стояли системы метаболического контроля, нивелирующие чувства, поддерживающие разум в состоянии искусственного хладнокровия…

Приземистые постройки населенного пункта приближаются слишком медленно: автономный энергоресурс боевого скафандра почти исчерпан, индикаторы напряжения тлеют злобными красными огоньками, и сервоприводы[1] усилителей мускулатуры работают лишь на тридцати процентах расчетной мощности.

Боевая экипировка весит четыреста килограммов, и при таком раскладе двигаться неимоверно тяжело, ноги глубоко вязнут в бурой грязи, а усилившийся дождь, будто в издевку, хлещет косыми струями; блеклая электростатическая полоска, периодически пробегающая по забралу гермошлема, уже не успевает смахивать капли воды, и они змеятся прихотливыми зигзагами, скользя по выпуклому бронепластику…

Смерть продолжает свой неистовый танец, но шум проливного дождя кажется громче, чем ватный рокот разрывов и басовитые, ритмичные стаккато бьющих со стороны поселка автоматических орудий.

Мысль о жизни и смерти уже не тревожит разум, прежние чувства глохнут, оставляя лишь одно стремление — двигаться вперед, навстречу частым стробоскопическим вспышкам огня. Это не хладнокровие и даже не отрешенность, а неведомое ранее, крайнее состояние рассудка, когда все самое страшное уже произошло и любые переживания становятся смехотворными на фоне той ритмики боя, что не отпускает измученный рассудок…

Вспышка…

Зрительный нерв уже не реагирует на яростный всплеск огня, лишь сервомоторы боевого скафандра на миг меняют тональность, звук их работы становится резче, когда механические псевдомускулы экипировки выходят в иной темп, компенсируя ударную волну…

Резкий поворот головы, беглый взгляд по сторонам, моментальное сравнение поступающих на компьютерный дисплей данных с реальной картиной происходящего внезапно концентрируют внимание на бегущей рядом фигуре, закованной в темную, испачканную грязью броню, а близкий грохот разрыва заставляет взгляд сорваться с крохотного оперативного окна тактической системы, мгновенно переключаясь на иное, гораздо более информативное и страшное восприятие событий.

Внезапно ожившее автоматическое орудие, скрытое среди недавних лесопосадок, ударило фактически в упор, и миг объективного времени

вновь начал растягиваться в вечность, словно разум в очередной раз спонтанно вышел на невероятную для обыденности остроту восприятия: скорость мысли опережала реальный ритм событий, наглядно доказывая, что разговоры о потенциальных возможностях человеческого мозга — отнюдь не миф…

Он не видел острые жала снарядов, но зримо воспринимал инверсионный след, возникающий при их движении, — воздух терял прозрачность в зонах турбулентности, — однако мутные линии, прочертившие дождливую хмарь, были лишь мимолетной тенью наступившего потрясения…

Тугая очередь снарядов ударила в бегущую невдалеке фигуру, и он отчетливо увидел, как ломается броня, разлетается искрящимися брызгами осколков забрало гермошлема, из разорванных шлангов бронескафандра вдруг начинает извергаться вязкая струя маслянистой жидкости, мгновенно смешиваясь с дождем и мутно-красными облачками, сотканными из мельчайших капелек крови…

Сознание не выдерживает этой картины, в голове, в такт редким ударам пульса бьется отчаянная мысль: тебе не выбраться отсюда живым, все кончено, нет больше сил для надрывного бега… но усилившийся дождь рвет шлейфы дыма, прибивает частички гари к земле, и взгляду открывается расположенный в десятке метров бронепластиковый бастион, в амбразуре которого смутно виднеются курящиеся паром стволы перегретого от частой стрельбы автоматического орудия и копошащиеся за ним фигуры человекоподобных машин…

Молниеносный взгляд на контрольные дисплеи сразу же отрезвляет рассудок. Встроенные системы тяжелого вооружения скафандра недееспособны:

Тактическая ракетная установка — статус активна. Наличие боекомплекта ноль.

РКАП-20 — активирован, боекомплект — ноль.

Нет времени на медленные танцы, как любил говорить капитан Шевцов.

Мокрый ствол «абакана» резко идет вверх, теперь уже мысли безнадежно отстают от машинальной реакции тела, преданно вздрагивает электромагнитный затвор, ритмично выбрасывая тусклый поток горячих гильз. Первые пули, снабженные титановыми сердечниками, выбивают острую пластиковую щепу из закругляющегося бруствера переносного укрытия, прошивая его насквозь; рука тут же исправляет ошибку, и появившаяся в поле зрения голова андроида вдруг разлетается вдребезги,

выпуская искрящийся фонтан света из перерубленного оптоволоконного интерфейса; дальше следует рывок в сторону, и подствольный гранатомет издает очередь из трех хлопков, посылая термические гранаты по короткой траектории прямой наводки.

За узким разрезом амбразуры, внутри укрытия вспухает неистовый шар огня, и тут же начинают рваться боекомплекты, раскалывая бронепластиковый бастион на уродливые обломки, которые взмывают в воздух и катятся по земле, оставляя после себя причудливые, истекающие зловонным дымом расплавленные фрагменты…

* * *

Он вздрогнул и проснулся, всем телом ощущая мокрое прикосновение пропитанных ледяным потом простыней и бесконтрольные волны нервной дрожи, мурашками стягивающие кожу на затылке.

Во рту, порождая оскому, чувствуется знакомый железистый привкус.

Несколько секунд Климов лежал неподвижно, пока разум медленно выпутывался из тенет провального сна, потом, когда вязкая тишина и сумрак чужой спальни окончательно материализовались в ощущение действительности, он вспомнил, где находится, сел, брезгливым движением отбросив мокрую простыню, и машинально произнес:

— Свет.

Странно, но кибернетическая система отреагировала на посторонний для нее голос. Тускло вспыхнули квадратные сегменты потолка, оправленные в пластиковую имитацию лепнины, и границы восприятия сразу же раздвинулись до размеров спальни…

Он протянул руку, взял с низкого столика мятую пачку сигарет, оставленную тут прежним хозяином особняка, мельком взглянул на снятый с предохранителя «абакан» и прикурил, впитывая всем телом сухое тепло подогретого воздуха, поступающего из системы кондиционирования.

Сознание двоилось, словно душа не могла решить, что воспринимать как данность — покой и полумрак помещения или холодно поблескивающий металлопластик автомата, на котором серыми разводами виднелись высохшие следы воды и грязи?

Сизый сигаретный дым поплыл по комнате, смешиваясь с тонким ароматом цветущего травостоя, страшный морок медленно отступал, лишь мелко дрожали кончики пальцев да во рту по-прежнему было сухо и противно.

— Включи душ и окно.

Компьютерная система мгновенно отреагировала на голос. За тонкой

пластиковой перегородкой раздался шелест воды, а часть стены напротив кровати внезапно утратила непроницаемость, неожиданно продемонстрировав панораму огромного города, по многоуровневым магистралям которого текли миллионы огней от движущихся машин.

Земля…

Родная благословенная Земля, где нет кошмарного ощущения одиночества. Реалистичное контрастное стереоизображение вызвало в душе глухую боль.

Земля… — будто заклятие повторил внутренний голос. Совсем недавно по меркам субъективного времени Климов мечтал о том, чтобы покинуть ее, вырваться из многомиллиардного муравейника, ощутить простор иной планеты, но теперь, после всего пережитого, он вдруг начал впитывать каждой клеточкой своего тела успокаивающий пульс жизни…

Все познается в сравнении, люди не склонны воспринимать чужой опыт, и ему понадобилось лично взглянуть в бездонную чернь космического пространства, чтобы осознать пугающую пустоту Вселенной и научиться ценить незримое единство миллиардов людей…

* * *

Спустя десять минут он вышел из ванной комнаты.

Компьютерная система роскошного особняка, настроенная на привычки незнакомого Климову человека, уже приготовила кофе и убрала постель, спрятав кровать в вертикальной нише, за раздвижными облицовочными панелями.

Мельком взглянув в зеркало, он остановился.

Он обманывал себя — ночной кошмар не ушел, лишь затаился на время за лихорадочным блеском глаз.

Он едва не рассмеялся в лицо собственному отражению.

Панорама земного мегаполиса, раскинувшаяся в глубинах электронного окна, скорее всего, являлась данью ностальгии либо обобщенным напоминанием о метрополии, а может быть, простой, ничего не значащей картинкой из набора стереослайдов — Климов понятия не имел, что за человек проживал тут до последнего времени…

— Погаси окно.

Экран потемнел, затем слился с фоном стены, восприняв текстуру отделки.

С тихим шелестом к ногам Климова подкатил низкий столик. Он взял чашку с кофе, обжигаясь, выпил его и подошел к дверям спальни.

Сбоку, в пяти сантиметрах от пола, к пластиковому косяку был

прикреплен ультразвуковой передатчик невидимой для глаза электронной «растяжки». Взрывной заряд располагался по ту сторону дверей. Присев на корточки, он осторожно дезактивировал прибор, снял его с креплений и открыл дверь.

В доме царила глухая, ватная тишина. Отложив взрыватель, Иван вернулся в спальню за «абаканом» — автоматической штурмовой винтовкой, состоящей на вооружении Российских военно-космических сил.

Спустившись по лестнице в обширный холл, он увидел свой боевой скафандр, очищенный от грязи и подключенный к системе энергопитания пустынного дома. Рядом лежала его выстиранная форма, и недавний морок окончательно исчез, истаял, будто разом вернулась память…

«Сколько же я проспал?..» — Климов помнил, как, оставшись один, он отбил внезапную контратаку андроидов, добрался до небольшого покинутого людьми поселения, зашел в первый попавшийся по пути особняк, понимая, что силы вот-вот окончательно оставят его. Нужно было дать отдых измученному телу, зарядить энергоблоки боевого скафандра, а главное — попытаться наладить связь. Но коммуникатор упорно молчал, и после нескольких безуспешных попыток связаться с кем-либо из десантных групп сил у Ивана хватило лишь на то, чтобы выбраться из перепачканной липкой грязью бронированной оболочки, достать из технического отсека кабель подзарядки с универсальными разъемами и, подключив скафандр к локальной энергосети, подняться на второй этаж.

Он установил растяжку на входе в спальню и, дойдя до чужой постели, рухнул на нее, чтобы провалиться в кошмарный сон.

Проспал он всего полтора часа.

Панорама земного мегаполиса, которую демонстрировало электронное окно, была не более чем иллюзией.

Сквозь прозрачные двери особняка он видел низкие, хмурые марсианские облака.

«Мне никогда не вернуться на Землю…» — пришла из глубин подсознания отчаянная, удушливая мысль.

Он отогнал ее прочь.

Надев форму, Климов осмотрелся, теперь уже внимательнее, и взгляд быстро отыскал покатый корпус бытового робота, который застыл в отведенной ему нише, изредка помаргивая зелеными индикаторами резерва.

Ясно, значит, еще как минимум один такой же робот находится в спальном помещении, а все комнаты в доме соединены пневматической системой транспортировки, иначе как объяснить, что его форма, снятая и

брошенная на полу подле кровати, оказалась тут, тщательно выстиранная и отглаженная?

Посмотрев на скафандр, Иван присел на край стола. Внимательный осмотр экипировки, которую робот тщательно очистил от грязи, показал, что, кроме множественных выщербин на бронепластинах, иных серьезных повреждений нет, но стоило задуматься: будет ли толк от четырехсот килограммов сервоприводной оболочки, если боекомплект встроенного оружия израсходован да и система боевого поддержания жизни истратила все метаболические препараты?

Не лучше ли идти налегке, полагаясь на собственные силы?

Рука машинально коснулась сенсора активации, расположенного за открытым забралом гермошлема, но шли томительные минуты, а коммуникатор, автоматически меняющий частоты связи, издавал лишь ровное фоновое шипение помех.

Климов коснулся другого сенсора, и броня послушно раскрылась, взвизгнув сервомоторами.

Он аккуратно отделил от внутренней оболочки свой бронежилет, затем освободил от магнитных креплений разгрузку, в клапанах которой покоились запасные магазины к «абакану», комплекты первой помощи, рационы выживания и три ножа — один универсальный и два метательных.

«Пойду налегке», — окончательно решил он, надевая бронежилет.

Связь отсутствовала, но это не означало, что он остался совершенно один. В атмосферу Марса одновременно погружались пять десантно-штурмовых модулей, на орбиту вокруг планеты в течение суток должен выйти крейсер «Светоч», значит, тишина в эфире вызвана чисто техническими проблемами.

Климов хорошо запомнил район, над которым был сбит их посадочный модуль. Сейчас, даже без карты, он мог предположить, что находится в семидесяти километрах от космопорта «Южный», на территории сектора освоения корпорации «Фон Браун». До границы Российского сектора километров двадцать, не больше.

«Буду прорываться к своим, — подумал Иван, перезаряжая „абакан“. Семьдесят километров — не расстояние, дойду».

Единственное, что угнетало и тревожило Климова, — это полное непонимание происходящего. Их взвод подняли по тревоге, без стандартной процедуры пробуждения от глубокого сна. «Светоч» в тот момент уже выдвигался к орбите Марса, и спустя два часа после пробуждения весь личный состав десантной роты уже был распределен по

модулям и автономные аппараты один за другим отстыковались от крейсера…

Несомненно, офицеры были осведомлены о том, что стряслось в колонии, но никто не доводил никаких подробностей до личного состава подразделений.

Наверняка Климов знал лишь одно: точка сбора — космопорт «Южный».

…Десять минут спустя, подогнав экипировку и еще раз проверив оружие, он вышел из приютившего его дома.

Стоял хмурый день. С небес моросил мелкий дождь. Влажный воздух Марса нес запах мокрой травы и далеких пожарищ.

Он повернулся и молча пошел по аллее, ведущей к массивным воротам усадьбы. Ему предстояла сложная задача: не только выжить, добраться до своих, но и выяснить, что же на самом деле произошло в колонии.

Часть 1 КОЛОНИЯ

Глава 1

Российский сектор освоения Марса. Космопорт «Южный». 30 мая 2415 года по земному календарю…

Космос неуловимо меняет наш разум и душу.

Иннокентий Осипович Багиров подумал об этом, спускаясь по трапу челночного корабля, совершающего регулярные рейсы между орбитальной станцией «Фобос» и Российским сектором освоения Марса.

Пока «Буран М-110» совершал орбитальный, а затем атмосферный маневры, у Багирова было достаточно времени, чтобы вспомнить некоторые вехи общеизвестной истории, невольно сравнивая ролики, демонстрирующиеся по земным каналам сферовидения, с той реальностью, что разворачивалась перед ним на информационном экране.

Если смотреть на современный Марс с орбиты, то не увидишь ничего, кроме пепельно-серых клубящихся покровов плотной облачности. Красная планета, как называли ее предки, давно изменила свой цвет, а причиной такой разительной перемены являлись сотни станций переработки атмосферы, которые на протяжении первых пятидесяти лет активной колонизации постепенно меняли климат, сначала создав, а затем постоянно поддерживая плотное покрывало серой, напитанной влагой облачности.

Изначально атмосфера Марса, на девяносто процентов состоявшая из углекислоты, была прозрачна, непригодна для дыхания и не могла удерживать тепло, отчего суточные колебания температуры на поверхности планеты совершали скачки в десятки, а иногда и сотни градусов по шкале Цельсия.

Неприемлемое место для проживания под открытым небом, но к началу двадцать третьего века освоение новых жизненных пространств из области мечты романтиков-одиночек перешло в плоскость суровой практики.

Несмотря на оптимистические прогнозы, звучавшие в конце двадцатого начале двадцать первого столетия, демографическая стабилизация затронула лишь развитые страны с изначально высоким уровнем жизни. Общий же прирост населения Земли продолжался. На фоне оскудения естественных ресурсов и необратимых изменений биосферы фактор перенаселенности постепенно, год от года «выдавливал» людей в космос, однако огромные орбитальные станции и герметичные лунные

города уже не могли решить проблему — они лишь усугубили ситуацию, окончательно загнали ее в тупик, наглядно демонстрируя миллионам семейных пар, какая участь ждет их детей во внеземных поселениях.

Невыносимые условия замкнутых пространств, теснота отсеков, малая гравитация — все это влияло не только на психику вчерашних землян, но и существенно видоизменяло физические данные новорожденных. «Дети Внеземелья» — так окрестила вездесущая пресса поколение, появившееся на свет в условиях орбитальных станций и лунных городов, — несли в своих генах неизгладимый отпечаток новой среды обитания. Замкнутые, неразговорчивые, с непропорционально удлиненными конечностями, они в результате низких значений гравитации рефлекторно учились использовать для передвижения не только ноги, но и руки.

Поколение, рожденное в космосе, никак не вписывалось в радужные прогнозы о «галактическом будущем человечества», а на Земле продолжало прирастать население государств, число которых к началу двадцать третьего века значительно уменьшилось по сравнению с прошлой эпохой. Часть небольших стран была насильственно поглощена более крупными соседями, большинство же объединялись на добровольной основе, используя эталон Европейского союза. Из всех исторически сложившихся мировых держав лишь Австралия и Россия избежали крайних форм укрупнения.

Особое положение России обуславливалось не только огромной территорией страны, простирающейся на половину Евразийского континента, но и наличием трех интенсивно расширяющихся пограничных конгломератов: на западе это был Евросоюз, с юго-восточного направления начиналась территория Новой Азии, государства, объединившего Китай, Монголию, Индию, Таиланд, Японию, Корею, Вьетнам и другие страны азиатского региона, а с юго-запада вплотную подступали границы обновленных Арабских Эмиратов, изрядно обедневших за прошедшие столетия и обративших свой экспансивный взор на Африканский континент.

Передел мировых границ, длившийся на всем протяжении двадцать второго века, не привел к третьей мировой войне лишь благодаря твердой, скоординированной политике России и Евросоюза, не принимавших непосредственного участия в затянувшейся серии локальных войн, сопровождавших появление на политической карте планеты Новоазиатского государства и Обновленных Эмиратов, но выступавших единым фронтом в вопросах ограничения разгоравшихся военных

конфликтов.

Объединение Северной и Южной Америк на этом фоне прошло практически безболезненно, но привело, как и в случае с Эмиратами, к определенной стадии экономического и политического регресса, когда поглощение слаборазвитых государств вынуждало свертывать наиболее прогрессивные программы развития, требующие внушительных капиталовложений.

Таким образом, на политической карте Земли прочно обосновались пять крупных держав, но только три из них остались конкурентоспособны в сфере высоких технологий и внеземельных проектов.

К началу программы освоения Марса в ней принимали участие Россия, Евросоюз и Соединенные Штаты Америки, но к концу двадцать третьего века, после политического слияния континентов, американское правительство продало свою долю участия в марсианской программе новоазиатам, оставив за собой лишь незначительный по площади фрагмент терраформированных пространств.

Некогда единая межгосударственная программа преобразования Красной планеты хоть и сохранила техническое единообразие приемов и общий стандарт используемого оборудования, но развитие секторов освоения Марса вот уже полвека шло абсолютно разными путями.

Изначально предполагалось, что терраформированный Марс станет объектом для массового переселения миллиардов людей, но с течением времени исходная схема колонизации претерпела глобальные изменения, прежде всего в силу экономических причин.

Построенная в самом начале освоения сеть атмосферных процессоров была полностью автоматизирована и рассчитана на два столетия автономной эксплуатации, поэтому преображение атмосферы Марса не встречало особых трудностей и шло своим чередом: сотни распределенных по обоим полушариям станций формировали плотный, насыщенный водными парами облачный покров, который, в свою очередь, создавал парниковый эффект, сглаживая экстремальные пики температур, а миллиарды тонн микроорганики усердно поглощали углекислый газ, выделяя все большее количество свободного кислорода.

Первая, наиболее рискованная фаза терраформирования закончилась четверть века назад, но девяносто процентов марсианской поверхности по-прежнему представляли собой безжизненные пустыни.

В конце двадцать третьего столетия, в силу ряда экономических причин, у Красной планеты появились хозяева, а это в корне изменило исходную колониальную политику.

Спустя двести лет после начала работ по преобразованию Марса в колониальном проекте остались четыре участника: Россия, Объединенная Америка, концерн «Новая Азия» и корпорация «Дитрих фон Браун», выступающая под юридическим патронажем Европейского союза, причем последней принадлежало более шестидесяти процентов всех преобразованных площадей и соответственно планетарной техники.

Политика «Фон Брауна» являлась на сегодняшний день определяющей силой марсианских преобразований и была ориентирована прежде всего на получение прибыли, основным источником которой, помимо добычи полезных ископаемых, являлись комфортабельные поселения, возведенные на терраформированных площадях Марса. Естественно, продавая застроенные участки преобразованных марсианских пустынь, менеджмент корпорации опирался на состоятельные слои земного общества, которые могли заплатить реальные деньги за переселение из урбанизированных городов-муравейников на простор «Новой Земли», как все чаще именовали Марс в дорогостоящих рекламных акциях.

Реальность Марса сегодняшнего, нарисованная специалистами «Фон Брауна», демонстрировала потенциальным покупателям оживающий на глазах, обеспеченный всеми удобствами мир, разделенный на обширные, отстроенные «под ключ» усадьбы с полным комплексом робототехники, включая человекоподобных роботов-андроидов в качестве домашней прислуги, и броскими, умело обыгранными в рекламе надписями «private» на табличках у входа во владения будущих колонистов.

На фоне этого блекли и казались незначительными усилия по тотальному переселению, предпринимаемые странами и союзами государств, — проект «Колония» в течение столетия перешел в категорию дорогостоящих коммерческих предприятий, и главным игроком на марсианском поле сегодня являлась корпорация «Дитрих фон Браун», монополизировавшая не только шестьдесят процентов освоенных территорий, но и львиную долю добычи полезных ископаемых.

…Белоснежный «Буран» коснулся многоосными шасси взлетно-посадочной полосы космопорта и скользнул по ней, словно огромная, сложившая крылья чайка.

Спустя минуту челночный корабль остановился на обширной площадке, где его уже ждали тягачи, чтобы отбуксировать на стоянку, предназначенную для высадки пассажиров.

* * *

Нога Багирова впервые ступила на землю колонии, и в душе его что-

то трепетно вздрогнуло — вокруг простирался совершенно незаурядный пейзаж да и небо над головой выглядело необычно: низкие лохматые тучи образовывали непроницаемый покров, поддерживающий постоянный парниковый эффект, призванный сгладить контрастные перепады ночных и дневных температур.

В остальном космопорт «Южный» и прилегающая к нему местность напоминали кинохронику конца двадцатого — начала двадцать первого века. Терраформированные равнины Марса показались Багирову удивительно схожими со степями Казахстана, где располагался знаменитый «Байконур».

Сойдя с нижней ступеньки трапа, он остановился, оглядываясь по сторонам в поисках встречающих, однако не заметил никого, кроме пассажиров челнока, направляющихся к микроавтобусу.

Иннокентий Осипович пошел вслед за ними, мысленно поймав себя на машинальной задержке дыхания — инстинктивной привычке, от которой теперь можно будет избавиться хотя бы на время. Воздух Марса холоден, но чист, он не отравлен, как на старушке Земле, но ему, коренному жителю мегаполиса, пришлось сделать усилие, чтобы вдохнуть полной грудью…

Голова закружилась от запахов…

Багиров неторопливо направился к микроавтобусу, глядя на блестящие от осевшего утреннего тумана взлетно-посадочные полосы, изгибающиеся рулежные дорожки для «Буранов», невысокий бетонный забор, за которым по правую руку рос настоящий хвойный лес, а слева простирались бескрайние, теряющиеся в сиренево-серой дымке поля, засеянные разными сортами адаптированных к марсианской почве трав.

С одной стороны это казалось чудом, райским уголком, который создан не вопреки, а благодаря природе. Не оскверненная кислотными дождями зелень без бурых пожухлых пятен ласкала глаз и одновременно настораживала разум. В голове почему-то роились воспоминания об исполинских, но уже перенаселенных орбитальных станциях, колючих искорках звезд и черноте расплескавшейся вокруг Бездны, которая неизменно подавляла рассудок своей бесконечностью.

Семьдесят миллионов километров отделяли его от дома, друзей, привычной жизни, и это знание подспудно давило на разум, как будто предупреждало: не расслабляйся, все очень обманчиво, прослойка жизни, посеянная на мертвых равнинах, еще непостоянна, тонка и капризна, а этот райский уголок имеет четкий термин, его обозначающий, — колония.

Иннокентий Осипович уже давно не испытывал столько

противоречивых впечатлений и чувств, сжатых в ничтожном отрезке времени и расстояния: две минуты и десяток метров, что отделяли его от дверей микроавтобуса, приоткрыли Багирову целый мир, из-под пасторальной маски которого прорывалось нечто хорошо знакомое, прижившееся на донышке памяти еще с тех пор, как он служил в Военно-космических силах России. Это было сродни ощущению темного, холодного, безжизненного взгляда, словно планета, носящая имя древнего бога войны, внимательно взирала на очередного пришельца, еще не решив, принять его в свое лоно или нет…

Микроавтобус плавно и беззвучно тронулся с места, набирая скорость. Мимо мелькали аккуратно подстриженные газоны, их зелень выглядела такой сочной и яркой, что невольно подкрадывалась мысль: а не эрзац ли это? Но сладкий аромат, проникающий в салон через опущенное боковое стекло, тут же отметал сомнения — трава была настоящей.

* * *

Над зданием космопорта трепетал на ветру флаг. Российский триколор с добавлением логотипа колониальной администрации — тускло-красного шарика планеты, опоясанного четырьмя кольцами орбит — по количеству секторов освоения и соответственно земных государств-метрополий. Устремленная ввысь постройка, выполненная из стеклобетона, казалась массивной и в то же время какой-то полупрозрачной, изящной, — классический неомодерн сочетал в себе прочность бетона и дымчатую полупрозрачность стекла, а заключенная внутри арматура приобретала вид произведения искусства, сплетая в глубине массивных стен изящное кружево стилизованных фигур.

В сочетании с панорамой лесного массива и зелеными участками газонов комплекс выглядел просто потрясающе.

Багиров еще не освоился с мыслью, что окружающие красоты никуда не исчезнут и он сможет любоваться ими как минимум полгода, а если повезет, то и весь остаток жизни.

Он чуть ускорил шаг. Новые впечатления не освобождали от процедуры таможенного и паспортного контроля, к тому же за турникетом его наверняка ждут представители корпорации «Дитрих фон Браун», которые, собственно, и наняли Иннокентия Осиповича для работы в колонии.

«Да, тут все удивительно, практически непостижимо с первого взгляда», думал Багиров, пока офицер колониальной службы миграции проверял его документы и багаж.

Необычная для колонии профессия вновь прибывшего не могла не вызвать интереса со стороны проверяющего документы офицера, и он спросил:

— Вы прилетели к нам с целью получения работы? Это как-то связано с вашей профессией?

— Да, — кивнул Багиров, не видя причины скрывать очевидный факт. — Я археолог и прибыл по приглашению ведущей корпорации Евросоюза.

— То есть вы намерены заниматься раскопками?

Иннокентий Осипович пожал плечами.

— Археологическими изысканиями, — уклончиво ответил он, не желая выдавать личной неосведомленности.

— В «Фон Брауне» предполагают, что на Марсе существовала разумная жизнь? — искренне удивился офицер.

Багиров смог лишь развести руками:

— Я не владею этим вопросом. Мне предложили выгодный контракт, и я согласился. Будет ли толк от моих изысканий, наверное, покажет время, а о побудительных причинах спросите вон у тех господ, за турникетом. Думаю, они ждут именно меня.

Офицер покосился в сторону двух молодых людей, которые успели примелькаться еще до прибытия челнока, и вновь повернулся к Багирову:

— Почему вы прибыли через Российский сектор освоения? У корпорации есть свои межпланетные линии сообщения.

— Во-первых, я гражданин России, а во-вторых, меня торопили с прибытием, поэтому я воспользовался Услугами «Росаэрокосмоса».

— Понятно. — Офицер еще раз взглянул на монитор компьютера, затем вытащил унифицированное удостоверение личности из сканирующего устройства и вернул его Багирову со словами: — Удачи вам. Будет сенсацией, если вы что-то обнаружите. Можете мне поверить, Марс никогда не был обитаем, — добавил он. — Я тут уже десять лет и еще ни разу не слышал, чтобы при терраформировании был найден хотя бы намек на какие-то артефакты.

Иннокентий Осипович машинально кивнул в ответ. Он сам не до конца понимал истинную причину, по которой ему предложили работать в колонии. Марсианская археология — такое словосочетание резало слух вопиющим новаторством, но Багиров, прочитав условия контракта, все же согласился подписать его. Логика поступка была проста: он не рисковал ничем, его репутация в научных кругах могла приобрести разве что ореол чудаковатости, а вот возможность побывать в колонии, увидеть Марс

своими глазами — такой шанс выпадал один раз в жизни, и рассчитывать на него могли немногие.

Ради такой перспективы стоило на время абстрагироваться от всех существующих теорий и заставить свой внутренний голос заткнуться.

Глядя на пятидесятилетнего ученого, сторонний наблюдатель видел стереотипный образ: хорошо, со вкусом одет, чуть вальяжен, имеет деньги и репутацию, но все еще смотрит на мир со здоровым любопытством исследователя. По большей части такая оценка соответствовала истине, но в дополнение к сказанному Багиров обладал рефлекторной осторожностью, доставшейся ему в наследие от прошлого рода занятий, поэтому командировка на Марс не могла не вызвать у него подспудного ощущения тревоги и недосказанности. Чего ради? — настойчиво спрашивал внутренний голос, напоминая, что нет дыма без огня, да и корпорация «Дитрих фон Браун» никогда не бросает деньги на ветер.

Вероятно, они что-то нашли, но держат это в строжайшей тайне, подсказывала логика.

Иннокентий Осипович не позволил разыграться собственному воображению.

«Время покажет», — философски рассудил он, проходя через турникет.

* * *

Два представителя корпорации немедленно направились к нему, как только Багиров миновал зону таможенного контроля.

— Курт Штиммель, — представился молодой высокий блондин в форме службы внутренней безопасности «Фон Брауна». «Истинный ариец», — мысленно охарактеризовал его облик Багиров. Вторым встречающим оказался низкорослый итальянец, одетый не так строго, как Штиммель: легкая куртка, свитер, брюки, спортивного вида обувь на толстой подошве. Гардероб Роберто Маскани (так отрекомендовался потомок гордых римлян) явно избежал внимания стилистов корпорации.

— Как долетели, господин Багиров? — задал Курт вежливый, риторический вопрос.

Иннокентий Осипович только пожал плечами.

— Много новых впечатлений, — ответил он.

— О, Марс будет долго удивлять вас… — интригующе произнес Маскани, но тяжелый взгляд Курта, брошенный на итальянца, заставил того прикусить язык.

— Иди, получи багаж, — распорядился Штиммель. — Прошу,

господин Багиров, нас ждет машина.

Гадать, кто здесь главный, стало излишним, и Иннокентий Осипович спокойно последовал за Куртом.

* * *

Три часа езды по отличным, тщательно спланированным дорогам слились для Багирова в одно непередаваемое впечатление. Первый раз их остановили спустя сотню километров, на границе секторов освоения, но проверка документов тут была чисто номинальной, в конце концов, в колонии не существовало отдельных государств, по крайней мере, де-юре.

В том, что фактическое положение вещей в корне не совпадает с общепринятым мнением, Иннокентий Осипович убедился, как только машина миновала контрольный пост российской стороны и оказалась в секторе освоения корпорации «Дитрих фон Браун», которая осуществляла свою деятельность на Марсе под юридическим патронажем Европейского союза.

Глядя в окно на проносящиеся мимо пейзажи, он не мог не заметить расположенные через каждый километр детекторы, фиксирующие любое транспортное средство, а в ухоженных лесопосадках от внимательного взгляда Багирова не укрылись замаскированные коммуникации в виде приземистых бронепластиковых укреплений, несомненно, соединенных между собой проложенными под землей ходами сообщения.

Подобная инфраструктура требовала внушительных затрат, и, учитывая, что деньги на ее создание выделяла частная компания, следовало предположить, что в колонии все далеко не так идеалистично, как преподносили рекламные ролики «Фон Брауна».

Высокие глухие изгороди, окружающие шикарные особняки, расположенные на территории двух поселений, через которые им пришлось проехать, только усугубили впечатление, к тому же на въездах и выездах из населенных пунктов были установлены стационарные блокпосты, оснащенные средствами тяжелого вооружения.

Багиров обратил внимание Курта на многократную процедуру проверок, но тот лишь пожал плечами в ответ, произнеся как само собой разумеющееся:

— Для нас это не более чем формальность. Пара секунд задержки, пока сканер считывает данные идентификации.

— Такие меры оправданны? В колонии зреет противостояние?

Курт повернулся, с удивлением посмотрев на Иннокентия Осиповича.

— Вы смеетесь? Здесь кругом сплошная частная собственность.

Думаете, наши клиенты платят деньги за то, чтобы им мозолили глаза всякие проходимцы?

— А что, бывает?

Штиммель лишь криво усмехнулся.

— Редко, — ответил он и добавил, глядя в сторону горизонта: — В двухстах километрах отсюда начинается граница сектора освоения новоазиатов. Настоящий бандитский клан. Надеюсь, вам не нужно растолковывать, что на самом деле представляют собой подразделения концерна?

— Нет, не нужно, — произнес Багиров. — А как в таком случае действуют межгосударственные соглашения о разграничении зон освоения?

— Все соглашения остались на Земле, Иннокентий Осипович, — терпеливо пояснил Штиммель. — За миллионы километров отсюда, — для большей вескости уточнил он. — Вы в колонии. Постарайтесь понять, что здесь большинство законов и юридических норм существуют скорее в базах данных посольств, нежели в реальности. Сектора освоения относительно невелики, и пока нота протеста преодолевает путь от передатчиков колонии до земных орбит, здесь может произойти немало неприятных событий.

— Значит, прецеденты уже были? — уточнил Багиров.

— Мелочи, — успокоил его Курт. — Но мы несем жесткие обязательства перед своими клиентами. Можно быть уверенным в себе, но не в других, поэтому существующая система безопасности сектора, на мой взгляд, вполне оправданна.

Иннокентий Осипович откинулся на мягкий подголовник, глядя на проносящиеся мимо пасторальные пейзажи.

Относительно концерна «Новая Азия» его мнение совпадало с высказанными Штиммелем оценками. В молодости Багирову приходилось сталкиваться с азиатами.

«Интересно было бы узнать, какие отношения у „Фон Брауна“ с Россией?» подумал он, но вслух задавать вопрос не стал, тем более что машина уже миновала блокпост на окраине крупного административного центра.

Посмотрев сквозь лобовое стекло на широкие, тщательно ухоженные улицы, где непривычные взгляду двухэтажные дома утопали в зелени садов, он лишь заметил:

— Красиво. На Земле уже давно нет ничего подобного.

* * *

Земля. За год до изложенных выше событий…

В кабинете Майлера фон Брауна царил полумрак.

Шторы на окнах были плотно задернуты, панели потолка едва светились, создавая ровный мягкий сумрак без теней и темных углов.

За старомодным Т-образным столом сидел, сцепив руки в замок, семидесятилетний старик.

Майлер избегал смотреть на себя в зеркало. Несмотря на успехи медицины, которая, по выражению Дейвида Мошера, могла омолодить и поставить на ноги даже труп (главное, чтобы он не успел окоченеть, посмеивался старый циник), фон Браун выглядел отвратительно.

Нервы. Три десятилетия он единолично правил мощнейшей корпорацией Евросоюза, вкладывая в нее в первую очередь свою железную волю, а уж во вторую — деньги. Финансовые вливания и личные качества Майлера помогли аэрокосмической компании, балансировавшей на грани банкротства, стать государством в государстве со своими корпоративными законами, силами безопасности (здесь губ старика коснулась легкая усмешка — он лучше других знал, что под обтекаемой формулировкой скрывается частная армия, включающая в себя и флот космического базирования).

Майлер не являлся потомственным фон Брауном — он принял разорившуюся на колониальном проекте компанию из рук своей жены Кейтлин, правнучки знаменитого Дитриха.

Впрочем, не в этом суть. Он поднял корпорацию с колен, после того как Кейтлин умудрилась не только вбухать все активы в строительство никому не нужного колониального транспорта, но еще и нажить толпу кредиторов, которые грозили попросту уничтожить нового председателя совета директоров вполне обоснованными требованиями финансовой сатисфакции.

Он старался удовлетворить всех: кому-то платил, иные получали пулю наемного убийцы, третьи соглашались реструктуризировать долги, принимая долевое участие в новом проекте «Фон Брауна», где основная ставка была сделана на освоение безжизненных марсианских пустынь.

Три десятилетия назад Майлер верно угадал перспективное направление развития, и пока Евросоюз, втянутый в астероидный кризис, вел ожесточенную борьбу за ресурсы с молодыми, наглыми и напористыми промышленными группами Новой Азии, он начал скупать по бросовым ценам бесплодные марсианские территории вместе с законсервированной

на Красной планете техникой терраформирования. Евросоюз, погрязший в войне с азиатами, попросту не мог развивать колониальный проект, а когда ресурсы астероидного пояса были наконец поделены между сторонами, претендующими на их разработку, оказалось, что сектор освоения Марса, ранее принадлежавший Европейскому союзу, теперь на девяносто процентов перешел в собственность корпорации «Дитрих фон Браун» со всей техникой терраформирования, установками атмосферных процессоров и прочим оборудованием.

Освоение Красной планеты получило новый мощный импульс. Никто не мог предположить, что частная компания способна в корне изменить колониальную политику, превратив сложные циклы терраформирования в доходный бизнес.

Как гласит древняя мудрость, все гениальное просто. В отличие от господствующих мировых держав, корпорация «Фон Браун» не стремилась к реализации проектов массового переселения. Майлер сумел добиться качественных перемен — он создал сеть элитных марсианских поселений, предназначенных для избранных.

Многолетняя, многотрудная борьба, постоянное скольжение по синусоиде взлетов и падений, напряжение будней, не отпускавшее ни на минуту, жизнь, сжатая субъективной памятью в краткий миг бытия, и вот он стоит на вершине своего успеха — старик телом и душой, наделенный почти безграничной властью денег, а впереди — лишь пугающая пустота равнодушия, граничащего с отвращением к жизни.

В отчаянной борьбе он сумел совершить невозможное, но пропустил тот миг, когда начала обугливаться и сгорать душа, оставляя после себя пустую, одряхлевшую телесную оболочку.

Мысли фон Брауна не имели ничего общего с психическим недомоганием или старческим маразмом — он рассуждал так же твердо и логично, как прежде, но из его жизни ушел азарт, и сумрак огромного кабинета наиболее полно отражал внутреннее состояние Майлера.

Он размышлял, относясь к себе столь же беспощадно, как к врагам и конкурентам, не делая поблажек собственному «я». Привычка трезво оценивать события, делать очевидные выводы из твердых фактов внезапно указала ему на пропасть, которая со всех сторон окружала покоренную вершину. Шаг в сторону означал падение, он слишком долго и тщательно возводил пирамиду собственного успеха, без жалости и угрызений совести бросая в ее основание судьбы и жизни многих людей.

Майлер едва слышно вздохнул, потянувшись рукой к сенсорной панели управления компьютерным комплексом.

Очередная сводка из колонии.

Он бегло просмотрел тексты сообщений, отобранных и систематизированных для него кибернетической системой логической обработки данных.

Среди суточных отчетов, касающихся незначительных изменений в миграционной и общеполитической обстановке на Марсе, его внимание привлекло сообщение, которого он ждал вот уже несколько лет.

По оперативным данным, полученным из агентурных источников, в лабораториях концерна «Новая Азия» произведен тестовый запуск локальной сети, функционирующей на основе элементов, внедряемых в структуру кибернетических механизмов андроидного типа.

Внешне безобидное сообщение технического плана на самом деле таило в себе глубокий смысл.

Концерн «Новая Азия» являлся монополистом марсианского рынка робототехники. Кибернетическими механизмами, произведенными на заводах Новой Азии, были в буквальном смысле переполнены все без исключения сектора освоения Марса. О том, что азиаты оснащают своих роботов дополнительными модулями, не задекларированными ни в одной технической спецификации, Майлер знал давно. Специалисты «Фон Брауна» раскрыли это ухищрение еще полтора десятилетия назад. Служба внутренней безопасности корпорации сделала свои, далеко идущие выводы, и на стол Майлеру лег отчет, где недвусмысленно говорилось о вероятности, использования бытовых человекоподобных машин в качестве ударной силы при возникновении вооруженного конфликта. По сути, концерн, внедряя в свою продукцию тщательно скрытые сетевые модули, при посредничестве которых стандартное программное обеспечение кибермеханизмов могло быть в одночасье заменено на радикально иной софт, формировал «пятую колонну», способную решить любой конфликт в пользу своих производителей.

Осознав угрозу и тщательно проанализировав ситуацию, фон Браун не стал оглашать сделанное открытие и не отказался от закупок кибернетических механизмов. Майлер прекрасно осознавал, что тотальное включение дремлющей до поры сети может быть осуществлено лишь однажды, в том случае если руководство концерна придет к решению о необходимости вторжения в смежные сектора освоения Марса.

При таком развитии событий азиатов ждал неприятный сюрприз. Вся продукция концерна, закупаемая фон Брауном, проходила техническое переосвидетельствование, скрытые компоненты при этом не изымались, но в дополнение к ним устанавливались собственные программные модули,

разработанные в лабораториях корпорации. После упомянутой операции любой кибермеханизм, получив сигнал по каналам скрытых сетевых устройств, автоматически прерывал связь с производителями, активируя программы, заложенные в него в лабораториях «Фон Брауна».

По сути, такой технический ход превращал скрытые сетевые устройства в обыкновенный переключатель, который не только предупреждал о начале агрессии, но и запускал систему противодействия, заставляя механизмы защищать территорию корпорации от любых посягательств извне.

Тот факт, что в колонии рано или поздно вспыхнет вооруженный конфликт, не вызывал у Майлера никаких сомнений. Как сказано — он был прагматиком и не мог строить каких-то иллюзий относительно методов, которых придерживался конкурирующий концерн при освоении ресурсов дальнего Внеземелья. Эти методы однажды уже были продемонстрированы мировому сообществу во время астероидного кризиса.

* * *

По глубокому убеждению Майлера, глава семьи Ляо, досточтимый Цинь Хуань, объявленный на Земле персоной нон грата и заочно приговоренный судом Евросоюза к пожизненному заключению, прекрасно чувствовал себя на Марсе.

Его генеалогическое древо уходило своими корнями в эпоху коммунистического Китая, к лидерам научно-политической революции, замешанной на крутой волне патриотизма рядовых граждан, которые к середине двадцать первого столетия всемерно поддерживали курс руководства страны на противостояние с Соединенными Штатами Америки и скорейший прорыв в космос.

Цинь Хуань был чем-то похож на Майлера фон Брауна, он обладал такой же железной волей, трезвым рассудком, к тому же хорошо знал историю и понимал, что сегодняшнее положение дел в колонии является прямым наследием той эпохи, когда космос стал прерогативным[2] направлением развития для многих стран мира. Стремительный прогресс новейших технологий вкупе с ресурсами огромной страны позволяли его предкам проводить спланированную политику освоения космического пространства, пресекая настойчивые попытки третьих стран вмешаться в ход процесса.

Ни для кого не секрет, что к началу двадцать первого века режим Китая все еще оставался тоталитарным, несмотря на сильное давление со стороны мировых демократий. Всем поползновениям внешних

идеологических врагов давал жесткий отпор культивирующийся в массах патриотизм, и потому главной разрушительной силой, в конечном итоге подточившей устои тоталитаризма, стало не политическое давление, а обратный эффект «экономического чуда».

Империя понемногу разлагалась под влиянием законов бизнеса — на протяжении столетия руководящая верхушка постепенно превращалась в группу крупных предпринимателей, которым принадлежало девяносто процентов всех технологических мощностей обновленной Китайской Республики.

Новые поколения, неизбежно приходящие на смену старым, уже не так прочно держались за призрачные идеалы — скорее прагматики, чем амбициозные политики, они полностью признали власть денег, но не позволяли империи рухнуть, демонстрируя всему миру очередного колосса на глиняных ногах.

Сохранить и даже приумножить территорию великого азиатского государства помог здравый смысл молодых, энергичных и не отягченных принципами той или иной политической системы наследников первых лиц правившей партии.

Не желая разрушать созданное предками и дробить Поднебесную на множество мелких территорий, они сумели договориться между собой, провозгласив еще один этап новой экономической политики, по сути, разделив сферы влияния между семейными кланами, контролирующими различные области промышленности.

Семья Ляо получила в свое ведение космическую программу, одно из наиболее дорогостоящих и перспективных направлений развития.

На протяжении последующих столетий клан Ляо постепенно выделился среди других, осуществив несколько грандиозных проектов по освоению ресурсов пояса астероидов, колонизации Марса и добыче полезных ископаемых на Луне.

Финансовая прибыль, получаемая от долгосрочных программ, породила закономерную, но отнюдь не новую в мировой практике ситуацию: группа лиц, связанных родственными узами и общими экономическими интересами, контролировала все космические программы, безраздельно властвуя за пределами земной атмосферы, в то же время де-юре оставаясь неотъемлемой частью государства, с которым не могли не считаться мировые политические силы.

Как показала практика, дальний космос быстро ставит под сомнение законы, разработанные для земных условий сосуществования наций. Внеземелье стало вотчиной крупного бизнеса, и нетрудно представить, что

вне радиуса лунной орбиты, на удалении в семьдесят, а то и в сто пятьдесят миллионов километров от метрополии, в полную силу начинал работать закон джунглей…

Евросоюз первым испытал на себе давление со стороны азиатских промышленных групп и попытался активно противостоять процессу монополизации ресурсов пояса астероидов, однако это привело лишь к жесточайшим столкновениям между новоазиатами и европейцами — в зоне дальнего космоса.

Концерн выдержал прямое вооруженное столкновение и, возможно, вышел бы победителем из астероидного кризиса, не соверши азиаты роковой ошибки, которая уже не раз на протяжении истории развития человечества останавливала далеко идущие планы мирового господства, вынашиваемые отдельными нациями или их особо обнаглевшими представителями. Силы Ляо в ходе затянувшегося противостояния с Евросоюзом имели глупость совершить несколько рейдов в зону дислокации российских рудодобывающих комплексов.

В результате этой роковой ошибки Семья у победной черты была жестко остановлена Военно-космическими силами России.

В поясе астероидов был наведен относительный порядок, а Цинь Хуань вынужденно перебазировался на Марс, где его не могли настичь самые упорные преследователи.

Война в космосе обескровила Евросоюз до такой степени, что программу освоения колонии пришлось отдать на откуп крупному бизнесу — так в европейском секторе Красной планеты прочно обосновалась корпорация «Дитрих фон Браун», что до определенного момента вполне устраивало руководителей концерна «Новая Азия».

Теперь ситуация вновь приближалась к опасной черте, но баланс сил за истекшие десятилетия значительно изменился, причем далеко не в лучшую сторону, если рассматривать его с точки зрения клана Ляо.

Потеряв в поясе астероидов большую часть космической техники, концерн не сумел восполнить утраченное. Зато на Марсе дела шли в гору, заводы по выпуску робототехники функционировали на пределе мощностей, обеспечивая постоянно возрастающие потребности колонии, и в этой связи Цинь Хуань все чаще задумывался — насколько оправданны его попытки восстановить позиции в поясе астероидов, учитывая, что Марс также богат полезными ископаемыми, а главное — сюда не распространяется власть его земных недругов и гонителей.

Здесь перед главой Семьи вставал один весьма болезненный вопрос: пока концерн зализывал раны, полученные в поясе астероидов, молодой и

энергичный Майлер фон Браун сумел создать собственную империю, полностью монополизировав европейский сектор освоения. Под контролем его корпорации оказалась не только прибыльная торговля терраформированными территориями, но и подавляющая часть перспективных месторождений естественных ресурсов планеты.

Имея такого конкурента, концерн оказался загнанным в узкие рамки отведенной ему роли — снабжать колонию всеми видами кибернетических механизмов, находясь при этом в жесткой зависимости от встречных поставок корпорации, снабжавших производства сырьевыми ресурсами.

Ляо не устраивало такое положение вещей, он, успев осознать все преимущества обособленности Марса, втайне мечтал о полной, неограниченной власти над освоенными территориями планеты.

Некоторые шаги в этом направлении уже были сделаны.

* * *

Двух человек разделяла бездна космического пространства, но они ясно представляли себе друг друга.

Майлер, размышляя над полученным сообщением, не выдержав, закурил.

Сизый сладковатый дым прихотливыми змейками начал расползаться по кабинету, смешиваясь с сумраком.

События, назревающие в колонии, уже не подстегивали нервную систему, а лишь усугубляли ощущение моральной пустоты и усталости. Нет, он вовсе не выдохся в этой борьбе, но в определенный момент из действий фон Брауна начал уходить азарт и постепенно наступило равнодушие, с которым было все труднее и труднее бороться.

По сути, в перспективе виделось два выхода: он мог прямо сейчас коснуться сенсора мобильного коммуникатора, и к его услугам тут же окажутся лучшие специалисты по биогенетике, каждый с мировым именем и астрономическими гонорарами. Они умели совершать чудеса, и через месяц-другой мир увидит помолодевшего Майлера, крепкого телом, но…

Здесь мысль останавливалась, будто перед внутренним взором вставала черная, непреодолимая стена.

Кто вернет ему душу? В чем найдет смысл жизни молодая телесная оболочка с заключенным в ней разумом старика? Он достиг всех мыслимых вершин, и карабкаться дальше, прибавить еще пару миллиардов к своему состоянию не казалось ему достойной целью, тем более что с определенных пор капитал корпорации прирастал автоматически, сообразуясь с законами современного рынка и математическими

прогрессиями удачных инвестиций.

«Любовь?..» — проскользнула на границе сознания шальная мысль, уводящая в сторону от сиюсекундных проблем.

Он уже почти не помнил, что это за чувство. Майлер всю жизнь использовал людей, и подобную привычку теперь не сломишь, да и не мог он позволить себе размениваться на любовные отношения — молодой или старый, он все равно оставался на том вожделенном, но уже мысленно проклятом пятачке недосягаемой для других вершины, где нельзя совершать резкие, необдуманные телодвижения.

Конечно, существовал еще путь бегства.

Он мог отойти от дел, пройти курс интенсивной генетической терапии и исчезнуть, раствориться, улететь на Марс, как делали это тысячи клиентов «Фон Брауна», — поселиться в собственном доме, окруженном невыразимо прекрасной лесопарковой зоной, спрятаться за табличкой с надписью «Private» и…

Он поперхнулся дымом и с раздражением погасил окурок в золоченой пепельнице.

Майлер всего дважды бывал на Марсе, но это не мешало ему со всей отчетливостью представлять существующее положение вещей.

Четыре сектора освоения Красной планеты, изначально расположенные вдалеке друг от друга, в последние годы значительно сблизились, обрели общие границы, вползая длинными, узкими клиньями в пространство предгорий. Марс не Земля, в колонии царят иные законы, знаки и акценты там расставляются совсем по-другому… Американский сектор освоения постепенно мельчал пропорционально тому, как правительство Объединенной Америки теряло интерес к колониальной программе. Русские не делали резких шагов в освоении новых земель — они вели грамотно спланированную перспективную политику, рассчитанную на массовое заселение терраформированных территорий, когда знаменитые российские просторы станут тесны для нации. Пока ничего подобного не происходило, и вряд ли подобное переселение будет осуществлено в ближайшее десятилетие, но Российский сектор освоения успешно развивался, к тому же русские обладали мощным космическим флотом, гарантирующим неприкосновенность существующих границ колониального владения.

Майлер привык рассматривать Россию как надежный буфер, предохраняющий частные владения клиентов «Фон Брауна» от наглых, напористых и плодовитых азиатов. Политика концерна «Новая Азия», проводимая на Марсе, мало чем отличалась от земной, за некоторым

исключением — в колонии азиатов сдерживали три фактора: отсутствие мощного космического флота, прямое соседство России и частная армия корпорации, способная дать отпор любым поползновениям стремительно развивающихся «соседей».

Фон Браун прикурил новую сигарету, продолжая мысленный диалог с самим собой.

Что случится, если он решит отойти от дел?

Конечно, мир от этого не рухнет, но у него не было прямого наследника, такого же трезвомыслящего и решительного, как он сам. Этот факт приводил к неизбежному выводу — совет директоров корпорации не сможет избежать внутренних разногласий, и скрытая закулисная борьба примет откровенную, открытую форму. Это будет сказываться постепенно, но последствия интриг и амбиций в конечном итоге окажут разрушительное воздействие — так вода точит самые твердые породы камня, постепенно разрушая неколебимые на первый взгляд скалы…

Майлер понимал, что не сможет полностью отрешиться от дела всей своей жизни, спрятавшись в тихой усадьбе на терраформированных равнинах колонии. Ему будет невыносимо жить, наблюдая, как медленно разваливается созданная им структура, теряя целостность, распадаясь на отдельные бизнес-проекты, что в конечном итоге приведет к удручающему финалу: сектор освоения корпорации будет в буквальном смысле разорван на части, изменятся принципы, в колонию начнут проникать не респектабельные граждане Земли, решившие удалиться от дел и провести остаток жизни в тишине и покое, а разного рода шваль, имеющая деньги, но еще не набившая себе шишек на лбу, с которыми приходит изрядная доля взвешенности и жизненного опыта.

«Все полетит в пропасть, и я стану свидетелем катастрофического развала корпорации. — Внутренний вывод Майлера был, как всегда, сжат и категоричен. — Не знаю, как поведут себя русские, но азиаты не преминут воспользоваться случаем, — пояс астероидов ничему не научил их, лишь показал всему миру, с какой жадностью и легкостью они идут на откровенный захват чужих ресурсов…»

Взгляд на только что полученное электронное сообщение лишь подтвердил справедливость последних выводов. Испытания, проведенные в кибернетических лабораториях концерна, — это первая ласточка, предвестник скорых событий, и, улетев в колонию, он рисковал оказаться в эпицентре скоротечной войны.

Если корпорация не нанесет упреждающий удар, клан Ляо может рассчитывать на успех, подсказывало Майлеру внутреннее чутье.

«Марс — не Земля…» — вновь мысленно повторил он. Семьдесят с лишним миллионов километров, разделяющих два мира, способны развязать руки кому угодно. Что может противопоставить метрополия внезапно вспыхнувшему территориальному конфликту в колонии? Пару боевых крейсеров? Но они не станут подвергать Марс орбитальным ударам — такая вопиющая глупость не придет в голову ни одному из самых тупоголовых политиков или военных, а десантные подразделения, базирующиеся на борту космических кораблей, едва ли наберут две-три сотни бойцов, при условии объединения усилий всех мировых держав. По сравнению с сегодняшним населением Марса это даже не горстка, меньше. Никто не сможет радикально повлиять на ситуацию. Как только в целостности «Фон Брауна» возникнет хотя бы одна трещина, извечные конкуренты не упустят шанс — они, вероятнее всего, не рискнут тронуть Россию, но тесное соприкосновение секторов в передовой зоне освоения позволит им осуществить вторжение на земли «Фон Брауна», минуя русских. Здесь, на Земле, конечно, поднимется солидный шум, полетят ноты протеста, но кто рискнет развязать третью мировую войну из-за передела собственности в колонии, ведь речь пойдет не о вторжении на территорию суверенного государства, — аннексии подвергнутся земли корпорации, которая многих попросту раздражает своей нарастающей мощью.

«Выходит, „Фон Браун“ — это колосс на глиняных ногах? — невольно задал себе мысленный вопрос Майлер и тут же ответил на него: — Ничего не произойдет, пока моя воля скрепляет отдельные структуры, нивелирует амбиции подчиненных и не дает поднимать головы крупным акционерам. Но если я уйду, не оставив преемника, все рухнет».

А как хотелось уйти…

Цели достигнуты, сосущая пустота грядущего уже прочно поселилась в груди, и нет способа повернуть вспять безжалостное время, снова стать юным и дерзким, опять почувствовать резкий солоноватый вкус крови на треснувших губах, втянуть трепещущими расширенными ноздрями тонкий аромат горячего металла с примесью ионизированного воздуха и режущего нервы запаха отработанных пороховых газов…

Майлер погасил сигарету, повернулся вместе с креслом, намереваясь встать, и вдруг его взгляд остановился на карте марсианских полушарий, по которым, тесно смыкаясь в одной точке, тянулись постепенно сужающиеся клинья трех секторов освоения.

Сектор «Фон Брауна» светился красноватым фоном, позади лежало серое пятно американских земель, параллельно красному клину вытянулся

зеленый — это русские, и, наконец, впритык к зеленоватому фону растеклось бесформенное желтое пятно — земли концерна «Новая Азия». На карте присутствовали сотни различных значков, обозначающих не только населенные пункты, но и промышленные объекты, — в колонии к сегодняшнему дню имелась развитая промышленная база, разделенная по специализациям, — «Фон Браун» лидировал в добыче полезных ископаемых и производстве тяжелой планетопреобразующей техники, российские ученые и немногочисленные поселенцы занимались в основном аграрными экспериментами, причем настолько успешно, что обеспечивали продовольствием фактически все население колонии, концерн «Новая Азия» исторически лидировал в сфере высоких технологий и серийного производства кибернетических механизмов, ну а на территории американского сектора до сих пор сохранилось множество мини-заводов самого различного профиля, оставшихся со времен серьезных колониальных амбиций американского правительства, которое заявляло, что сделает национальный сектор освоения полностью самодостаточным.

Сейчас, судя по обилию и разнообразию значков, обозначающих те или иные инфраструктуры, на уровень самодостаточности вышла вся колония в целом, при условии объединенного, централизованного использования и перераспределения ресурсов.

На миг зрение Майлера смазалось, он вдруг увидел, что вся территория терраформированных земель от края до края покрыта сочно-красным цветом.

Секундный мираж породил дерзкую молниеносную мысль, которая, в свете здравого смысла, граничила с обыкновенным безумием, и разум машинально отторг ее, отнеся к разряду опасных афер…

Майлер на миг закрыл глаза, пытаясь избавиться от внезапного морока, но сумрак, до сих пор окружавший его разум, отражающий состояние рассудка, самым неожиданным и неестественным путем вдруг принял знакомый багряный оттенок.

«Я, видно, сошел с ума… — подумал Майлер и вдруг услышал собственный голос, прозвучавший со знакомой иронией: — А может быть, ты нашел ответ на вопрос о смысле дальнейшей жизни?..»

Глава 2

30 мая 2415 года. Марс. Сектор освоения корпорации «Дитрих фон Браун»…

В пятистах километрах от космопорта «Южный», по магистрали, ведущей в направлении горного хребта, бесшумно скользил темно-серый «Дэйш-700». Машины представительского класса на Марсе можно было сосчитать по пальцам. Низкая посадка, обтекаемые формы, мутный глянец тонировки на стеклах — все это резко диссонировало с обычной колониальной техникой, где основными средствами передвижения, как правило, являлись непритязательные к внешнему виду, но мощные, надежные в эксплуатации вездеходы-внедорожники, выпускаемые местной промышленностью.

«Дэйш» держал скорость около двухсот километров в час, почти бесшумно пожирая пространство. Слышался лишь мягкий шелест широких покрышек по влажному асфальтобетону да невнятно посвистывал встречный воздушный поток, покорно проскальзывая под антикрылом в вихрящуюся зону турбулентности.

По этой дороге давно никто не ездил, и вслед машине закручивало редкий мусор.

Внутри салона вообще не ощущалось движения.

На месте водителя восседал андроид — человекоподобная модель кибернетического механизма. В отличие от управляемого им автомобиля, дройд был старым, его конструкция, не включающая элементарной оболочки из пеноплоти, несла минимум эстетики. Впрочем, Марка Келли, главу колониальной службы безопасности корпорации «Фон Браун», комфортно устроившегося на заднем сиденье, этот факт нисколько не смущал. Дройд являлся его собственностью вот уже полтора десятилетия, пара искусно заделанных пулевых отверстий вкупе с глубокими царапинами, покрывающими кожухи механического создания, немо свидетельствовали о его «бурной молодости» — это сейчас пальцевые разъемы «PQ-920»-го были соединены с панелью управления дорогой машины, но облик дройда почему-то наводил на мысль о высокой степени программной свободы, снимающей большинство запретов и ограничений, заложенных на заводе-изготовителе. По крайней мере, нестандартные для бытовой машины крепления силовой кобуры с торчащей наружу пистолетной рукояткой стозарядного «скорпиона» указывали на

значительные видоизменения базовых программ.

Его хозяин выглядел не так колоритно. Если бы не ранняя проседь в коротко стриженных волосах, то Марку можно было бы дать лет тридцать, не больше. Ему и на самом деле недавно исполнилось двадцать семь, но резко очерченные скулы, холодные глаза и плотная, упрямая линия губ делали его старше своего возраста. Поверх черной облегающей полевой формы со знаками различия капитана военно-космических сил Европейского союза, на плечи Келли было накинуто такого же цвета пальто, столь же дорогое, как машина, в которой он ехал.

Странная смесь индивидуальности с минимальной данью официальному положению — в этом был весь Келли, о котором говорили, что он единственный человек в колонии, кому плевать на моды, протоколы, традиции либо запреты.

Он сидел, задумчиво глядя, как стремительно стелется дорожное полотно под колеса машины, пока впереди не показались знакомые с детства ориентиры.

— Останови тут.

«Дэйш» притормозил и плавно ушел к обочине.

Тихо чавкнул пневматический уплотнитель пассажирской двери, наружу пахнуло кондиционированным сумраком роскошного салона. Марк прошел с десяток метров по потрескавшемуся от времени асфальтобетону и остановился подле накренившегося бетонного ограждения, глядя в хмурую туманную даль.

Накрапывал мелкий моросящий дождь. Покосившиеся секции периметра, поваленные взрывной волной, тянулись по обе стороны дорожной насыпи, въезд в запретную зону символически обозначали старые, массивные ворота, хранящие следы былой трагедии: один многотонный створ плашмя лежал на земле, а другой, выпученный ударом невероятной мощи, все еще держался в деформированной раме.

Сразу за воротами начиналась обширная площадка, на которой когда-то был расположен контрольно-пропускной пункт. Теперь от него осталась лишь груда обломков, спекшаяся в стекловидную массу.

Келли закрыл глаза.

Он часто приезжал сюда, к границе запретной зоны, особенно в последнее время: после двадцатилетнего забвения к заброшенным землям вновь начал проявлять внимание плановый отдел корпорации, а значит, вскоре здесь появится тяжелая техника, предназначенная для вторичного терраформирования.

Перед плотно зажмуренными веками плавали разноцветные искры,

образы прошлого не желали покидать глубины памяти, и Марк впервые за много лет задал себе мысленный вопрос: «Зачем я приезжаю сюда?»

Расхожая поговорка гласит, что время лечит любые раны.

Может, он не такой, как все? Или травмированная память семилетнего мальчика столь глубока, что не подпадает под общепринятые нормы?

На фоне искрящейся черноты медленно начали проступать образы…

Он увидел лес: аккуратные, причесанные под исполинскую гребенку ряды хвойных деревьев, одинаковых, будто клонированные с одного образца, двухэтажное здание КПП перед массивными, плотно сомкнутыми воротами, а в полукилометре от пропускного пункта съехавшую в обочину машину, из которой, зайдясь в беззвучном крике, судорожно выбирается семилетней мальчуган…

Воспоминания начали обретать недвусмысленную материальность, сознание проваливалось в глубины памяти, выталкивая в сознание не только зрительные образы, но и звуки, запахи…

Келли мог открыть глаза, волевым усилием порвать тонкую нить кошмара, но не стал это делать, лишь вздрогнул, когда воспаленный рассудок окончательно канул туда…

…Он с трудом выкарабкался наружу через разбившееся ветровое стекло и, находясь во власти шока, побежал к приземистому зданию.

Резко распахнулась дверь, и навстречу ему выскочил офицер.

Из горла мальчика вырвался сиплый крик. Он вдруг остановился, с неистовой мольбой и надеждой глядя на взрослого, а разбитые в кровь губы кричали:

— Мама! Там мама!.. Дяденька, помогите ей!..

Офицер рванулся было вперед к перевернувшейся машине, но его остановила тоновая трель вызова коммуникатора.

— Да? — отрывисто ответил он, доставая устройство мобильной связи, и вдруг его лицо стало серым, как скверная оберточная бумага.

— Что?! — машинально переспросил он у незримого абонента, потом уронил коммуникатор, обернулся, успев бросить полный ужаса взгляд в сторону горизонта, и вдруг, цепко схватив мальчишку, ринулся назад.

— Мама! — извиваясь в его объятиях, орал Марк, но офицер не обращал внимания ни на крик, ни на судорожные попытки вырваться — он бежал к воротам, которые, подчиняясь сигналу с миниатюрного пульта ручного управления, дрогнули и стали медленно открываться.

Между створами уже обозначился полуметровый зазор, когда офицер добежал до них. Бьющийся в его объятиях мальчуган не понимал происходящего — он помнил лишь ослепительную вспышку, блеснувшую

за сотни километров от их дома, перепуганное лицо матери, тяжкий грохот, который обрушился со всех сторон, кроша стекла, сотрясая стены зданий и поднимая шквалистый ветер… Потом его сознание запечатлело серое покрытие дороги, несущееся под колеса машины, бледное, напряженное лицо матери, покрывающееся отвратительными водянистыми пузырями, — ему было страшно, он не понимал, что творится вокруг, отчего привычный мир вдруг превратился в кошмарный сон?.. Затем машину неожиданно занесло, — ослабевшие руки женщины не справились с управлением, и дорога, лес, небо — все начало медленно переворачиваться…

— …Беги! — неистово закричал офицер, вталкивая дрожащее тельце в узкую щель между многотонными створами, а сам замешкался ровно на секунду.

Марку повезло. Он не устоял на ногах, упал на мокрый асфальтобетон, зарыдав от страха и горькой детской обиды…

В следующий миг окрестности затопил СВЕТ…

…Келли открыл глаза, невольно посмотрев себе под ноги.

Вот тут лежал он, и полуметровая толща бронированных ворот закрыла ребенка от смертоносного воздействия проникающей радиации, а ударная волна ядерного взрыва лишь выпучила размягчившийся металл многотонного створа…

Если обойти ворота и взглянуть на устоявшую в вертикальном положении половинку, то среди потеков расплавившегося керамлита можно разглядеть призрачный контур человеческой фигуры.

Тень, смутно прорисованная в оплавленном металле, — вот все, что осталось от спасшего его офицера.

Келли никогда не привозил сюда цветы.

Это казалось ему кощунством. Он был одним из немногих, кто пережил взрыв атмосферных процессоров, но спустя годы память не истерлась, боль не притупилась, а стала острее, жестче, она освещала душу, как та неистовая вспышка света, потому что теперь он многое узнал, понял…

Ради этого стоило пройти нелегкий путь длиною в двадцать лет, претерпеть лишения, научиться смотреть на жизнь с безжалостным, граничащим с цинизмом пониманием.

Этот путь превратил скорчившегося в луже мальчугана в Марка Келли, коренного марсианина, воспитанника корпорации, прошедшего всю иерархическую лестницу от рядового охранника до начальника службы безопасности сектора «Фон Браун».

Да, двадцать лет назад у него не было выбора, жизнь навязала ему

определенные правила игры, и он придерживался их многие годы. Теперь все изменилось, но стало ли от этого легче?

Нет.

Келли взглянул на чахлый, хаотично проросший лес и молча пошел назад к машине.

Приглушенно хлопнула дверь, неслышно заработал двигатель, и роскошный «Дэйш» тронулся с места, разворачиваясь на старой дороге.

— На южное КПП, — распорядился Келли, взяв в руки тонкий компьютерный планшет. Легкое прикосновение пальца к сканирующему окошку активировало прибор, одновременно подтвердив полномочия пользователя, и на плоском экране проявился текст:

Из архива новостей независимого ежемесячного обозрения «Внеземелье».

Май-июль 2395 года.

…Комиссии по расследованию не удалось установить точную причину взрыва на девятой марсианской станции переработки атмосферы, находящейся в секторе освоения концерна «Новая Азия». Независимые эксперты ставят под сомнение вывод о локальном землетрясении, разрушившем систему защиты реактора. На данном участке освоенных марсианских территорий не фиксировалось сейсмической активности, и подземные толчки, по мнению специалистов, не могли послужить ни первопричиной, ни катализатором техногенной катастрофы, едва не перечеркнувшей многовековые усилия по терраформированию Красной планеты.

На фоне потрясших колонию событий в информационной тени оказались недавние проблемы корпорации «Дитрих фон Браун». Напомним, что за полгода до взрыва атмосферного процессора серия поломок буквально захлестнула промышленный район, где располагались рудоперерабатывающие комплексы корпорации.

Стоит отметить, что проблемная зона корпорации, откуда на протяжении последних месяцев поступали противоречивые слухи о массовых отказах кибернетических механизмов и систем автоматического управления, теперь превращена в радиоактивную пустошь…

Это письмо пришло сегодня утром по электронной почте. Выдержка из ежемесячного обозрения двадцатилетней давности не сопровождалась какими-либо пояснениями, автор послания, несмотря на строгую процедуру проверки всех входящих в корпоративную сеть сообщений,

сумел сохранить полное инкогнито, и Марк вдруг почувствовал, что его толкнули. Иначе это ощущение не назовешь кто-то дернул за ниточку, потревожив его память, заставив совершить несвойственный Келли поступок: резко поменять утренние планы и поехать сюда…

— Останови.

«Дэйш» уже шел на приличной скорости, и Келли ощутимо толкнуло вперед, когда машина резко покачнулась на магнитных подвесках и застыла.

— На место пассажира, — коротко приказал Марк андроиду. — Подключись к центральной базе данных корпорации.

Андроид молча повиновался.

Келли вышел из машины и пересел в водительское кресло. Застегнув страховочные ремни, он плавно возобновил движение, включив частичные функции автопилота. Заработавшие лазерные дальномеры моргнули точечными искрами индикаторов, и «Дэйш» вновь начал набирать скорость, ни на миллиметр не отклоняясь от четкой разделительной полосы автобана, по которой скользило алое пятнышко лазерного луча.

Келли посмотрел на часы.

До встречи, назначенной на полдень, оставалось еще сорок минут.

— Я жду инструкций, Марк, — напомнил о своем существовании андроид. Он занял переднее кресло пассажира и погрузил тонкие шунты жестких компьютерных интерфейсов в соответствующие разъемы на приборной панели.

Келли полуобернулся, взял с заднего сиденья электронный планшет органайзера, коснулся сканера активации и передал прибор дройду:

— Проанализируй.

Лаконичность фраз и обращение по имени, которое позволил себе дройд в отношении хозяина, недвусмысленно говорили о полном взаимопонимании между человеком и роботом, более того, опытный психолог мог сделать далеко идущие выводы: Келли явно не страдал киберфобиями, для него не имел никакого значения выбитый на кожухах андроида серийный номер — он одухотворял кибернетический механизм, обращаясь к нему как к равному, возможно, у андроида имелось даже собственное имя.

Любопытный образец отношений.

Дорога стремительной серой лентой стелилась под колеса мощной машины, плавное ускорение ощущалось легкой перегрузкой, и Марк поймал себя на том, что продолжает увеличивать скорость, хотя индикатор на электронном спидометре уже вплотную приблизился к красной

ограничительной отметке.

Келли заставил себя расслабиться.

Он уже понял, что отправитель письма рассчитывал на определенную реакцию и, похоже, добился некоего результата. Видеть начальника службы безопасности неуравновешенным — это уже стоило многого.

Укол в подсознание, пробивший обычную невозмутимость Марка, был точно направлен в недремлющий участок травматической памяти. Такие письма не приходят по ошибке или злому озорству. Он кожей ощущал угрозу, но из-за отсутствия комментариев в тексте не мог понять: от кого она исходит и какие цели преследует неведомый отправитель? Чего он хотел? Всего лишь нарушить утренние планы Марка? Увести его от обычных дел? Заставить сорваться с места и уехать из офиса?

«Нет. Слишком утонченный ход, — думал Марк. — Ближайшая встреча, имеющая важное значение, не сорвана, значит, цель данного послания состоит именно в том, чтобы нарушить душевное равновесие, освежить болезненный участок памяти».

— Что у тебя, Генри? — теряя обычное терпение, спросил Марк, одновременно сбрасывая скорость, чтобы не появиться на южном КПП раньше намеченного срока.

— Необходимые базы данных получены, — ответил Дройд, не поворачивая головы. — Идет логическая обработка информации.

Тонкая трель вызова нарушила воцарившуюся в салоне машины тишину. Марк коснулся сенсора, включая все опции автоматического пилотирования, и только после этого ответил на вызов:

— Слушаю, Келли.

— Сэр, докладывает оперативный дежурный. Минуту назад через двенадцатый контрольный пункт в сектор освоения прибыл некто Багиров Иннокентий Осипович, русский, археолог, до этого специализировавшийся на поиске древних земных цивилизаций.

Марк нахмурился. Что за бред? Какой еще археолог? Марс — неподходящее место для археологических изысканий — тут попросту нечего исследовать, разве что тонкий культурный слой, оставленный первыми поселенцами из числа людей, но кому это интересно? Наверное, дежурный ошибся, неправильно взаимосвязав профессию вновь прибывшего с целью его визита. Респектабельный археолог больше подходил на роль обыкновенного клиента корпорации.

— Внимательнее читайте контракт, — посоветовал Марк дежурному. — Он прибыл на поселение?

— Нет, сэр. Я тщательно изучил документы, прежде чем беспокоить

вас. У него на руках трудовое соглашение, подписанное самим Майлером фон Брауном шесть месяцев назад.

— Точнее. Дата?

— Двадцать четвертое декабря две тысячи четыреста четырнадцатого года.

Келли напрягся.

За два дня до скоропостижной кончины Майлера фон Брауна…

— Подлинность проверили?

— Контракт подписан с применением записи генетического кода. Это прижизненная подпись главы корпорации. Сумма контракта составляет…

— Не имеет значения, — оборвал его Келли, пытаясь мысленно связать два экстраординарных события. — Меня интересует параграф трудового соглашения.

— Господин Багиров должен произвести археологические изыскания на неосвоенных территориях. Цель — поиск следов исчезнувшей марсианской цивилизации. Срок действия контракта ограничен шестью месяцами со дня прибытия.

Марк ненадолго задумался и, не придя к однозначному выводу, ответил:

— Хорошо, я понял. Пусть следует в зону карантина, разберусь с ним позже. Фридман извещен о его прибытии?

— Я решил сначала доложить вам, сэр.

— Продублируйте информацию для Дитриха Фридмана. Кстати, где сейчас управляющий?

— Его машина следует по семнадцатой трассе к южному КПП.

— Свяжитесь с ним. Заодно сообщите, что я на подходе, буду вовремя.

— Принято, сэр, исполняю.

Коммуникатор отключился.

Марк убрал прибор мобильной связи и, вновь взглянув на часы, припарковал машину к обочине. До встречи еще оставалось двадцать девять минут. Достаточно для короткого тайм-аута. Два экстраординарных события подряд, в преддверии далеко не легкой встречи заставляли задуматься.

— Генри… — Марк облокотился о руль, машинально коснувшись пальцем сенсора стеклоподъемника. — Ты закончил анализ информации?

На этот раз андроид повернул голову:

— Полного расклада еще нет, но некоторые выводы имеют девяностопроцентную степень достоверности. Тот, кто отправил тебе

письмо, рассчитывал, что ты воспользуешься поисковым стандартом или не сделаешь даже этого…

— Не парь мне мозги… — грубовато произнес Марк, прикуривая сигарету. — Я знаком с твоими аналитическими способностями. Переходи к сути.

Вместо ответа на навигационном дисплее бортового компьютера машины, расположенном чуть выше рулевой колонки, появилась рельефная карта местности. Три станции переработки атмосферы, явившиеся двадцать лет назад источниками глобальной техногенной катастрофы, обозначились на ней алыми кружками.

— Я востребовал все базы данных, включая секретные файлы из архива корпорации. Твой уровень допуска позволил мне докопаться до любопытных сведений. — Для постороннего слуха термин «любопытных» прозвучал как фальшивая нота в синтезированном голосе машины, еще раз подтвердив, что данный кибернетический механизм резко отличается от своих типовых собратьев. Оставалось лишь понять: использование определенных терминов, отражающих свойства сугубо человеческого образа мышления, навязано ему хозяином для придания общению непринужденной формы или дройд обладает собственным пониманием семантической нагрузки некоторых слов?

Келли выпустил дым в приоткрытое окно. Его взгляд неосознанно отыскал на компьютерной карте крохотное изображение домика — еще один укол в самое сердце. Дорога, существующая и поныне, шла мимо агротехнической станции, где работала его мать, вливаясь, спустя полсотни километров, в центральную улицу строившегося в ту пору городка с полузабытым сейчас названием: Нью-Даймонд.

Станция переработки атмосферы, принадлежавшая корпорации, была расположена к северо-востоку от населенного пункта, дальше частой цепочкой столбиков компьютер отметил границу трех секторов освоения — к северу, сворачивая в долину, зажатую двумя невысокими горными хребтами, располагались территории концерна «Новая Азия», южнее зеленым фоном обозначались земли русских. Глядя на карту, Марк машинально отметил, что в этом регионе двадцать лет назад впервые тесно соприкоснулись три основные зоны освоения, и виной тому были горы.

— Включить моделирование событий?

Келли кивнул.

В долине у новоазиатов внезапно возникла ярчайшая вспышка, выбросившая в небо клубящийся грибовидный столб радиоактивного облака; взрывная волна, прорисованная компьютером, рванула по

расширяющейся окружности, но на ее пути встали горные отроги, и тяжкая судорога отразилась от них, вернулась в долину, прошла тугим валом, вторично перемешивая обломки, коснулась тупика и покатилась назад, к расширяющейся горловине рельефной ловушки.

Интервал между двумя ударными волнами составлял приблизительно пять-шесть секунд. Игрушечные домики Нью-Даймонда уже лежали в руинах, но станция переработки атмосферы устояла — из сложной конструкции она превратилась в треснувший снизу доверху усеченный конус, с которого смахнуло все пристройки, рассыпав их обломки ровным слоем бетонного щебня.

Вторичная ударная волна, отраженная от гор, прокатилась по улицам городка, ломая уцелевшие стены полуразрушенных домов, и достигла атмосферного процессора.

Келли смотрел на рельефную модель катастрофы, мысленно представляя, как мчится в этот момент по дороге их машина… Вот впереди показалось здание КПП, и мать, не справившись с управлением, в отчаянии вскрикнула…

…Игрушечное изображение атмосферного процессора корпорации вдруг начало пульсировать, и спустя сорок шесть секунд на анимированной компьютерной схеме вспух прозрачно-огненный пузырь ядерного взрыва.

Нестерпимый свет на миг затопил все вокруг в радиусе сотен километров, сжигая землю, превращая обломки домов в остекленевшие пригорки, а ровные ряды деревьев в пепел, который тут же подхватывали ураганные порывы обжигающего ветра.

Вал катастрофических изменений стер рельеф, видоизменив его до полной неузнаваемости, в радиусе двухсот километров от эпицентра не уцелело ничего рукотворного, лишь светящиеся, источающие жар скалы возвышались над покрытой прахом, безликой, нивелированной равниной, которая всего несколько минут назад была готовой к заселению терраформированной зоной…

Взгляд Келли невольно переместился к третьему атмосферному процессору, расположенному в Российском секторе освоения. Разрушительный удар двух ядерных взрывов расколол коническую конструкцию, разрушив саркофаг реактора, но шли секунды, из трещин под давлением вырывались облака пара, усеченная вершина конуса то и дело выбрасывала призрачные языки пламени, но…

— Третьего взрыва не было, — вторгся в мысли Марка голос андроида.

Келли с трудом оторвал взгляд от компьютерной модели, которая

вошла в режим повторного воспроизведения.

Дотлевший до пальцев окурок жег кожу, он выбросил его за окно и обернулся.

Дройд смотрел на хозяина немигающим взглядом.

— То, что ты увидел, технически необоснованно, — глубокомысленно изрек он.

— Не понял, — резко повернул голову Марк.

— Сеть атмосферных процессоров возведена двести лет назад. За период активной эксплуатации на станциях случались серьезные неполадки, но ни одна из имевших место нештатных ситуаций не привела к ядерному взрыву. Автоматическая система экстренного гашения активной зоны срабатывает за четыре секунды, полностью исключая вероятность возникновения неуправляемой цепной реакции.

Келли искоса посмотрел на схему, где в этот момент в режиме повтора рванул реактор новоазиатов.

— У любого правила есть исключения, — хмуро заметил он, щелкнув ногтем по анимированному изображению взрыва. — Как и у всех следствий, есть причина, их порождающая, — добавил Марк.

— Верно. Я проанализировал все доступные данные, характеризующие воздействие внешних факторов на момент, предшествующий первому взрыву. Интересная деталь: сейсмологическая станция корпорации за одну секунду до катастрофы зафиксировала легкий толчок. Его эпицентр расположен точно под реактором двенадцатой станции, принадлежащей концерну «Новая Азия». Импульс слишком слаб, а главное — нехарактерен для микроземлетрясения. Ничтожный по своей силе толчок обладает узкой направленностью, то есть его воздействие не распространяется во все стороны, как обычные колебания планетной коры.

— Ты подводишь меня к мысли о направленном взрыве? — Марк разминал в пальцах неприкуренную сигарету, что само по себе являлось признаком волнения.

Дройд вел себя совсем как человек. Он кивнул, выразительно взвизгнув сервомоторами, и добавил:

— Я успел создать ряд математических моделей, но лишь одна из них удовлетворила заданному следствию, включая запись с датчиков сейсмологической станции. — Он сменил изображение на мониторе бортового компьютера, и Келли увидел трехмерное изображение типового реактора, опутанного сложной структурой технических коммуникаций. — Два килограммовых заряда взрывчатки в эквиваленте таугермина, снабженные «рубашкой» направленного взрыва, должны быть

расположены тут и тут, — на схеме появились две алые точки. — Их одновременная активация дает точную копию записи сейсмографов и неизбежно ведет к ядерному взрыву. Система защиты в данном случае несостоятельна — она опаздывает, несмотря на свое быстродействие. Направленные взрывы выбивают штатные замедлители, а аварийные элементы, поглощающие избыток свободных нейтронов, входят в активную зону реактора с секундным опозданием, когда там уже начался лавинообразный процесс неуправляемой цепной реакции.

Келли все больше хмурился, мысленно оценивая комментарии дройда, но логика машины, подкрепленная математическим моделированием, спокойно выдерживала критический взгляд Марка.

— Значит, это была диверсия?

— Подскажи мне другую формулировку, и я воспользуюсь ею.

Келли пожал плечами.

— Неполадка в системе охлаждения, прорыв трубопровода высокого давления, например? — предположил он.

— Мелочь по сравнению с двумя зарядами таугермина, — категорично ответил дройд. — Нужны сильный удар и точный расчет направления, чтобы выбить поглощающие пластины из активной зоны. Почему ты пытаешься опровергнуть мои выводы?

— Я ищу логику, а если точнее — заказчика диверсии. Того, кому это было выгодно.

— Тогда обратись к электронному посланию, — посоветовал дройд. — Там, на мой взгляд, содержится недвусмысленный намек на вероятную причину событий.

Келли хмуро покосился на часы. До встречи оставалось десять минут.

— Домыслы журналистов… — начал он, но его фразу прервал отрицающий жест андроида:

— До сегодняшнего утра ты задумывался об истинных причинах взрыва?

— Нет.

— Техногенная катастрофа — и этим все сказано, верно? Все и ничего. Очень удобная формулировка, если не вникать в технические детали. Почему не взорвался реактор в российском секторе освоения? Две станции переработки атмосферы равноудалены от эпицентра первого взрыва и должны были получить приблизительно одинаковые повреждения, не находишь?

Марк вновь внимательно посмотрел на схему. Генри был прав, нравилось ему это или нет. Защита российского реактора устояла, в то

время как процессор «Фон Брауна» подхватил эстафету неуправляемой цепной реакции… Зная всю строгость контроля над объектами повышенной техногенной опасности, трудно было предположить, что атмосферная станция корпорации находилась на момент первого взрыва в плачевном состоянии. Это выглядело очевидным нонсенсом — вокруг простирался полностью терраформированный, готовый к заселению регион, в который на протяжении нескольких лет вкладывались миллиардные инвестиции…

Мысли Келли прошли по замкнутому кругу и вернулись к породившему их сообщению. Не в первый раз он слышал либо читал о странных проблемах, которые возникли в этом регионе освоения Марса два десятилетия назад. Подобные слухи не рождаются на пустом месте.

«…Стоит отметить, что проблемная зона корпорации, откуда на протяжении последних месяцев поступали противоречивые слухи о массовых отказах кибернетических механизмов и систем автоматического управления, теперь превращена в радиоактивную пустошь…»

После технического обоснования, произведенного андроидом, цитата из журнальной статьи не казалась домыслом, скорее ее автор догадывался об истинных причинах катастрофы…

Самым главным в марсианском проекте «Фон Брауна» был и остается по сей день параграф о неукоснительном соблюдении всех гарантий, которые давала корпорация своим клиентам. Такой подход был оправдан — случись в колонии серьезные проблемы, и это мгновенно отпугнет богатую прослойку земного общества. Кому тогда будут нужны терраформированные земли, отстроенные «под ключ» элитные усадьбы, кто захочет платить огромные суммы и лететь сюда?

Никто, подсказывала интуиция.

На фоне подобных рассуждений сама собой теряла необоснованность мысль о потере нескольких миллиардов евро. Майлер фон Браун всегда отличался жесткостью и радикальностью в решении острых неприятностей, встающих на пути развития марсианского проекта. Это был его стиль — одним ударом уничтожить источник глобальных проблем, сделав при этом виновником произошедшего новоазиатов, в то время как корпорация выглядела пострадавшей стороной…

— Генри, ты считаешь, что подрыв атмосферного процессора был организован руководством корпорации? — обратился он к дройду.

— Факты указывают на такой сценарий событий, Марк, — с

неожиданной мягкостью ответил андроид. — Два десятилетия назад здесь происходило нечто загадочное. По моим сведениям, целый регион был охвачен эпидемией экзовируса, который с одинаковым успехом паразитировал как на машинах, так и на людях. У меня нет фактического материала для подтверждения, но взрыв второй процессорной станции явно свидетельствует о неполадках в кибернетических цепях, иначе система защиты исполнила бы свою роль.

— А ты сам? — внезапно сощурившись, спросил Марк. — Помнится, когда мы повстречались в первый раз, ты медленно врастал в землю, неподалеку от зоны тотальных разрушений.

— Да, — кивнув, согласился дройд. — Но то была охота на ведьм. Корпорация постаралась на славу — причиной сбоев они объявили серию кибермеханизмов производства концерна «Новая Азия». Я отношусь к их числу…

— Ладно, я понял. Повторяться не будем. — Келли коснулся сенсора зажигания, и двигатель машины заработал с едва слышимым утробным урчанием. — Я был слишком юн в ту пору, ты ничего не знаешь, но ведь кто-то стучится в дверь, желая напомнить о трагедии двадцатилетней давности. Не подскажешь зачем? На мой взгляд, реанимировать скандал такой давности — затея весьма хлопотная и призрачная в плане успеха. Даже если намек на циничные действия «Фон Брауна» имеет под собой реальную почву.

— Извини, Марк, я недооценил отправителя, — ответил дройд. — Он намного умнее, чем показалось на первый взгляд. Конечно, поднимать скандал, опираясь на те события, бессмысленно. Целью являешься ты.

«Дэйш» слегка притормозил, сбрасывая скорость перед крутым поворотом дороги, огибающей холм.

— Выражайся конкретнее.

— Майлер умер, и сейчас назревает крупный дележ марсианского пирога. Ты — сильная фигура, Марк, за тобой стоит вся служба внутренней безопасности колониального отдела корпорации, а это, если называть вещи своими именами, маленькая, но хорошо вооруженная и дисциплинированная армия.

Келли помрачнел.

Было над чем задуматься. Строки электронного послания вкупе с последующими выводами уводили сознание в пучины памяти, словно за приборной панелью дорогой машины сидел не зрелый мужчина, а перепуганный, дезориентированный семилетний мальчик, только что ставший сиротой.

«Корпорация лишила тебя детства, — нашептывал внутренний голос, — и она же взрастила тебя, Келли, как лучшего из своих служащих».

Если автор послания рассчитывал на подобную реакцию, то он ее бесспорно добился.

— Подключись к базам данных, Генри, — произнес Марк, когда за поворотом дороги показались строения южного КПП. — Попробуй выяснить, кто, кроме самого Майлера фон Брауна, мог быть причастен к тем событиям. Меня интересуют живые, — уточнил он, паркуя машину. — И не высовывайся. Думаю, тебе не стоит светиться, пока я не выясню, что за птица наш новый управляющий. Сядь за руль и изображай электронного болвана, короче, сам знаешь… — Келли привычным движением освободил захваты скрытой под пальто наплечной кобуры. — Все, я пошел.

* * *

Назначенная на полдень встреча несла для Марка Келли двойную нагрузку: во-первых, ему предстояло разобраться с очередным нарушением границ со стороны новоазиатов, а во-вторых, к данному событию была приурочена его первая личная встреча с прибывшим накануне новым колониальным управляющим, присланным советом директоров корпорации после смерти Майлера фон Брауна. Генри был прав: назревал крупный дележ марсианской собственности, и такая манера «знакомства» с начальником службы безопасности говорила о хорошей осведомленности Дитриха Фридмана, — в частности, он заранее знал, что Келли большинство острых проблем решает лично, без помощников и свидетелей, но тем не менее настоял на встрече.

«Решил посмотреть на спектакль? Или желает составить обо мне личное мнение?» — думал Марк, направляясь к приземистому зданию КПП, подле которого стоял вездеход с эмблемой колониальной администрации. Рядом переминались с ноги на ногу двое личных охранников Фридмана, сам Дитрих, очевидно, зашел в помещение контрольно-пропускного пункта.

Келли кивком поздоровался с двумя новыми сотрудниками и прошел через автоматические двери внутрь приземистого здания.

Дитрих Фридман действительно поджидал его внутри. Вчера Келли разговаривал с ним по видеосвязи — заочное знакомство посредством телекоммуникаций состоялось сразу по прибытии управляющего на Марс, но видеокартинка и реальный образ имеют между собой мало общего, поэтому Марк не скрывал своей заинтересованности, пожимая руку Фридману.

Такой типаж людей ему нравился — Дитрих выглядел лет на сорок, его сухощавость не имела ничего общего с худобой — подтянутая фигура говорила в пользу систематических занятий спортом, а заостренность черт лица скрадывал подвижный цепкий взгляд серо-стальных глаз, в которых Марк не сумел прочесть ожидаемого выражения вальяжной самоуверенности.

Впрочем, он мог ошибаться в своих мысленных оценках, хотя первое впечатление оказалось приятным.

— Вы неуловимы, господин Келли, — посетовал Фридман, отвечая на крепкое рукопожатие. — Я полагал, что начальник службы безопасности сидит в офисе, а по регионам мотаются его подчиненные.

Марк принял доброжелательный тон и доверительно ответил:

— Есть сорт проблем, которые я привык решать лично.

Дитрих кивнул и тут же переспросил: — А в чем, собственно, заключается нынешняя проблема? Насколько я понял, это связано с нашими соседями?

Келли подошел к настенному информационному экрану и включил его, вызвав изображение карты местности.

— Вот тут проходит условная, — он подчеркнул интонацией это слово, граница между территориями «Фон Брауна» и концерна «Новая Азия». Четкого разграничения нет, после катастрофы двадцатилетней давности эти земли были отнесены в разряд зон повышенной опасности. По колониальному кодексу, преимущественное право на владение такими участками марсианской поверхности получает та организация или даже частное лицо, которое приложит эффективные усилия по очистке зараженного региона.

— По моим сведениям, наши службы приступили к деактивации зоны спустя год после катастрофы, — выказал свою осведомленность Фридман.

— Верно. Эти усилия продолжаются до сих пор, — кивнул Келли, указывая на неровные границы очищенных от радиации территорий. — Азиаты поначалу не проявляли никакой активности в этом направлении, но год назад тут появились их люди и техника. Я выяснил, что работы по вторичному терраформированию ведет одна из множества дочерних фирм концерна, которые возникают и исчезают, словно насекомые-однодневки. Это обычная практика новоазиатов, особенно в буферных зонах освоения, чуть что пойдет не так — фирма ликвидируется, будто ее никогда и не было.

— Ну, это не ново, — криво усмехнулся Фридман.

— Здесь не Земля, — с неожиданной жесткостью в голосе оборвал его

Келли. — Я не склонен мириться с методами дикого бизнеса, — чуть понизив тон, добавил Марк, — в особенности когда речь идет об экологической безопасности.

— Наверное, я чего-то недопонимаю, — развел руками Дитрих. — Если наши коллеги из концерна очищают загрязненные территории, то их можно только поприветствовать, верно?

— Не всегда, — помрачнел Келли. — Лучше всего разобраться на месте. Он бросил взгляд через окно и добавил: — Предлагаю воспользоваться вашим вездеходом. Моя машина плохо подходит для езды по пересеченной местности.

— Что ж, я не против, — с легкостью согласился Дитрих. — Это далеко?

— Километров десять по прямой.

— Поехали.

Они вышли из здания автоматизированного пропускного пункта, отмечающего границу между официально оформленными территориями корпорации и холмистой пустынной местностью, которая простиралась на сотни километров к югу, вплоть до отрогов горного хребта.

— Далеко отсюда до Российского сектора освоения? — осведомился Фридман, делая знак рукой одному из охранников.

— Их земли лежат к востоку. Границы не менялись со времен катастрофы, в этом вопросе русские придерживаются политики невмешательства и никогда не зарятся на чужое, что, на мой взгляд, выгодно отличает их от азиатов.

— Вы расист, Келли? — прищурился Фридман. Боковая дверь вездехода с шипением скользнула вдоль борта, открывая проход в тесный салон с несколькими креслами, явно демонтированными с пассажирского челнока.

— Я реалист, — в тон ему ответил Марк.

— Наверное, я плохо разбираюсь в людях, — с непонятной досадой буркнул Дитрих, усаживаясь в кресло. — На мой взгляд, здесь, на Марсе, идет жесткая конкуренция…

Келли остановил его протестующим жестом:

— Фридман, вы должны понять: Марс — это не полигон, не свалка и не элитный поселок. Мы на планете. Здесь все прихотливо перемешано — чудесные ландшафты соседствуют с мертвыми равнинами, элитные коттеджи с трущобами временных бараков, и людей здесь принято разделять не по расовой принадлежности, а по их делам.

Дитрих внимательно выслушал Келли и покачал головой:

— Не понимаю, как это возможно.

— Нас, по сравнению с земным муравейником, еще очень мало…

— Кого вы имеете в виду?

— Марсиан, — лаконично ответил Марк, но тут же развернуто пояснил: — Коренных жителей колонии, кто родился тут или проживает на постоянной основе. Таких вы насчитаете тысяч десять, не более. Остальные — временщики, люди, у которых контракт на год или два. О них я не сужу.

— Странный подход. И вообще, откуда такие цифры? Мне казалось, что только в секторе освоения Новой Азии проживают от тридцати до сорока тысяч человек.

— Верно. Но марсиан там всего несколько сот. Остальные — это наемные рабочие, их привозят транспортные корабли, те самые, что доставляют на орбитальные заводы Земли обогащенную марсианскую руду.

Фридман удивленно посмотрел на Келли.

— Странная арифметика… — недоуменно произнес он. — По вашим словам выходит, что сектор новоазиатов какая-то черная дыра…

Келли пожал плечами:

— Называйте как хотите. Одно я знаю наверняка — концерн широко использует примитивный ручной труд и нисколько не дорожит рабочей силой. Люди мрут, как в Средние века, а их руководству, похоже, наплевать на это. Ни для кого не секрет, что на Земле существует проблема перенаселения, и они легко черпают человеческие ресурсы, загребая их со «дна» своих мегаполисов. Доставка на Марс осуществляется варварским способом — в трюмах грузовых кораблей, где «поселенцы» вынуждены проводить по нескольку месяцев в условиях тесноты, антисанитарии и низкой гравитации. Могу вас уверить — не все доживают до окончания перелета.

Дитрих только покачал головой.

— Теперь подумайте, Фридман, с кем приходится иметь дело силам корпорации в пограничных зонах, — продолжал развивать свою мысль Келли.

Новый управляющий на секунду закрыл глаза, а затем честно ответил:

— Мне трудно представить подобное. На Земле все преподносится совершенно иначе.

— Вот именно — преподносится, — соглашаясь с его оценкой, кивнул Марк. — Конечно, среди азиатов попадаются нормальные люди, но они редкость, учитывая схему подбора кадров для колонии. Мне такое соседство доставляет массу неприятных проблем. И дело тут вовсе не в

расизме, а в той политике, что из года в год проводит руководство «Новой Азии». Они, несомненно, развивают свой сектор, у азиатов полно высокотехнологичных производств, их кибернетическими системами местного производства оснащается почти вся техника колонии, но все это построено на человеческих костях — иной, более мягкой формулировки я подобрать не могу.

Фридман взглянул на обзорный дисплей. Вездеход, переваливая через ухабы, медленно полз между двумя пологими возвышенностями, покрытыми похожей на спрессованный пепел серой коростой.

Непривлекательные места.

— Хорошо, вашу характеристику сотрудников концерна я понял. А что представляет собой население Российского сектора?

Келли был приятно удивлен заинтересованностью Фридмана. Обычно высшие чины корпоративной иерархии не пытались вникать в тонкости формирования отдельных зон освоения Марса, для этого существовали аналитические отделы компании, составляющие тематические отчеты за каждое полугодие, но, насколько знал Марк, верхушка колониальной администрации «Фон Брауна» не утруждала себя их прочтением — для совета директоров корпорации приоритетными являлись три направления: обеспечение незыблемости границ, внутренний порядок в секторе и стабильный прирост прибыли. Они лишь диктовали политику, а конкретные методы ее претворения в жизнь являлись головной болью исполнителей, к разряду которых относил себя Келли.

— С русскими можно иметь дело, — ответил он на заданный вопрос. — Во-первых, их немного — около двух тысяч человек, во-вторых, на Марс прилетают в основном ученые и технические специалисты, в корне отличающиеся от того контингента рабочих, что завозят в колонию азиаты. Мы успешно сотрудничаем, у нас отлаженная схема бизнеса, основанная на бартерных сделках, — русские поставляют нам продовольствие в обмен на тяжелую технику для терраформирования.

— Что, с ними нет вообще никаких проблем? — недоверчиво переспросил Фридман.

— Нет, — пожал плечами Келли. — С моей точки зрения, они лучше других понимают истинную, уникальную ценность Марса.

— Интересно. В чем же заключается эта исключительная ценность?

Келли на секунду задумался, а затем ответил откровенно, как думал:

— Колония похожа на чистый лист бумаги. Главная ценность марсианских земель не в количестве полезных ископаемых и не в производственных мощностях, которые возводятся тут, а в возможности

воссоздать на терраформированных землях утраченную на Земле экосферу.

Дитрих пристально посмотрел на Келли, а потом заметил:

— Вы действительно рассуждаете как реалист…

— Я марсианин, — повторил Марк режущую слух формулировку. — Уроженцы колонии смотрят на мир немного под другим углом. Можно работать на корпорацию, но при этом нельзя забывать о том, что твоей родиной является вся планета, вне зависимости от зон освоения. Мы с вами отличаемся тем, что даже в бесплодных пустынях, где еще не проходили машины терраформирования, я ощущаю себя, как дома, понимаете?

— С трудом, — ответил ему Дитрих. — Но обещаю, что постараюсь понять.

В глазах Фридмана на мгновение промелькнуло и тут же исчезло выражение крайней обеспокоенности. Келли заметил этот секундный блеск, но понять, чем он вызван, не смог.

«Наверное, все же волнуется перед встречей с азиатами… — решил про себя Марк. — Хотя что ему грозит, рисковать своей шкурой буду я…» — тут же мысленно поправился он.

Вездеход к этому времени уже преодолел пологий склон холма и остановился, не доезжая до гребня возвышенности, с которого открывалась панорама глубокой котловины, а если быть точнее — прямоугольного карьера, в одной части которого велась добыча необогащенной руды, а в другой высились конические горы серо-коричневой, спекшейся в сыпучие корпускулы почвы.

Келли, привычно манипулируя технологической оснасткой вездехода, выстрелил два видеозонда, один из которых вонзился в камень, выступающий из почвы на самом гребне возвышенности, а второй перелетел через нее, прочно зацепившись крепежными шипами за почерневший ствол дерева, погибшего много лет назад.

Секунду спустя на экраны вездехода начало поступать видеоизображение.

* * *

— Что это значит? — резко осведомился Фридман, сверившись с компьютерной картой. — По моим данным, этот участок был подвергнут процедуре интенсивной деактивации. — Он щелкнул ногтем указательного пальца по той части информационного экрана, где красными, тревожно мигающими цифрами отражалось значение уровня радиации.

— Перед вами образчик «терраформирования по новоазиатской схеме», недобро усмехнулся Марк. — Здесь неподалеку расположена

долина, где до катастрофы существовал поселок и рудообогатительный комплекс концерна. Теперь они взялись за его восстановление.

Фридман мрачно посмотрел на экран и уточнил:

— Серые отвалы, которые я вижу…

— Это верхний слой радиоактивной почвы. Они срезают ее и везут сюда, постепенно заполняя карьер. Обратно грузовые вездеходы доставляют партии руды из открытой выработки. Еще две-три недели, и азиаты уйдут отсюда, отставив после себя тщательно выровненное захоронение. В результате их долина будет подготовлена для несложной процедуры остаточной деактивации, а запускаемые в производственный цикл обогатительные комплексы получат сырье на первое время работы.

— А мы? Эти земли заявлены на…

— Мы получаем неуклюже замаскированный могильник радиоактивной почвы, — ответил Келли.

— Зачем вы привезли меня сюда? — сощурился Дитрих. — Почему, вместо того чтобы действовать, мы катаемся по нейтральным территориям?

Марк молча протянул ему мобильный коммуникатор.

— Действуйте, — предложил он. — Свяжитесь, с кем сочтете нужным. Нажмите на административные рычаги. Погрозите азиатам пальцем по статкому, и завтра, а может, даже сегодня, их здесь уже не будет. Они даже не станут зарывать эти отвалы, просто бросят все как есть и исчезнут.

Глаза Фридмана начали мутнеть, но Марк сделал вид, что не замечает явного приступа гнева. Вместо того чтобы ждать, пока новый управляющий разразится очередной тирадой, он спокойно произнес:

— Я направлялся сюда, чтобы действовать. Это вы решили поехать со мной.

— Вы в своем уме, Келли?! — палец Дитриха выразительно ткнул в экран. — Это, по-вашему, кто?

— Охрана. — Марк коснулся сенсора, и контуры человеческих фигур, облаченных в легкую защитную экипировку, подсветились алым. — Двадцать пять человек, вооружены автоматическими короткоствольными «ИПП-40» модели «гервет», — спокойно прокомментировал он, снимая с магнитной липучки значок служащего корпорации. Два «скорпиона» из наплечных кобур перекочевали в карманы наглухо застегнутого пальто, и фигура Марка обрела законченную безликость.

— Что вы намерены предпринять, Келли?!

— Это нейтральная территория, Фридман. Сейчас я не сотрудник корпорации, а коренной уроженец планеты Марс, твердо убежденный, что

нехорошо гадить там, где живешь. Они этого не понимают. Иногда язык грубой силы — единственное средство общения, — заключил он. — К тому же у меня с самого утра скверное расположение духа… — При этих словах он исподволь взглянул на лицо Дитриха, но не заметил, чтобы на нем дрогнул хотя бы один мускул. Сейчас перед ним стоял недоумевающий чиновник, пытавшийся, к чести сказать, удерживать себя в руках. Намек на утреннюю электронную почту не произвел на Фридмана никакого впечатления.

«Значит, отправитель не он», — сделал предварительный вывод Марк.

— Я оставлю коммуникатор включенным. Вы сможете слышать, что происходит на площадке. — Келли коснулся сенсора, и массивная бронированная дверь плавно скользнула в сторону. — Думаю, вам не стоит вмешиваться.

Когда бронированная плита встала на место, Фридман позволил себе невнятно выругаться.

Два его телохранителя — один за пультом управления вездехода, а второй у контрольной панели информационной системы — переглянулись между собой. Их взгляды будто говорили друг другу: сейчас посмотрим, как этот крутой марсианин превратится в дуршлаг под огнем двух десятков скорострельных «герветов».

«Пижон… Даже пальто не снял. Как он двигаться-то будет в таком „панцире“»? — неприязненно подумал водитель, провожая взглядом фигуру Келли.

Дитрих тем временем сел в кресло подле информа,[3] куда видеозонд разведки передавал подробное изображение, масштабируя его с виртуозностью профессионального оператора, ведущего прямую трансляцию с популярного на Земле шоу «Выживание».

Динамики объемного звучания пока что передавали едва слышное дыхание Келли да приближающийся звук работающих двигателей грузовых вездеходов.

«Он с ума сошел…» — Фридману импонировала храбрость, но не безрассудство. Здесь Келли мог бы поспорить с управляющим, который смотрел на ситуацию с привычной для него точки зрения: двадцать пять автоматических стволов — это стена огня, где каждая вторая пуля — твоя. «Да и вообще, как он собирается заставить их разгребать эту помойку?!»

Мысленный вопрос остался без ответа — Келли в этот момент достиг вершины холма и присел, правой рукой достав изготовленный к стрельбе «скорпион».

«У парня точно крыша набекрень…»

Камера взяла резкое увеличение, показав, как Марк привычным движением большого пальца освободил от фиксатора и откинул в верхнее положение миниатюрный электронно-оптический прицел. Подняв тяжелый автоматический пистолет, он спокойно прицелился и плавно надавил на сенсорную гашетку огня.

Аудиосистема передала приглушенный хлопок, и азиат, выставленный в оцепление карьера, инстинктивно схватился руками за горло, откуда торчал пластиковый микроинъектор с парализующим составом.

Дитрих почувствовал, как на лбу выступили мелкие бисеринки пота. Он ждал иного — брызг крови, хриплого, захлебывающегося крика и шквального ответного огня, однако часовой не издал ни звука, мешковато осев на землю.

Марк тем временем выпрямился, брезгливо стряхнул с полы пальто белесую пыль и спокойным, уверенным шагом направился вниз по крутой тропе, протоптанной во время смен постовых.

Видеосистемы разведзондов будто угадывали его намерения, по крайней мере, Фридману казалось, что камеры не только неотступно следуют за фигурой Марка, но и читают направление его взгляда… Вот на экране промелькнули силуэты охранников, расхаживающих среди поднятой грузовыми вездеходами пыли, затем в фокус передающего устройства попал шикарный внедорожник марки «Форкасо», припаркованный на небольшой площадке в стороне от глубокой наезженной колеи. Поляризованные стекла машины не позволяли разглядеть, есть ли кто в салоне, но легкое, змеящееся марево чистого от пыли воздуха указывало на работу встроенного климатического процессора. Значит, в машине кто-то сидел…

Марк тем временем добрался до часового, снял с его лица дыхательную маску, надел ее и теперь направлялся к внедорожнику. Он миновал уже половину пути и был на дне карьера, когда на него обратил внимание один из охранников. Азиат несколько секунд напряженно следил за фигурой в длиннополом пальто, затем сделал шаг вперед и окликнул Келли на своем языке.

— Стой! Ты куда? — раздался в отсеке вездехода синхронный перевод, который вела кибернетическая система слежения.

К удивлению Дитриха, Марк остановился и спокойно ответил на универсальном языке Новой Азии:

— Я от Липень Ляо, придурок. — Он боковым зрением зафиксировал, как из клубов пыли с разных сторон начала подтягиваться охрана, не менее

десятка человек. — Господин Хо Хуань ждет меня, ему должны были позвонить.

— Где твоя машина? — с подозрением переспросил охранник. Упомянутое имя произвело на него определенное впечатление, а природная грубость, помноженная на привычную вседозволенность собственного положения, породила в интонациях его голоса удивительную смесь наглости, недоверия и опасливой почтительности.

— Она завязла в грязи за холмом, — ответил Марк на его вопрос.

Круг охранников начал опасно сужаться. Многие, не слышавшие разговора, уже держали пальцы на гашетках.

В этот момент ветровое стекло машины начало медленно опускаться.

— Сейчас господин Хо Хуань вправит тебе мозги, — угрожающе произнес Марк, так чтобы его услышали все приблизившиеся охранники, одновременно передернув плечами, будто от крайнего негодования.

В следующий миг у Дитриха Фридмана перехватило дыхание — он увидел, как Марк с двумя «скорпионами» в руках рывком подался назад и вбок, мгновенно заблокировав линию огня телом остановившего его охранника и на два шага приблизившись к внедорожнику, стекло которого вдруг остановилось, оставшись в полуопущенном положении.

Дальнейшие несколько секунд слились в одно стремительное, но точно выверенное действие.

Охранник, заслонявший Марка от своих коллег, отреагировал с секундным опозданием — он ринулся вперед, вскидывая «гервет», но две пули, выпущенные Келли, пробили его предплечья, выключив обе руки, — ослабевшие пальцы выронили тяжелый «ИПП», и азиат вдруг истошно завыл, осознав пронзившую его боль.

Отступая к машине, Келли продолжал стрелять, не останавливаясь, казалось, его взгляд фиксирует малейшее движение, а разум успевает просчитывать обстановку с точностью кибернетического устройства.

Еще двое охранников рухнули в пыль — у обоих были прострелены руки, и только тут до Дитриха, в немом оцепенении наблюдавшего за событиями, дошло, что в ответ еще не прозвучало ни одного выстрела, — Марк перемещался так стремительно и искусно, что камера слежения не успевала реагировать на его молниеносные рывки, сопровождавшиеся отрывистыми одиночными выстрелами «скорпионов».

Оказывается, только первый патрон в обойме был снаряжен специальной бесшумной капсулой, оснащенной парализующим инъектором, далее шел стандартный титан в оболочке из мягкого сплава.

Причина, по которой охранники не открыли ураганный огонь на

поражение, была проста: Марк действовал с завидным хладнокровием, в котором просматривался трезвый расчет профессионала, — несколько мгновений его закрывало оседающее в пыль тело раненого азиата, а спустя четыре секунды после первых выстрелов он уже находился подле пассажирской двери внедорожника, и, стреляя по нему, азиаты изрешетили бы салон машины вместе с сидящим внутри боссом.

Два телохранителя Фридмана уже не усмехались. Было что-то зловещее, эстетичное в четких, отточенных до автоматизма движениях Келли. Он рисковал жизнью, но делал это хладнокровно, обдуманно, вот только побудительные мотивы его поведения до сих пор оставались неясны. Фридмана никак не устраивала промелькнувшая в их разговоре ссылка на особенное отношение Марка к способам освоения марсианских пустынь.

«Кому он служит? Корпорации? Себе лично?»

Дитрих машинально сопоставил в уме суммы, выплачиваемые корпорацией начальнику отдела внутренней безопасности, с тем смертельным риском, которому в данный момент подвергал себя Келли вместо того, чтобы препираться с азиатами по статкому, сидя в удобном офисном кресле, вдали от радиоактивной пыли и визгливого посвиста пуль.

Что-то не складывалось в сознании Фридмана…

Эти мысли промелькнули в голове управляющего за те секунды, что понадобились Марку для рывка к машине.

Находящийся внутри человек не успел ни осознать происходящего, ни поднять злополучное стекло — его палец, соскочивший с пятнышка сенсорной кнопки стеклоподъемника, никак не Мог найти ее вновь, когда горячий ствол «скорпиона» уперся ему в лоб.

— Не дергайся, — предупредил Келли, услышав, как зашипела кожа на лбу у азиата. — Свяжись с охраной, быстро. Прикажи всем бросить оружие на землю.

Пару секунд спустя «герветы» охранников полетели в пыль.

— Теперь пусть подойдут ближе, чтобы я видел всех. Двадцать четыре человека, без оружия, понятно?

— Кто ты такой?! — прошипел Хо Хуань, но, скосив глаза на бесноватого незнакомца, словно призрак материализовавшегося посреди карьера, предпочел буквально исполнить его требования, выдохнув в коммуникатор нужный набор фраз.

— Уже лучше, — похвалил его Марк. Кислородная маска скрывала большую часть его лица, меняя тембр голоса, но глаза оставались прежними, холодными, будто льдинки, и их взгляд действовал на Хо Хуаня

гораздо сильнее, чем слова.

Мимо, не делая резких движений, прошли обезоруженные охранники с перекошенными от ненависти лицами. Выстроившись перед машиной в неровную шеренгу, они ждали дальнейших указаний, не в силах что-либо предпринять.

Марк мысленно сосчитал их и произнес, обращаясь к молодому боссу азиатов:

— Медленно открой переднюю дверь. Попытаешься меня толкнуть — пристрелю.

Оказавшись в салоне, он коснулся сенсора стеклоподъемника, и поляризованное стекло поднялось, скрыв происходящее внутри машины от наблюдателей.

— Коммуникатор, оружие и чип круиз-контроля, — потребовал он.

Хо Хуань — один из младших отпрысков семьи Ляо — выполнил требование, процедив сквозь зубы:

— Тебе это не пройдет даром.

— Взаимно, — огрызнулся Марк, разбив рукоятью «скорпиона» компьютерный чип. Теперь передвижения машины было невозможно отследить со спутников. — Есть еще локальная сигнализация?

Хо секунду помедлил, потом молча указал на отдельный блок приборной панели.

Возиться с электроникой было некогда, и Келли дважды выстрелил в устройство радиомаяка.

— Скажи им, что ты жив, — он протянул коммуникатор пленнику. — Пусть пригласят начальника рабочей смены.

Хо Хуаню не оставалось ничего иного, как выполнить требования Келли. Он откровенно не понимал, что происходит, а защитная маска, скрывающая лицо Марка, не давала возможности опознать внезапного визитера.

Вызвав старшего смены, он передал коммуникатор Келли и застыл в кресле. Лицо молодого азиатского аристократа искажала гримаса ненависти, за которой прятался тщательно скрываемый страх.

— Ты заведуешь этой помойкой? — резко осведомился Марк, когда на том конце связи кто-то хрипло задышал.

— Да, сикоромо…[4]

— Слушай внимательно. У господина Хуаня возникло желание прокатиться по окрестностям. Он понял, что концерн совершил необдуманный поступок, пытаясь захоронить радиоактивные отходы на

территории, где вскоре поселятся ничего не подозревающие люди. Это нехорошо, и он хочет, чтобы ты лично организовал вывоз отвалов назад в долину. Убрать нужно все, до последней крохи зараженной земли. Ты меня понял?

— Да, сикоромо.

— Учти, господин Хуань отключил все средства контроля и будет ездить со мной до тех пор, пока последний грузовой вездеход не уйдет из карьера. После я позвоню на этот же коммуникатор и скажу, где остановился ваш молодой босс. Задача ясна? Действуй. И помни, судьба Ляо-младшего в твоих руках. Ты можешь, стать большим человеком.

Келли свернул панель коммуникатора и отключил питание, чтобы прибор не запеленговали, позвонив на его номер.

— Трогай, — приказал он пленнику. — На выезд из этой помойки, потом направо, к старой трассе.

* * *

Спустя сорок минут машина, сделав несколько кругов по незнакомой для Хо Хуаня местности, остановилась под сенью корявого, мутировавшего после взрыва атмосферных процессоров хвойного редколесья, Келли молча достал две ручные осколочные гранаты, с характерными щелчками повернул диски предохранителей, зафиксировав подпружиненные столбики взрывателей в позиции «растяжка», затем закрепил их на подлокотниках водительского кресла и, соединив оба взрывных устройства тонкой сталистой проволокой, приказал:

— Затылок на подголовник.

Хо Хуань покорно запрокинул голову.

— Открой рот.

Азиат секунду помедлил, но все же повиновался. Келли пропустил туго натянутую проволоку через приоткрытый рот и посоветовал:

— Зажми ее покрепче зубами. И постарайся не мотать головой. Когда твои люди вывезут всю дрянь назад на территорию концерна, я позвоню и скажу, где они могут тебя забрать. До этого момента придется посидеть тихо и терпеливо… если не желаешь взлететь на воздух. — Произнося эту фразу, Марк пристегнул руки Хо Хуаня к рулевой колонке, еще более ужесточив его позу, и добавил, открыв пассажирскую дверь: — Если ты терпелив, а твои люди расторопны, все обойдется. Вздумаешь меня искать — милости прошу. Могу дать небольшую подсказку: обрати внимание на рабов, которых вы захватываете здесь, на Марсе. Возможно, это облегчит тебе поиск, но, на мой взгляд, будет лучше, если ты их просто освободишь.

Иначе я могу прийти еще раз, понимаешь?

В ответ раздалось лишь сдавленное мычание. Тугая проволока накрепко приторочила голову Хуаня к подголовнику кресла — он не видел двух прикрепленных к подлокотникам гранат, но ощущал их каждой клеточкой своего тела, невольно сжимая зубами тонкую стальную нить.

Марк вылез из машины, осторожно закрыл пассажирскую дверь и, зашагал напрямик через чахлый перелесок к развилке дорог.

* * *

В двух километрах от перелеска, на развязке старых магистралей его поджидал Генри.

Опустившись на заднее сиденье, Марк с облегчением снял изрядно надоевшую дыхательную маску, отдающую запахом чужого тела, и кинул ее в мусорный отсек, встроенный в дверь комфортабельной машины.

— Не забудь отправить мусор в утилизатор, — напомнил он андроиду. Пальто отдашь в чистку.

Дройд кивнул, включая систему защиты от прослушивания.

— Есть важная информация, Марк, относительно утреннего послания, — не поворачиваясь, произнес он.

«Дэйш» уже набирал скорость, двигаясь к южному КПП.

— Ну? — Келли приспустил стекло и прикурил сигарету.

— Я еще раз обработал данные, исходя из предположения, что диверсионный акт на двенадцатой станции переработки атмосферы был организован при непосредственном участии корпорации.

— Выяснил что-нибудь? — глубоко затягиваясь, спросил Марк.

— Относительно проблем, возникших у корпорации в районе Нью-Даймонда, прямых данных обнаружить не удалось, по внутреннему поиску в корпоративной сети я вместо ответа получил лишь код ошибки. Копнув глубже, нарвался на систему защиты, которую категорично не устроил твой уровень доступа. Поиск в открытых базах данных пестрит журналистскими домыслами, которые не подтверждены ни одним реальным фактом. Все тщательно прибрано. Да, была авария на рудообогатительном комплексе близ Нью-Даймонда, в результате взрыва силовой установки погибли два десятка человек, но что интересно: среди жертв не только простые рабочие — там погиб некто Френк Лаймер, занимавший двадцать лет назад должность главного инженера корпорации. Слишком крупная и заметная фигура, чтобы предположить его случайное появление на территории комплекса к моменту локальной техногенной катастрофы. Френк, ко всему прочему, проживал на Земле и прибыл на Марс за неделю до своей гибели.

— Значит, проблемы технического плана, на которые так упорно намекали в прессе, все же были, — задумчиво произнес Марк, тщательно обдумывая услышанное. — Причем они явно носили незаурядный характер, если главный инженер корпорации срочно вылетел в колонию.

— Я придерживаюсь той же логики. Учитывая уровень секретности, которым окружены события, нетрудно предположить, что достоверной информацией владел лишь узкий круг лиц. Я выяснил, кто в тот момент занимал ключевые должности на Земле и Марсе.

— Ну, не тяни…

— Исключая самого Майлера фон Брауна, в суть проблем могли быть посвящены еще пять или шесть человек. Во-первых, главный инженер, назначенный на место погибшего Лаймера, — некто Толмачев. Он без вести пропал в колонии два десятилетия назад. Официально — погиб при взрыве атмосферных процессоров. Во-вторых, начальник марсианского отделения службы корпоративной безопасности Николай Скрягин.

— Тоже пропал без вести?

— Именно.

Келли лишь покачал головой:

— Давай дальше. Три трупа уже есть.

— Собственно, к списку можно добавить самого Майлера фон Брауна и его правую руку, некоего Дейвида Мошера. Сейчас о нем мало кто помнит, но два десятилетия назад он являлся заметной фигурой в корпоративной иерархии.

— У меня с твоих слов создается ощущение, что все ниточки, ведущие к тем событиям, тщательно обрублены.

— Не совсем так, — возразил дройд. — Глава корпорации, как тебе известно, скончался. Но ведь кто-то отправил письмо. Остается упомянутый Дейвид Мошер, бессменный заместитель Майлера, второй акционер «Фон Брауна»…

— Где и при каких обстоятельствах он погиб? — хмыкнув, переспросил Марк.

— Вот тут ты ошибся. Он жив. Мошер покинул пост вице-президента корпорации десять лет назад и с тех пор поселился тут в колонии.

— Ты не ошибся? — голос Келли слегка дрогнул, выдавая волнение. Андроид был единственным, с кем Марк мог позволить себе подобную роскошь — говорить эмоционально и непринужденно.

— Я все тщательно проверил, пока ты был занят. Дейвид Мошер тут, на Марсе, ему недавно исполнилось семьдесят, но, по данным медицинской карты, старик находится в трезвом уме и твердой памяти.

— Ты считаешь, что отправитель письма он?

— Пятьдесят на пятьдесят, Марк, — выдал свою оценку вероятностей андроид.

Келли не ответил. Несколько минут он смотрел в окно, на проносящиеся мимо ландшафты, размышляя над новой информацией, затем, когда впереди показался знакомый поворот дороги, произнес:

— Включи музыку, Генри. И веди себя в присутствии Фридмана как положено.

* * *

По лицу Дитриха трудно было ответить: зол он или же, наоборот, восхищен действиями главы службы безопасности.

Он вышел из здания КПП и прямиком направился к плавно вырулившему на парковочную площадку элегантному «Дэйшу». Охрана попыталась последовать за ним, но Фридман остановил их, раздраженным жестом руки указав на вездеход.

Открыв заднюю дверь машины, он сел рядом с Марком и спросил:

— Вы всегда действуете подобным образом, Келли?!

Марк пожал плечами.

— Только в особо запущенных ситуациях, — ответил он.

— Значит, я могу считать, что просто удачно оказался в нужное время, в нужном месте? Если это не система, то я закрою глаза на инцидент и постараюсь забыть увиденное.

— А в чем дело, господин Фридман? Разве я каким-то образом подставил корпорацию? Или азиаты не выполнили моих требований?

— С этим все в порядке, — буркнул Дитрих. — Они так суетятся, что уже успели сделать два рейса в долину, вывозя назад радиоактивную почву.

— Ну вот видите. Я же говорил: есть сорт людей, которые понимают только прямой язык силы. Переговоры с ними бесполезны.

Глаза Фридмана сузились.

— Это я усвоил давно, еще на Земле, — с внезапной резкостью ответил он. — Но концерн «Новая Азия» — мощная организация с клановой структурой. Если я не ошибаюсь, то один из младших членов семьи Ляо сейчас сидит с растяжкой в зубах и двумя готовыми взорваться гранатами…

— Успокойтесь, господин Фридман. Пусть немного попотеет от страха. Гранаты учебные, а я не идиот, чтобы доводить азиатов до состояния праведного гнева. Никто не умрет. Если вы внимательно наблюдали за моими действиями, то наверняка заметили, что в

столкновении не погиб ни один охранник.

— Да, заметил… — Фридман мог изображать что угодно, но в душе он все же восхищался Келли. Если поначалу он принял его за самоуверенного отморозка, то теперь мысленно извинился перед Марком, продемонстрировавшим завидное хладнокровие и тонкий психологический расчет.

— Откуда вы знаете их язык? Специально учили для подобного рода акций?

— Я был в рабстве у азиатов.

Фридман удивленно повернул голову:

— Об этом ничего не сказано в вашем досье.

Келли усмехнулся:

— Я изъял оттуда некоторые пункты своей биографии, злоупотребив служебным положением.

— И так просто рассказываете об этом?

— Вы бы все равно узнали. Электронные досье — не единственный и отнюдь не самый полный источник информации о сотрудниках корпорации.

Фридман на секунду задумался.

— Это многое объясняет в вашем поведении… Нельзя ли получить краткую справку из первых рук?

Келли поморщился, но ответил:

— Вы знаете, что такое корпоративный учебный корпус?

— Нет. Что-то слышал о нем, но подробностей не припомню.

— Вам придется многое переосмыслить, прежде чем вы поймете, что на самом деле представляет собой колония. Корпорация предоставляет своим клиентам полностью автоматизированные усадьбы с прилегающим землевладением. С точки зрения рядового гражданина Земли, особняки на Марсе — это верх роскоши и удобств, но в сектор «Фон Брауна» редко попадают простые смертные. В основном здесь живут очень состоятельные люди, чаще всего пожилого возраста, многие из них консервативны, они привыкли к земному быту, и их не устраивают андроиды, массово применяемые в качестве прислуги. Они хотят видеть подле себя живых людей, и корпорации часто приходится нарушать правила, идя навстречу желаниям клиентов.

— Хотите сказать, что здесь есть незаконные поселенцы?

— Можете называть это как угодно, Фридман. Категория людей без гражданства, не внесенных в списки колониальной администрации, люди-призраки, привезенные сюда по прихоти богатых клиентов, — они вроде бы существуют, но принято считать, что их нет. Вот такой парадокс. Им

запрещено иметь детей, но это правило нарушается столь же часто, как основные пункты стандартного контракта. В результате население Марса имеет нелимитированный прирост. Обычно детей, рожденных вопреки запрету, забирают у родителей, отдавая в специализированное учреждение, которое готовит новые кадры для нужд колонии. Оно-то и называется корпоративным учебным корпусом. Я попал туда после смерти матери. Спустя три года я бежал и, как следствие, попал к азиатам. Еще четыре года я провел на территории концерна, в рабстве. Потом мне удалось бежать и оттуда.

Келли посмотрел в окно и продолжил:

— Все познается в сравнении, господин Фридман, и после тех лишений, которые я терпел у азиатов, трудности, подбившие меня на побег из корпоративного училища, показались попросту смехотворными, поэтому я вернулся сюда, но уже совершенно иным, — во-первых, я повзрослел, во-вторых, научился по-настоящему ненавидеть, ну а в-третьих — набрался ума или, как принято говорить, раннего жизненного опыта. Это помогло мне в дальнейшем. Начав свою карьеру простым охранником, я быстро получал повышения и за десять лет прошел всю иерархическую лестницу — от рядового сотрудника до начальника отдела.

— Вы опасный человек, Келли…

— Можете называть меня по имени — Марк.

— Откровенность — это еще одна ваша сильная черта?

— Нет. Обычно я молчалив. Но вы прилетели на Марс, чтобы возглавить сектор «Фон Брауна», верно? — Келли не ждал ответа на риторический вопрос и потому продолжил: — Новая метла по-новому метет. Мне показалось разумным и справедливым самому рассказать некоторые подробности биографии, чтобы освободить вас от труда копаться в моем прошлом. Думаю, этого достаточно?

Фридман кивнул.

— Представляю, как сейчас потеет Хо Хуань, — внезапно усмехнулся он. — Вы мне нравитесь, Марк, хотя я многого в вас не понимаю. Ваша ненависть к азиатам когда-нибудь доведет до беды.

Келли не стал отвечать на последнюю фразу Дитриха. Он продолжал смотреть в окно, думая в этот момент о чем-то своем.

— Отвезете меня в офис? — дошел до его сознания вопрос Фридмана. — У вас хорошая машина, а мне не хочется трястись в вездеходе.

— Без проблем. — Келли коснулся плеча дройда. — В головной офис корпорации, — приказал он.

Глава 3

Марс. Сектор освоения корпорации «Дитрих фон Браун». Усадьба Дейвида Мошера.

30 мая 2415 года. Вечер…

«Дэйш» свернул с автобана на трассу второго уровня, когда уже начинало вечереть, низкие свинцово-серые облака, готовые вот-вот расплакаться нудным, моросящим дождем, так и не уронили ни капли влаги, лишь потемнели, предвещая скорый закат невидимого из-за их пелены солнца.

Издали поместье второго акционера корпорации выглядело, будто игрушка. Двухэтажное здание с белоснежными колоннами было искусно вписано в рукотворный рельеф. Дом стоял на плоской возвышенности, его окружал парк из тщательно подобранных и старательно ухоженных декоративных кустарников и деревьев, подстриженных в виде геометрических фигур и живых изгородей. Дорога, по которой двигался «Дэйш», еще за километр до подножия холма превратилась в аллею, с двух сторон обсаженную генетически измененной лиственницей. Вечнозеленые деревья пирамидальной формы, с мягкими ворсинками вместо иголок не требовали специального ухода и в то же время выглядели потрясающе: дымчатые, прозрачно-воздушные, источающие сладкий аромат жизни…

После трудного дня эта аллея ласкала взгляд, помогая расслабиться рассудку, хотя состояние умиротворенности было сейчас совсем некстати…

— Пожалуй, мне лучше не пересекать защитный периметр, — нарушил созерцательный покой Келли голос андроида.

«Дэйш» плавно притормозил, сбрасывая скорость.

— Что случилось, Генри?

— Посмотри на приборы, Марк. Впереди полно сканеров. Это чудо дизайнерского ландшафта нашпиговано кибернетическими системами, будто локационная надстройка крейсера.

Марк взглянул на дисплей бортового компьютера и согласно кивнул:

— Да, будет лучше, если ты посидишь в машине. Наша защита работает?

Дройд лишь кивнул в ответ. У него были свои мотивы, по которым он избегал особо чутких сканеров, и Марк, прекрасно осведомленный о причинах подобной неприязни, вполне разделял опасения своего

механического друга.

— Останови перед живой изгородью. Не стоит лезть на рожон. Прогуляюсь пешком. — В его коротких фразах снова звучала собранность, словно не было этого мимолетного наваждения, когда природная красота на миг заставила рассудок расслабиться в самый неподходящий для этого момент.

— Думаю, тут работали не только дизайнеры по ландшафту, но и психологи, — пробурчал он, укладывая в футляр под приборной панелью два своих «скорпиона». — Не будем дразнить систему охраны.

Марк вылез из машины, отметив, что с неба все же начали срываться первые капельки мелкого дождя, и, по привычке спрятав руки в карманы пальто, зашагал по аллее, затем миновал арку в живой изгороди, под зеленью которой был искусно спрятан комплексный детектор, просвечивающий любого посетителя что называется «насквозь», и вышел на ровную площадку, по которой меж подстриженных газонов во все стороны разбегались дорожки из мелкого красноватого гравия.

В доме еще не горел свет, но ступени, ведущие к парадному входу, спрятанному в глубине крытой террасы, за колоннадой, были ярко освещены.

«Может, старик уже лег спать?» — подумал Келли, взглянув на часы.

Никто не встретил его, вокруг в вечерней тишине не шелохнулась ни одна ветка, лишь недремлющие сканеры наблюдали за ним, передавая каждое движение позднего гостя на центральный пульт охраны.

Не имея привычки останавливаться на полпути либо поворачивать назад, Келли поднялся по широким ступеням, прошел меж колонн, и вдруг двери особняка беззвучно распахнулись перед ним, приглашая войти в дом.

* * *

Хозяин особняка оказался вовсе не стариком, по крайней мере, выглядел он лет на двадцать моложе своего физического возраста. Сухопарая, подтянутая фигура Дейвида Мошера чем-то неуловимо напоминала Дитриха Фридмана, и на миг у Келли возникло сомнение относительно истинного возраста нового колониального управляющего, но, вспомнив данные медицинского контроля, которые Марк лично удосужился прочесть перед прибытием Фридмана на Марс, тут же отмел это подозрение как вздорное. Медицинская система не умеет лгать, а ее отчет ясно свидетельствовал, что Дитриху сорок два года.

Впрочем, мысли Келли лишь на секунду отвлеклись от встретившего его Дейвида Мошера.

«Наверное, он выглядел точно так же, когда стоял у руля корпорации два десятилетия назад», — подумалось Келли.

— Добрый вечер, Марк. — Мошер протянул ему узкую сухую ладонь, которую Келли пожал вполсилы, опасаясь повредить искусственно омоложенные суставы. Он был знаком с баснословно дорогой процедурой комплексного омоложения лишь понаслышке, а слухи, как известно, несут вместе с собой массу домыслов и преувеличений.

Представляться, после того как Мошер первым назвал его по имени, было бы глупо, и Марк молча проследовал за хозяином в глубины особняка, куда Дейвид пригласил его благосклонным жестом.

Пройдя через анфиладу просторных комнат, они оказались во внутреннем дворике, расположенном в центральной части архитектурного ансамбля. Здесь царил особый, теплый и влажный микроклимат, хмурые марсианские небеса были надежно изолированы прозрачным куполом, посреди дворика тихо журчал фонтан, вокруг которого, цепляясь за решетчатые перегородки, росли незнакомые Келли вьющиеся растения.

— Это виноград, — проследив за его взглядом, пояснил Мошер. — Моя гордость и страсть. Раньше он в изобилии произрастал на Земле, но когда я захотел вырастить его тут, на Марсе, выяснилось что найти эти растения уже практически невозможно, они вымерли, несмотря на свою сельскохозяйственную ценность. Вы знаете, что из плодов винограда раньше изготавливали самые знаменитые вина?

— Нет, — покачал головой Келли, расстегивая пальто. Под куполом крытого дворика было жарковато.

— Все забывается, исчезает, — сокрушенно посетовал Мошер, — и, пожалуй, спустя пару поколений люди станут всерьез думать, что эрзац-продукты существовали вечно. Присаживайтесь. — Дейвид кивнул появившемуся из дверей андроиду, и тот принял от Марка верхнюю одежду. — Ну, что привело ко мне шефа внутренней безопасности?

Келли присел на скамью, своей фактурой имитирующей мрамор, но вместо жесткого камня ощутил мягкое прикосновение податливого материала.

Мошер пристально наблюдал за ним, ожидая ответа на заданный вопрос.

Марк чувствовал его взгляд: чуть ироничный и в то же время настороженно-заинтересованный, при этом он думал, что надо было по-настоящему подготовиться к встрече, а не ехать сюда спонтанно, после трудного, полного событий дня. Перед ним оказался вовсе не старик, мирно доживающий отведенные ему биогенетикой годы в безопасном уединении,

а матерый волк, умудрившийся сбросить седую шкуру, но не утративший ни одного из рефлексов мертвой хватки.

Нет, он не жертва и не свидетель, чудом оставшийся в живых после устроенной Майлером чистки — Мошер являлся одним из организаторов так называемой «техногенной катастрофы». Келли интуитивно почувствовал это и понял, что у него нет ни единой заготовки для разговора, если только не задавать вопросы в лоб, попытавшись оглушить, выбить Мошера из состояния равновесия внезапным вбросом информации…

«Нет, скорее это я выбит из привычной колеи треклятым утренним посланием…» — подумал Марк, искоса взглянув на хозяина роскошного особняка.

Пауза неоправданно затягивалась, и он все-таки решился на лобовую атаку, понимая, что извиниться и уйти, оправдав свой неурочный визит каким-нибудь никчемным, надуманным поводом, попросту глупо.

Достав из внутреннего кармана униформы личный компьютер, умещающийся на ладони, он коснулся сенсора активации, дав системе идентифицировать ДНК, и протянул «КиПК»,[5] автоматически вошедший в режим органайзера, расположившемуся на противоположном краю скамьи Мошеру.

Дейвид молча принял прибор и, чуть прищурившись, прочел высветившийся на экране текст утреннего послания.

По его невозмутимой реакции на прочитанное можно было с одинаковой вероятностью предположить как полную непричастность Дейвида к данному сообщению, так и наличие железного самоконтроля, стопроцентную способность держать информационные удары, ничем не выдавая собственной озабоченности, даже если она и возникла в процессе прочтения.

Логичным казалось последнее, ибо напоминание о событиях двадцатилетней давности должно было тем или иным образом воздействовать на Мошера.

Однако на его лице не дрогнул ни один мускул, лишь иронично приподнялись уголки губ, но Марк умел отличать контролируемую мимику от спонтанных вазомоторных реакций.

— Не понимаю, почему ты приехал с этим ко мне, сынок? — произнес Мошер, подняв на Келли взгляд, который спрашивал: «Что дальше? Чем еще удивишь старика?»

— Вы не удивлены?

— Текстом? Нисколько. Я в свое время отвечал на более серьезные выпады в адрес корпорации, которые касались затронутой здесь темы. Интересен скорее факт адресации послания. Те события как-то затронули тебя лично?

— Да, — ответил Марк. — При взрыве процессорной станции «Фон Брауна» погибла моя мать, а я выжил лишь благодаря случайности.

Мошер сделал едва уловимое движение пальцами, и в арочном проеме появилась фигура андроида. Человекоподобный механизм поставил на столик у фонтана поднос с двумя чашками кофе и удалился.

— Угощайся, Марк. Прекрасный кофе. За последние годы мне удалось генетически восстановить, а затем и клонировать полтора десятка утраченных сельскохозяйственных культур.

— Давайте отложим эту тему, господин Мошер, — вежливо, но твердо произнес. Марк. — Возможно, я несколько поторопился с визитом, но вы единственный живой свидетель тех событий. — Он подчеркнул слово «живой», давая понять, что ему известно о серии загадочных смертей и исчезновений.

— Считаешь, что эту газетную вырезку отправил тебе я? — прищурился Мошер.

— Нет.

— Ну, в таком случае я вряд ли смогу тебе помочь. Выражение сочувствия прозвучит запоздало, а в остальном ты должен понимать: между Землей и Марсом бездна пространства, а на момент катастрофы я находился за десятки миллионов километров отсюда.

— Разрешите? — Келли протянул руку, но не за кофе: взяв миниатюрный компьютер, он сделал несколько переключений и вновь вернул прибор Дейвиду Мошеру. Текст сообщения исчез с экрана, сменившись компьютерным рельефом местности, на фоне которого динамически развивалась смоделированная схема катастрофы со всеми сопутствующими выкладками, сделанными Генри в ходе логической обработки доступной информации.

На минуту под прозрачным куполом наступила тишина, нарушаемая лишь журчанием воды в фонтане.

— Да, накопал ты изрядно, — наконец произнес Мошер. — Молодец, что приехал… — внезапно добавил он, продолжая изучать математическое обоснование компьютерной модели. — Тебе по-прежнему непонятен смысл послания?

— Это вопрос взаимного доверия.

— Можешь забыть начало разговора. Начнем с отправной точки. Я

готов ответить на твои вопросы, но при условии, что ты прислушаешься к моим советам и выводам. Только не надо глупить в поисках козла отпущения для осуществления личной мести.

— То есть вы готовы признать, что построенная модель верна и катастрофа явилась следствием диверсионного акта?

— Ты поставил меня перед фактом… дай-ка взглянуть, кто у нас такой умный?.. — Мошер отвел рукой мешавший ему побег виноградной лозы и взглянул на экран информационной системы, спрятанный за драпировкой зелени. — Ага, вижу. Дройд… — Он дождался поступления очередной порции данных и едва слышно присвистнул: — Глазам не верю… «PQ-920». Если сканеры не лгут, ты, Марк, обладатель настоящего раритета!.. — Мошер многозначительно усмехнулся. — Насколько я помню, эта модель не только снята с производства, но и заявлена на полное уничтожение всех выпущенных образцов… — Усмешка медленно сползла с губ хозяина дома. — Пожалуй, я сделаю вид, что не заметил его присутствия в твоей машине.

Келли в этот миг ощутил себя так, словно невидимая рука железной хваткой стиснула ему горло… но тут же отпустила.

Нет, перед ним сидел не волк… Это был человек, давно утративший все иллюзии, но сохранивший невероятную силу воли и трезвый циничный рассудок.

— Я расскажу тебе о событиях двадцатилетней давности, но прежде хочу, чтобы ты знал — тот, кто отправил тебе фрагмент статьи, не только отличный психолог, он был заранее осведомлен о твоей несанкционированной дружбе с подлежащим уничтожению андроидом. Тебя толкнули, Марк, верно просчитав реакцию и заранее соизмерив аналитические возможности твоего дройда с доступными базами данных. Очень тонкая игра, и тот, кто ее начал, в данный момент может с удовлетворением констатировать локальный успех. Ты приехал сюда и беседуешь со мной.

— Кому это выгодно?

— Учитывая то, что в катастрофе погибла твоя мать, а я по определению несу ответственность за принятие решений двадцатилетней давности? — задал Дейвид встречный вопрос и тут же добавил, — глядя на Келли: — Наш игрок допустил ошибку, он переоценил твою импульсивность, Марк. Подумай, кем являемся мы? Глава корпоративной службы безопасности и второй акционер «Фон Брауна». Две ключевые фигуры на колониальной шахматной доске. После скоропостижной кончины Майлера я могу одним своим голосом заблокировать любое

решение совета директоров корпорации, ну а за тобой стоит реальная сила в виде преданных своему шефу подразделений. Согласись, стравить нас, спровоцировав конфликт на почве давних трагических событий, — это тонкий, даже изящный ход, призванный убрать две весомые фигуры перед началом задуманной шахматной партии.

— Не слишком ли сложно?

— Нет, — покачал головой Дейвид. — Если бы я не был убежден в смерти Майлера, то мое подозрение пало бы на него. Характерный стиль, — скупо добавил он. — Ты в праведном гневе находишь виновника смерти своей матери и тривиально мстишь. Затем этот импульсивный поступок быстро и организованно предается гласности — вот и нет еще одной сильной фигуры, корпоративная безопасность обезглавлена, а у совета директоров развязаны руки для принятия каких-то решений.

— Это следует напрямую связать с прибытием нового управляющего? — осторожно предположил Келли, начиная понимать жесткую логику собеседника, точнее, верить ей, справедливо полагая, что сидящий напротив человек имеет практический опыт подобных провокаций.

— Не знаю, — услышал он ответ на вопрос относительно Фридмана. — Пока не знаю, — добавил МоШер. — Не забудь, я занимаюсь данной проблемой всего десять минут.

— В вашей логике есть существенный изъян, — произнес Марк.

— Какой? — в тоне Дейвида прозвучал неподдельный интерес.

— У меня не было намерения убивать вас, — пояснил Келли. — Даже если бы я точно узнал, что диверсия организована…

— Не зарекайся, — оборвал его Мошер. — Ты не глуп, это верно, но представь, какая это мука — знать, кто повинен в смерти твоей матери, твоем сиротском детстве, рабстве у азиатов… — Он сокрушенно покачал головой. — Человеческая душа чаще всего не выдерживает подобного прессинга: ты бы по нескольку раз на день проезжал мимо моей усадьбы, твои мысли вновь и вновь возвращались бы к циничному омоложенному старику, который, загубив сотни жизней, вышел сухим из воды и теперь сентиментально лелеет редкие виды растений… — Дейвид излагал свои мысли совершенно спокойно, как нечто само собой разумеющееся. — В конечном итоге ты бы не выдержал, Марк. Это лишь вопрос времени. Однажды, в особо неудачный, скверный для тебя день порыв души взял бы верх над доводами рассудка. Поверь, я знаю, что такое ненависть, которая медленно кипит в душе, будто гудрон на дне котла…

Келли не нашелся что ответить на монолог Мошера.

— Существуют еще десятки способов давления. Думаю, тебе нужно обратить пристальное внимание на своего дройда — его попытаются ликвидировать, чтобы лишить тебя привычной опоры в общении, — спустя некоторое время добавил Дейвид.

— Вы рассуждаете так, будто сами планировали акцию, — не выдержав, произнес Келли.

— Да… Я привык мыслить определенным образом, — спокойно признал Мошер. — С этим трудно бороться, да и ни к чему, в моем-то возрасте…

Марк взял с подноса чашку с остывшим кофе и сделал маленький глоток. В откровенности Мошера сквозило что-то недоступное пониманию, в душе этого человека смутно угадывалась абсолютно чуждая система моральных ценностей, и надо было так обернуться судьбе, чтобы они вдруг оказались тесно связаны между собой.

Может, действительно проще добиться истины и пустить ему пулю в лоб?

— Вы обещали рассказать правду.

— А ты готов ее услышать?

— В смысле?

— В прямом. Для понимания тех событий нужна изрядная доля здравого смысла.

— Я спокоен. Ваши предположения относительно намерений провокатора достаточно убедительны, поэтому я готов выслушать истинную версию событий, не делая при этом резких движений и скоропалительных выводов, — пообещал Марк, невзирая на промелькнувшую секундой ранее мысль.

— Хорошо. — Мошер встал, выдвинул из стены декорированную панель управления и быстро пробежал пальцами по сенсорам.

— Это обеспечит дополнительную защиту от всех видов сканирования, пояснил он, возвращаясь к фонтану.

Несколько секунд он молчал, сцепив пальцы рук, глядя на окружающую зелень, а потом заговорил ровно, будто лектор, читающий материал аудитории студентов:

— Все началось трагично и внезапно. По крайней мере, из земного офиса корпорации события выглядели именно так. Единственным человеком, кто загодя разглядел потенциальную угрозу, был Френк Лаймер, главный инженер «Фон Брауна».

— Что его обеспокоило? — уточнил Марк.

— На ряде промышленных комплексов один за другим начали

отказывать генераторы силовых установок. Их защитные кожухи разрушала какая-то пакость, похожая на серебристую плесень. Френк, прекрасно осведомленный обо всех без исключения штаммах бактерий, применявшихся для преобразования марсианской почвы и атмосферы, изначально исходил из худшего, предположив, что это не мутация земных форм микрожизни, а экзовирус, случайно разбуженный в процессе добычи полезных ископаемых*.

Мошер встал со скамьи и начал медленно расхаживать вдоль фонтана.

— Он затребовал для себя срочную командировку на Марс, желая разобраться во всем лично, на месте. В тот период недалеко от проблемных промышленных объектов шел завершающий цикл терраформирования целого региона, заселение которого должно было начаться в 2396 году.

По прибытии сюда Френк успел отправить только один официальный отчет, подтверждающий его первоначальную догадку о том, что источником проблем является неизвестная форма микрожизни. Он пробыл на Марсе всего неделю — его исследования прервал злополучный взрыв силовой установки, положивший начало настоящим проблемам. Та серебристая дрянь, о которой говорилось в отчете Лаймера, была разнесена взрывной волной по обширным площадям. Вскоре после этого начали поступать сообщения о массовых отказах кибернетических устройств, но наиболее тревожные сообщения касались неадекватного поведения андроидов серии «PQ-920». Это была последняя, наиболее продвинутая модель, выпускавшаяся концерном «Новая Азия» с применением прогрессивных технологий. Они начали внедрять в схемы кибермеханизмов живые нейроткани человеческого мозга, искусственно выращенные на основе клонирования.

Мошер оборвал высохший листок с виноградной лозы и продолжил:

— Пока мы пытались разобраться в стремительно развивающейся ситуации и организовать спасение рабочих из зоны бедствия, отказы кибернетических устройств приняли глобальный характер. Чтобы не дать распространиться заразе, мы срочно перебазировали на высокие марсианские орбиты боевой крейсер корпорации, оградили зону тремя концентрическими кольцами периметра и применили все имевшиеся в нашем распоряжении установки атмосферного контроля для создания замкнутого цикла циркуляции воздушных масс внутри пораженной экзовирусом зоны, чтобы не допустить его дальнейшего распространения, однако все эти меры оказались недостаточны. Спустя три месяца после тотального заражения кибернетические системы внутри зоны совершенно внезапно и необъяснимо начали «оживать», проявляя абсолютно

неадекватные изначальным программам признаки функциональности. Положение осложнялось с каждым днем, усугубляясь тем фактом, что в зону заселения к моменту развития эпидемии уже была завезена вся необходимая техника, начиная от бытовых механизмов и заканчивая планетарными машинами, предназначенными для служб внутренней безопасности.

Марк, внимательно слушавший монолог Мошера, невольно вздрогнул. Он хорошо знал, какие кибернетические системы скрываются под обтекаемым термином «техника службы безопасности». Боевые планетарные машины, неприкосновенный резерв корпорации, распределенные по подземным консервационным убежищам, представляли собой полностью автономные боевые единицы класса «планетарный танк». Каждой из БПМ по умолчанию было придано подразделение андроидов, которое при начале гипотетического вооруженного конфликта, затрагивающего интересы корпорации, автоматически формировалось из числа бытовых машин, прошедших «техническое усовершенствование» в лабораториях «Фон Брауна».

Режим полной автономии подразумевал высокую свободу действий автоматических систем. Учитывая, что вторжение в сектор освоения могло быть внезапным, механизмы в течение двух суток после активации боевых программ уничтожали любую технику и живую силу противника, вне зависимости от национальной, государственной, либо маркерной принадлежности.[6] Такая схема противодействия была введена по личному распоряжению Майлера фон Брауна после того, как технический отдел корпорации вычислил сетевые модули и связанные с ними программы, незаконно устанавливаемые на заводах концерна «Новая Азия» в изделия, поставляемые во все регионы Марса.

Келли был убежден в оправданности таких жестких мер, здесь он полностью поддерживал распоряжение Майлера. Раз азиаты закладывают в свою продукцию дистанционно активируемые программные «бомбы», значит, они готовят вторжение, и начало конфликта лишь вопрос времени…

— …Могу с уверенностью констатировать лишь одно, — прервал его мысли голос Мошера. — Они посходили с ума: как дройды, так и остальные механизмы, чье устройство по сложности превышало уровень тостера или автоматического пылесоса.

— Это стало следствием воздействия экзовируса? — спросил Марк. — Или автоматической активации боевых программ? — уточнил он.

— Я до сих пор не знаю точного ответа на данный вопрос. — Дейвид

с усилием сжал в пальцах высохший лист винограда, и частички ломкого праха посыпались на вымощенный мрамором пол. — После гибели Френка Лаймера мы не смогли найти ему достойной замены. Толмачев откровенно трусил, он боялся Марса, боялся вируса, боялся взбесившихся машин, и его работа приносила мизерные плоды. Привлекать же сторонних специалистов мы не могли во избежание утечки информации.

— Значит, я верно угадал: о проблемах в зоне знали всего несколько человек?

— Естественно, в истинное положение вещей был посвящен строго ограниченный круг лиц, — кивнул Мошер.

— Но окончательные, ответственные решения принимали вы с Майлером фон Брауном?

Мошер насупился, но затем вторичным кивком подтвердил — да, это было именно так…

— Ты должен понимать, Марк, — после небольшой паузы произнес он, любая огласка привела бы к моментальной панике, срочной эвакуации всего населения колонии и, как следствие, банкротству корпорации, основные активы которой были инвестированы в терраформированные территории. Мы не могли пойти на такой шаг, но проблема разрасталась, все обычные средства противодействия не дали желаемого результата, и радикальным средством борьбы с экзовирусом мог стать только ядерный взрыв, который выжег бы всю заразу в проблемной зоне.

— Подставить новоазиатов — это была идея Майлера?

— Не помню, — честно признался Мошер. — Может, его, а быть может, моя, какая разница, учитывая, что их станция переработки атмосферы не подверглась атаке со стороны чуждой жизненной формы лишь благодаря нашим усилиям по поддержанию защитного периметра вокруг пораженной зоны. В случае прорыва периметра взбесившимися машинами либо простого распространения этой серебристой дряни с воздушным потоком всей колонии грозила гибель. По сути, принимая решение о ядерных взрывах, мы выбирали меньшее из зол, исчерпав все средства борьбы и отчаявшись надежно локализовать источник заражения.

— Станция «Фон Брауна» к тому моменту уже вышла из-под внешнего контроля?

— Атмосферный процессор был законсервирован по приказу Френка Лаймера еще в самом начале, когда появились первые признаки угрозы.

— И тем не менее он взорвался, — напомнил Марк.

— Это, насколько помнится, являлось одной из составляющих плана диверсии, — откликнулся Мошер. — Толмачеву удалось дистанционно

возобновить работу реактора за несколько часов до расчетного времени взрыва. — Дейвид взглянул на Келли и добавил: — Ты должен понять, Марк, твоя мать погибла, находясь во внутренней зоне третьего кольца защитного периметра. Для меня это означает лишь одно: она не вняла приказу об эвакуации, оставшись в зоне по каким-то личным мотивам. Возможно, она пыталась понять, что происходит, ведь Лаура Келли была биологом?

— Да.

— Могу уверить: непосредственно перед взрывом внутри зоны находились лишь спецподразделения с борта «Ориона» и те энтузиасты-безумцы, кто не стал покидать зону на свой страх и риск. Все они получили предупреждение о грозящей опасности. Конечно, мы не указывали, что именно произойдет, но в направленных сообщениях недвусмысленно говорилось об угрозе для жизни. На мой взгляд, это веский повод, чтобы бросить все исследования и бежать. Тем, кто остался вопреки предупреждениям, мы уже не могли помочь.

Келли глубоко ранило все услышанное от Мошера. В некоторые моменты ему казалось, что душа и разум под влиянием слов Дейвида погружаются в иное измерение — непривычное, непонятное, где все действия имеют лишь одно обоснование: деньги. Мошер мог говорить что угодно, в его ораторском искусстве не возникало ни тени сомнения, но любые слова, призванные оправдать зачистку пораженных территорий излучением ядерных взрывов, спотыкались о единственный, употребленный Мошером термин — «зараза».

Никто не исследовал экзовирус, наоборот, в своей борьбе корпорация инициировала режим строжайшей секретности, и в таких условиях чуждую форму можно было только уничтожить — иного решения не предполагала сама постановка вопроса.

— Сегодня произошло еще одно событие, показавшееся мне странным, — произнес Келли, нарушая затянувшуюся паузу в нелегком общении.

Дейвид заинтересованно повернул голову.

— С утренним рейсом через космопорт «Южный» в колонию прибыл некто Багиров, дипломированный археолог. У него на руках имеется контракт, подписанный Майлером фон Брауном за два дня до смерти. Речь идет о полугодичных полевых исследованиях неосвоенных территорий. Цель — поиск следов гипотетической марсианской цивилизации.

На лице Дейвида впервые за все время разговора отразилось неподдельное удивление.

Некоторое время он молчал, обдумывая услышанное, а затем со вздохом произнес:

— Каждый из нас в молодости уверен, что жизнь вечна, а он непогрешим… Потом, когда минует зрелость и к тебе внезапно прокрадывается старость, начинается путь невольных исканий, но все тщета… Возможно, так было и с Майлером? Он осознал, что вершина власти — не лучшее жизненное достижение, и попытался запоздало исправить определенные ошибки?

Келли, внимательно следивший за реакцией Мошера, спросил:

— Значит, вы все же полагаете, что эта серебристая плесень, разрушавшая механизмы, могла быть чем-то иным, отличным от вируса?

Дейвид понял, что допустил промах. Впрочем, был ли смысл скрывать оставшиеся неразглашенными крупицы истины от Келли, коль скоро они оба оказались по воле неведомого интригана в одной лодке?

— Кибернетические системы заработали вновь, Марк, — хмурясь, произнес он. — Они ожили после определенного периода стазиса, но их действия не укладывались в рамки программного обеспечения. Они лишь частично реализовывали свои стандартные функции, причем одновременно работали как бытовые, так и боевые модули программ, в зависимости от условий внешней среды, ты понимаешь меня? Они в некоторой степени эволюционировали, причем наиболее продвинутые модели, — я имею в виду андроидов с нейромодулями памяти, — начали отождествлять себя с людьми. Откуда они брали информацию, необходимую для формирования внутреннего «я», до сих пор остается полнейшей загадкой, однако перечисленного вполне достаточно, чтобы задуматься: не был ли создан данный «вирус» искусственно, например, разумной расой существ, населявших Марс в доисторические для нас эпохи?

Он вновь умолк на некоторое время, а затем добавил:

— Мы стерли это, сожгли в ядерных вспышках ради сохранения бизнеса. Не знаю, что чувствовал, о чем думал Майлер накануне своей смерти, он вообще был сложным человеком, но вызвать на Марс археолога спустя двадцать лет после известных событий — это в его стиле.

— Думаю, мне следует просмотреть отчеты разведывательных геологических партий за истекший год. — Марк произнес эту фразу скорее в ответ собственным мыслям, но Мошер одобрительно кивнул, словно они уже обо всем договорились и отныне действовали сообща…

От Келли не укрылся его жест.

Он поставил на столик пустую чашку, которую до этого держал в руках, и встал, желая что-то сказать, но внезапно замешкался, словно в

душе Марка вспыхнула мгновенная борьба чувств.

— Не поворачивается язык, чтобы поблагодарить меня за откровенность? — без иронии спросил Дейвид.

Более точной характеристики внезапному внутреннему смятению не смог бы дать и сам Келли.

— Мне нужно многое обдумать, — сделав над собой усилие, ответил Марк. Я уже пережил смерть матери и не стану совершать ожидаемых кем-то поступков.

— А хотелось бы? — криво усмехнулся Мошер.

— Нет, — отрицательно качнул головой Келли. — Этим ее не вернешь. Спасибо за откровенность, господин Мошер.

— Постой, Марк.

Келли, сделавший шаг по направлению скрытых среди зелени дверей, обернулся.

— Ты не хочешь понять главного…

— Вы о загадочном отправителе? Или о вероятных событиях, которые он будет провоцировать в колонии?

— Ты размышляешь, делая акцент в будущем времени. Это ошибка. Пружина спускового механизма уже освобождена и начала работать. Не пройдет и месяца, как грянут события, хочешь ты того или нет.

Марк кивнул:

— Я предупрежден. А значит, вооружен.

— Я не сказал тебе о еще одной важной детали, — хмурясь, произнес Мошер. — Разве ты не задал себе мысленный вопрос, почему я решил поселиться в колонии, если прекрасно знал, что тут существует потенциальная угроза повторения роковых событий?

Келли повернулся. Он пропустил действительно важный момент и теперь вопросительно смотрел на Дейвида.

— Век живи, век учись, — пробурчал тот и добавил: — Уже после зачистки пораженной зоны нам удалось с высокой степенью вероятности вычислить канал проникновения вируса в колонию. Это не местная форма. Он был завезен сюда вместе с лунным реголитом, богатым редкоземельными элементами.

— Документации по этому поводу, естественно, не существует?

— Нет. Выборочные исследования марсианского и лунного грунта ничего не дали, но мы прекратили поставки минералов и руд из лунных месторождений, и, как видишь, два десятилетия прошли вполне спокойно. Я убежден, что источник заражения был завезен на Марс.

— Вы намекаете, что Майлер тоже знал об этом и посылать археолога

сюда — попросту нелогично?

— Да. Мой тебе совет: внимательно просмотри все отчеты, и не за год, а за пять-десять лет. Не делись ни с кем полученной информацией, даже в целях обеспечения безопасности. Не доверяй никому. Не ночуй дважды в одном и том же месте. Никогда не оповещай подчиненных и начальство о том, куда и зачем уезжаешь. Возможно, тогда ты сможешь избежать беды.

— Вряд ли в моих силах последовать всем прозвучавшим советам, — усмехнувшись, ответил Марк.

— Тем не менее попытайся сделать так. Если на тебя станет наезжать Фридман, позвони. — Мошер вытащил из набора компьютерной панели микрочип, предназначенный для генерации закрытого канала связи между двумя абонентами. — Я тебя прикрою, а заодно присмотрюсь к новому колониальному управляющему. Мне, к сожалению, незнаком этот молодой выскочка.

— Хорошо, я прислушаюсь к вашим советам, — сказал Келли, принимая чип из рук Мошера. — Да, еще один вопрос, — он остановился уже на пороге. — Если я просмотрю все отчеты поисково-исследовательских систем и не обнаружу среди них ничего подозрительного, оправдывающего действия Майлера по найму специалиста-археолога?

— В таком случае — это часть провокации.

— Цель?

— Найти несуществующий источник угрозы. Обнаружить древние артефакты, которые на самом деле — подделка.

— Не понимаю, зачем?

— Я не могу утверждать категорично, но если информацию о неожиданных находках подать определенным образом, сдобрив хотя бы частично сведениями об истинных событиях двадцатилетней давности, это приведет к панике в колонии и в конечном итоге объявлению карантина, если не полной изоляции Марса от метрополии.

— Значит, действия неведомого «доброжелателя» направлены против корпорации? — сделал закономерный вывод Марк. — В случае объявления карантина будет нанесен удар в самое уязвимое звено межпланетного бизнеса. Сюда перестанут прилетать новые поселенцы.

— Возможно, ты прав… Хотя в такой логике есть несколько прорех. Технические службы корпорации быстро развенчают фальшивку. Нет. Сомнительное открытие может лишь приостановить процесс планового переселения, а чтобы обанкротить «Фон Браун», нужна тотальная изоляция

колонии при поддержке большинства государств метрополии. Такого эффекта невозможно добиться единичным археологическим открытием. — Мошер все больше хмурился, размышляя над проблемой. — Давай не будем спешить с выводами, Марк. Пусть противник сделает следующий шаг, тем самым обнаружив если не себя, то очередное звено своего плана. А пока будь настороже, не поддавайся на провокации и периодически позванивай старику. Я тоже обитатель колонии, и меня волнует все происходящее не меньше, чем коренного марсианина. Договорились?

Келли кивнул.

— Дройд проводит тебя.

Глава 4

Марс. Сектор освоения корпорации «Дитрих фон Браун».

Ночь с 30 на 31 мая 2415 года…

Этой ночью Келли не было суждено уснуть.

Мысли роились в голове, будто она превратилась в улей. После откровенной беседы с Мошером многие из прошлых событий нашли объяснение, встали на свои места, но следовало признать, что новых вопросов оказалось несравненно больше.

На душе было тревожно.

Оставить работу на корпорацию, уйти со службы — вот первый позыв, который испытал Марк, садясь в машину, где его ожидал Генри.

Возможно, лет пять назад он бы принял именно такое импульсивное решение, но мечта детства — обрести полную независимость, уйти в неосвоенные просторы родной для него планеты, чтобы где-то в неизведанной дали обосновать свой очаг, окружить его оазисом жизни, — теперь казалась несбыточной и отчасти — наивной.

Он гордо, зачастую с вызовом именовал себя марсианином, а на самом деле планета принадлежала не ему…

Машина плавно скользила по автобану, а вдалеке от скоростной трассы проплывали освещенные окна роскошных усадеб и вилл.

Марк никогда не бывал на Земле, но, глядя на далекие огни, невольно думал о метрополии, откуда прибывали сюда разные люди. С одной стороны, это были респектабельные, уважаемые члены земного общества, но если копнуть глубже, как произошло сегодня в беседе с Мошером, выходит, что как минимум каждый второй из поселенцев сектора «Фон Браун» — потенциальный преступник, избежавший наказания за свою «земную» деятельность…

Стоило ли предаваться подобным размышлениям сейчас, когда назревали критические для колонии события? Марк, в отличие от Мошера, являлся человеком действия, со своим сформированным чувством внутренней справедливости, и именно оно толкало мысли дальше, производя внезапную ревизию моральных ценностей…

…По ту сторону мысленно проведенной черты он представил густонаселенные города концерна «Новая Азия», где ультрасовременные технологии сосуществовали параллельно с примитивным бытом и

жестоким законом силы для большинства. Тогда возникал непроизвольный вопрос: где люди? Куда они подевались?

Что на самом деле представляет собой метрополия, если рассматривать Марс как ее отражение? Тонкая прослойка колонистов из Российского сектора освоения не была показательна в этом плане — девяносто процентов населения там составлял тщательно отобранный государством контингент научных сотрудников, профессионалов в различных областях человеческого знания.

«Но, возможно, это и есть золотая середина, которую я ищу?» — подумалось Марку.

Никогда еще не было так трудно отвечать себе на мысленные вопросы. Одно он понимал — Марс не должен быть убежищем для таких, как Дейвид Мошер, или рабской ямой для подавляющего большинства так называемых «служащих» концерна. Неужели первая колония человечества на самом деле является зеркалом общества, удаленного на десятки миллионов километров?

Трудные и, быть может, ненужные вопросы?

Но как жить, зная, на кого работаешь?

Утреннее ощущение толчка сидело в душе как заноза. И приватный разговор с Мошером отнюдь не развеял, а лишь усугубил его. Совершать глупости Марк не собирался, но ему претила роль кролика во внезапно возникшем противостоянии с неведомым противником. От подобных мыслей в душе нарастал глухой протест.

Он вытащил мобильный коммуникатор и вызвал дежурного из центрального офиса администрации, связавшись с ним на стандартной корпоративной частоте, через местный ретранслятор.

Выслушав традиционную формулировку доклада, Марк начал спокойным, усталым голосом сбрасывать информацию.

— Так, слушай внимательно, — обратился он к офицеру. — Я сегодня заночую в отеле сектора 4 в. Свяжись с ними, пусть подготовят номер. Открой доступ с расположенного там компьютера к архиву исследовательского отдела. Возможно, я проработаю всю ночь, так что с утра оперативное совещание отменяется. Да, вот еще: меня интересует русский археолог, прибывший сегодня утром. Разобрались с ним?

— Его контракт в полном порядке, — ответил дежурный. — Господин Фридман лично провёл с ним ознакомительную беседу и дал указание приступать к работе. Поисковая партия отправляется завтра утром. Все необходимое оборудование было заранее отправлено в пограничный сектор освоения еще полгода назад.

— Состав группы?

— Господина Багирова будет сопровождать наш сотрудник Курт Штиммель, в качестве водителя им придан Роберто Маскани, который в дальнейшем будет исполнять обязанности рядового члена экспедиции.

— Запрограммируй автоматику связи на переадресацию всех отчетов поисковой партии на мой личный компьютер.

— Да, сэр.

— Все, работай. Я буду в отеле минут через десять.

— Скинь скорость, Генри. Дай им подготовиться, — обратился он к дройду, убирая мобильный коммуникатор.

— Кому? Служащим?

— Нет. Тем, кто нас ведет и слушает.

Андроид ничего не ответил на последнее замечание, но послушно исполнил указание.

— Генри… — спустя некоторое время позвал его Марк.

Дройд слегка повернул голову.

— Откуда у тебя имя? Тебе дал его прежний хозяин? Или оно присвоено на заводе-изготовителе?

— Нет.

— Но и я тебе его не давал. Помнится, мне пришлось принять к сведению, что у тебя есть имя.

— Марк, ты задаешь вопрос с опозданием в двенадцать лет.

— Лучше поздно, чем никогда. В ту пору я был подростком, беглым рабом…

— Да, а я медленно врастал в почву посреди зарослей кустарника. Будем вспоминать прошлое?

— Будем, — кивнул Марк. — Чтобы доверять друг другу, как доверяли все эти годы.

— Хорошо.

Вдали у края дроги показались огни отеля.

— Поговорим в номере.

* * *

«Надо все же подобрать Генри одежду… или заставить его носить пеноплоть», — подумал Марк, поднимаясь по ступеням гостиничного комплекса. В данный момент они находились в одном из старейших регионов колонизированного Марса. В округе располагались пять крупных населенных пунктов, пространство между которыми делилось на частные землевладения с элитными особняками наподобие усадьбы Дейвида

Мошера, и тем не менее в отеле было многолюдно: судя по звукам музыки и росчеркам лазерных спецэффектов, ночной клуб, казино и танцпол работали по полной программе.

Марк часто подмечал эту странность: люди улетали на Марс в поисках уединения, но не все на поверку выдерживали его. Местное общество казалось Келли, мягко выражаясь, странным. Свобода нравов в сочетании с надменной чопорностью — вот самая краткая и мягкая из характеристик.

Его узнали, судя по перешептыванию за спиной. Обрывки фраз, долетавшие до слуха вперемешку с музыкой, могли показаться оскорбительными, но Келли давно перестал обращать внимание на подобные мелочи, лишь слегка морщился, когда слышал: это шеф службы безопасности со своим металлическим истуканом.

Поднявшись в подготовленный для него «люкс», Марк коротко распорядился, обращаясь к служащему:

— Андроида сотой модели, кофе и две пачки «Аполло». Без вызова не беспокоить.

Через минуту все было доставлено — отель, несмотря на обилие автоматических систем, работал под фешенебельный «земной стандарт», что предполагало наличие обслуживающего персонала из числа людей.

Марк запер двери, повесил в шкаф для автоматической чистки свое пальто, подошел к окну, бегло оценив открывающийся из него вид, и приказал гостиничному дройду:

— Встань тут у занавеси. Да, вот так. Теперь отключи все сенсорные системы.

Машина, покрытая пеноплотью, исполнила распоряжение, тут же превратившись в манекен, на который был надет комплект униформы служащего отеля.

— Генри, подай напряжение на его энергетические цепи.

Дройд быстро выполнил указание, подключив своего собрата к общей сети здания. Теперь при наружном сканировании человекоподобная машина выглядела активной, на самом же деле гостиничный робот оставался глух, неподвижен и нем.

— Что еще?

— Посади мой оптический фантом за терминал компьютера, затылком к окну.

Пока Генри совершал необходимые операции, Марк передвинул два кресла в дальний угол просторного помещения, расположив их у задней стены, между входом в спальню и дверью, ведущей в стандартную детскую

комнату.

Пока он занимался перестановкой мебели, в офисном кресле подле стандартного кибернетического комплекса возник плотный оптический фантом. Генератор изображения, оснащенный тепловой маской, способной обмануть системы термальной оптики, был расположен под терминалом, на мониторах которого уже прокручивались в режиме нон-стоп затребованные Келли базы данных.

Генри отступил на несколько шагов, сканируя свою работу, и, удовлетворившись результатом, обернулся:

— Что-нибудь еще?

— Иди садись. — Марк сделал глоток кофе, убедившись, что он похож на пойло после того напитка, которым угощал его Мошер.

Дройд сел в кресло.

— Включи защиту. Нас здесь нет. — Марк поставил чашку обратно на поднос, вытащил оба «скорпиона» и положил их на подлокотники кресла, сняв с предохранителей.

Воздух вокруг кресел на миг зазмеился тонким, едва заметным маревом и тут же успокоился, обретя обычную прозрачность.

— Что мы делаем?

— Совмещаем приятное с полезным. — Келли позволил себе легкую улыбку. Охота на охотника с попутным выяснением отношений, как тебе такой алгоритм?

Генри повернул голову, еще раз придирчиво посмотрев на расставленную ловушку.

Застывший за шторой гостиничный дройд, силуэт Келли в кресле подле терминала — на внутреннем дисплее сканирующих систем все выглядело вполне прилично. Даже если наблюдатель решит копнуть глубже и попытается снять изображение с монитора, он получит именно ту информационную картинку, о которой говорил Марк с дежурным офицером офиса.

— Если при сканировании будет применяться полевая аппаратура, инсценировка выдержит, — произнес дройд.

— Вот и отлично. — Келли потянулся было к пачке сигарет, но передумал. — Давай вспомним прошлое, Генри, — предложил он, откидываясь на мягкую спинку кресла.

* * *

Марк не любил погружаться в воспоминания. Ему не доставляло никакого удовольствия вновь ощущать себя затравленным, изможденным

пятнадцатилетним подростком, карабкающимся по горам, изнывая от усталости, истощения и страха.

…Пятый день после побега стал для него особенно трудным. Сил уже не осталось, но, преодолев перевал, он увидел простирающиеся внизу равнины безлюдные пустоши, кое-где покрытые плотными зарослями кустарниковых растений, которые сумели выжить и вновь прорасти на зараженных радиацией землях.

Впрочем, спустя восемь лет после катастрофы поверхность холмистых пустошей уже не излучала смертельных для человека доз радиации — здесь потрудилась техника корпорации, раз в полгода распыляющая над зараженными площадями специальные реагенты, уничтожающие остаточную радиоактивность.

Конечно, мысли измученного подростка в тот момент были далеки от проблем вторичного терраформирования. Глубоко запавшие глаза Марка жадно разглядывали заросли кустарника. Если добраться до них незамеченным, то можно будет затаиться в чаще густо переплетающихся ветвей и дать долгожданный отдых измученным мышцам.

День за днем ему удавалось опережать погоню, он карабкался по горам, где не было троп или дорог, но его преследователи проявляли такое же завидное упорство: мальчишка, сбежавший из цеха секретного промышленного комплекса, представлял в глазах азиатов реальную угрозу. Даже не обладая глубокими техническими знаниями, он мог выболтать много нежелательной информации, основанной на подслушанных разговорах и визуальных впечатлениях, а это было бы уже настоящим кладезем для грамотного специалиста по промышленному шпионажу.

Беглеца следовало уничтожить.

…Марк выглянул из-под прикрытия скалы.

Вниз уходил крутой оползень, где масса каменных обломков, отколовшихся от скал в результате эрозии, удерживалась в шатком равновесии.

Было понятно, что спускаться по коварному серому языку следует с максимальной осторожностью, но над головой мальчика уже дважды в течение утра пролетал поисковый флаер…

Бежать… Только бежать… — толкал вперед инстинкт.

Нет, надо спускаться тихо и осторожно, — вступая в спор измученный рассудок.

Окончательное решение сформировали обстоятельства.

Машина, почти беззвучно скользящая на фоне хмурых небес, в очередной раз пролетела над притаившимся среди скал подростком и

начала удаляться, углубляясь в воздушное пространство над мертвыми равнинами.

Когда флаер превратился в едва заметную точку, Марк покинул временное убежище и начал осторожный спуск вниз.

Камни предательски осыпались, срываясь со своих мест, и, подпрыгивая, скатывались вниз, даже большие, массивные глыбы начинали опасно крениться под весом исхудавшего подростка, когда тот вынужденно наступал на них.

Он преодолел две трети осыпи, прежде чем машина преследователей вновь появилась в поле его зрения, двигаясь обратным курсом.

На миг потеряв голову от страха, он побежал.

Сердце готово было выпрыгнуть из груди, вязкий воздух с трудом проникал в легкие, сбитые в кровь ступни пылали от боли, будто он бежал по раскаленным угольям.

До спасительных зарослей кустарника оставалось еще метров сто, когда обтекаемый корпус флаера пронесся над самой головой мальчика, едва не сбив его с ног резким порывом потревоженного воздуха.

Марк не упал, лишь низко пригнулся, оттолкнувшись ладонью от спекшейся, потрескавшейся почвы, и, пошатываясь, продолжил бег на пределе сил, не обращая внимания ни на кровь, капающую с рассеченной ладони, ни на слезы, что непроизвольно катились из глаз, превращая окружающий мир в размытую, нечеткую картинку.

Первые чахлые кусты с бурыми, словно обрызганными кислотой листьями встретили его хлесткими ударами пружинящих ветвей, тонких и гибких, как розги. Ветхая одежда тут же начала рваться, отмечая его путь лоскутами ткани, а машина преследователей уже сбросила скорость и закончила разворот, заходя на посадку.

Из открывшегося люка на землю спрыгнули четверо вооруженных людей в защитной полевой униформе. Они прекрасно видели место, где тщедушный мальчуган вломился в кусты, и уже не беспокоились об исходе поисков — еще несколько минут, и утомительная, затянувшаяся на несколько дней погоня будет окончена. Плотные заросли не позволят измученному беглецу углубиться в них, и маленькому крысенышу не останется ничего иного, кроме как затаиться на окраине дикорастущего кустарника в надежде, что его не заметят…

…Марк действительно упал на землю, пробежав всего метров десять-пятнадцать. Сил не осталось даже на слезы, голова кружилась от голода, бессилия и страха, он видел перед собой лишь темно-коричневую гниющую подстилку из опавшей листвы да еще какой-то непонятный,

тускло поблескивающий предмет, который выступал на поверхность из-под слежавшихся пластов перегноя…

Казалось, что густые непроницаемые для взгляда заросли несут спасение, скрывают его от врагов, но на самом деле это было не так — четверо преследователей прекрасно видели его контур на дисплеях поисковой термальной оптики.

Один из азиатов вскинул автомат, но его остановил жест командира группы.

— Подожди, — приказал тот, всматриваясь в показания прибора.

Он явно затруднялся односложно прочесть картинку в оперативном окне системы тепловидения и потому остановил своего подчиненного. Кроме скорчившегося на земле мальчишки, в кустах скрывался еще один источник тепловых возмущений — фоновое пятно разрасталось с каждой секундой, будто там в эти мгновения начал работу мощный силовой агрегат.

— Нужно прочесать кустарник. Там что-то непонятное…

* * *

Марк поднял голову. Близкие шаги и треск ломающихся ветвей быстро привели его в чувство. Бежать было некуда, да и сил уже не осталось. Смерть казалась неизбежной, и от этого слезы вновь побежали по перепачканному лицу, оставляя влажные дорожки на чумазых щеках.

— Не… бойся… — словно гром с ясного неба, раздался рядом с ним едва слышный сипящий голос.

Он вздрогнул всем телом, резко стрельнул взглядом по сторонам и едва не вскочил в инстинктивном порыве — из-под земли торчали плечи и голова андроида, но это видение в первый момент показалось Марку едва ли не кошмарнее образа преследователей.

Когда-то эндоостов человекоподобной машины был покрыт имитатором плоти, причём, судя по бурому месиву, из-под которого местами проглядывал тусклый металл черепной коробки, это была очень качественная пеноплоть, созданная на основе органических соединений. Теперь вся органика истлела, покрывая металлопластиковую отливку неподвижного лица осклизлыми ошметьями.

Треск ломаемых кустов приближался, и Марк сжался в комок, не зная, чего или кого ему бояться.

Впрочем, наступившая развязка решила эту дилемму.

Андроид был вооружен. Марк на всю жизнь запомнил, как внезапно начал вспучиваться ковер спрессованных прелых листьев и из-под

наслоений опавшей листвы показалась механическая рука, плотно обвитая жгутами сервоприводов. Механические пальцы с присохшими к ним остатками искусственной плоти сжимали рукоять пистолета, выше, на плечевом кожухе, прикрывающем какой-то внутренний механизм, зияло два пулевых отверстия с загнутыми внутрь краями. Сервомотор, управляющий движениями руки, работал с ясно различимым скрежетом, будто под кожухом в этот момент терлись друг о друга поврежденные детали привода.

Однако ни механические поломки, ни программное обеспечение, которое по определению не позволяло ни одной машине причинять вред человеческому существу, не остановили движения руки андроида.

…Командир поисковой группы первым вышел на небольшую прогалину и, заметив скорчившегося на земле Марка, хищно улыбнулся, медленно поднимая оружие.

Одиночный выстрел из автоматического пистолета прозвучал над головой подростка, будто короткий раскат грома, и в наступившей вслед за выстрелом секундной тишине он с содроганием увидел, как над переносицей азиата расплывается маленькое пятнышко, откуда вдруг пульсирующим фонтанчиком брызнула кровь…

Тело преследователя начало мешковато оседать на землю… Взгляд Марка будто примерз к нему, и лишь слух донес до сознания перепуганного подростка три прозвучавших подряд одиночных пистолетных выстрела да короткую запоздалую очередь из автоматического оружия.

Из шокового состояния его вырвал тот же тихий сиплый голос:

— Не бойся… Меня зовут Генри… Я в такой же беде, как ты…

Марк медленно повернул голову. Все случившееся походило на сон или бред, но измученное сознание отвергало частности, не задаваясь вопросами о причинах и следствиях, — был инстинктивный страх, смешанный с толикой отвращения, и радостное, бьющееся под сердцем, но еще не осознанное чувство чудесного, почти мистического спасения…

Он собрался с духом и скосил глаза на своего внезапного союзника.

Теперь голова, плечи и правая рука андроида торчали из своеобразной воронки, образованной его движениями. Смотреть на робота стало уже не так жутко — рядом в двух шагах лежало рухнувшее навзничь грузное тело мертвого азиата: кусты спружинили, приняв на себя его вес, и оно застыло в наклонном положении, изредка вздрагивая в рефлекторных судорогах.

— Мальчик, мне нужны инструменты и тестер. Помоги мне…

Марк все еще не осознал произошедшего, до его затуманившегося рассудка не доходило, что он спасен, а глухой, идущий будто из-под земли

голос отчаянно пугал его…

— Ты наверняка найдешь инструменты во флаере, — подстегнул его дройд. Только не бросай меня здесь, прошу…

* * *

Излишне было напоминать Генри об обстоятельствах их встречи.

Оба запомнили тот день навеки, но никогда не возвращались к обсуждению его подробностей.

Всему на свете есть объяснение, и, задумавшись, почему он не расспрашивал дройда о его прошлом, Келли быстро нашел ответ на заданный самому себе вопрос: в тот день, откапывая эндоостов машины, который кто-то сильно повредил очередью из автоматического оружия, он находился во власти морального и физического истощения, а позже, когда дройд протестировал свои цепи и при помощи найденного во флаере инструмента восстановил функции центрального сервомоторного узла, они выбрались из кустов и оказались перед выбором: куда идти?

Именно в ответ на животрепещущий вопрос речевой синтезатор андроида выдал важную информацию относительно прошлых событий. Собственно, это объяснение надолго удовлетворило Марка, освобождая их дальнейшее общение от подозрительных расспросов со стороны подростка.

Генри, который в тот момент представлял собой очищенный от остатков пеноплоти эндоостов, плотно обвитый жгутами приводов, осмотрелся и произнес:

— Мне нельзя разгуливать в таком виде. По эндоостову легко опознать модель, а я не хочу быть уничтоженным.

— Почему тебя должны уничтожить? — спросил Марк, который уже начал понемногу свыкаться с внешним видом спасшей его машины.

— Модель моего типа признана неудачной. Все выпущенные образцы подлежат уничтожению с последующей утилизацией.

— Поэтому в тебя стреляли? — Марк указал на пулевые отверстия, зияющие в немногочисленных кожухах, прикрывающих наиболее важные узлы эндоостова.

— Да, — ответил Генри.

— Тебя произвели на заводах концерна? — поинтересовался Марк.

Андроид кивнул утвердительно.

Теперь Келли понимал, что в поведении его спасителя было слишком много вопиющих странностей, но в ту пору он воспринимал их с детской непосредственностью, а затем попросту привык к дройду, подсознательно списывая его неординарность на неудачную попытку программистов

создать продвинутый образчик робототехники.

Их дальнейшие взаимоотношения развивались естественно и непринужденно: объяснив, что его могут уничтожить, андроид вызвал симпатию подростка, который в свои пятнадцать лет не понаслышке был знаком с угрозой смерти. Марк легко согласился помочь ему, тем более что вокруг на сотни километров простиралась зона, опустошенная давней техногенной катастрофой, где сохранилось множество разрушенных зданий и никому не нужной разбитой техники.

Примерно через неделю Генри обрел законченный внешний вид — детали корпусов от различных моделей человекоподобных механизмов прикрыли его эндоостов, и теперь для постороннего взгляда он выглядел вполне заурядно: старая, видавшая виды модель, которую молчаливый худощавый подросток подобрал где-нибудь на свалке и восстановил своими руками, — эта версия, выдерживавшая любую поверхностную критику, успешно работала до сих пор…

* * *

— Итак, Генри, теперь я хочу услышать правду.

— Уточни формулировку вопроса, Марк.

— Дейвид Мошер рассказал мне о «неадекватном поведении», которое демонстрировали андроиды твоего типа непосредственно перед опустошившими зону взрывами. Также со слов Мошера мне стало известно, что в состав твоего центрального модуля входят выращенные в лабораториях нейронные ткани, клонированные с человеческой ДНК, — в разговоре со мной Дейвид недвусмысленно дал понять, что именно они стали причиной сбоев в поведении роботов твоей серии.

— Он сказал тебе, в чем выражалась эта «неадекватность»? — выслушав Келли, задал дройд встречный вопрос.

Марк кивнул:

— Некоторые из вас стали отождествлять себя с людьми, демонстрируя уникальные воспоминания, которые, по мнению специалистов корпорации, исследовавших двадцать лет назад образчики дефектной техники, действительно могли быть избирательными фрагментами памяти реальных прототипов. Они не сумели собрать достаточно убедительных, объективных доказательств того, что дройды демонстрировали реальную память людей, но у меня в этой связи возникло одно предположение, которое ты можешь либо подтвердить, либо опровергнуть, потому что знаешь точный ответ… — Келли старался выражаться развернуто, чтобы его слова невозможно было истолковать

двояко.

— Я жду вопроса, Марк.

— Ответь, первопричиной возникновения таких воспоминаний является применение в лабораториях концерна настоящих нервных тканей, взятых от доноров? — спросил Келли, фактически не сомневаясь в утвердительном ответе.

— Нет, Марк, здесь ты заблуждаешься, — неожиданно опроверг его интуитивное предчувствие Генри. — Мои нейромодули состоят из клонированных клеток…

— Точно?

— Абсолютно.

— Тогда почему ты присвоил себе имя и ведешь себя, как человек?

— Марк, ты ставишь меня в безвыходное положение, — ровным, лишенным обычных эмоциональных оттенков голосом произнес дройд. — Ответ или молчание в равной степени негативно скажутся на наших взаимоотношениях.

Келли угрюмо посмотрел на андроида:

— Генри, назови мне еще хотя бы одну машину, которая взялась бы спорить со своим хозяином, и я больше не задам ни единого вопроса.

Дройд склонил голову в чисто человеческом жесте.

— Я не машина, Марк. И не человек. Хотя когда-то был и тем и другим.

— Ты сбиваешь меня своими формулировками. — Келли хотел сказать: выражайся точнее, но мысленно осекся. Лаконичные фразы дройда были и без того предельно точны.

— Будет лучше, если я последовательно интерпретирую для тебя ту часть базы данных, которая относится к событиям, произошедшим до нашей встречи. Я не стану делать выводов и предположений, ладно?

— Хорошо, давай попробуем так.

Генри встал с кресла, взял электронный планшет, затем на несколько секунд подключился к нему, перекачивая в оперативную память какие-то данные, и протянул информационное устройство Марку:

— Прежде прочти вот это.

Техническая справка:

Андроиды серии «PQ-920» разработаны концерном «Новая Азия» по техническому заданию корпорации «Дитрих фон Браун». Опытная партия в количестве одной тысячи образцов отправлена в сектор Нъю-Даймонда для эксплуатационных испытаний. В результате внутреннего программного

сбоя большинство механизмов самовольно покинули места консервации. В поведении машин отмечены следующие сбойные функции: попытка отождествлять себя с людьми, неисполнение команд удаленного оператора, бессмысленные (с точки зрения технической целесообразности) действия, а именно: покушение на частную собственность с целью завладения имуществом поселенцев, попытки использовать имитаторы лицевой мускулатуры и полости рта для приема пищи, употребления напитков, курения.

В документально зарегистрированных прецедентах общения с людьми кибернетические механизмы демонстрировали полную дезориентацию относительно своего реального местонахождения, проявляли агрессию, отказывались подчиняться командам.

Ввиду потенциальной опасности вышедших из-под контроля механизмов все образцы опытной партии были уничтожены силами спецподразделений службы корпоративной безопасности. Завод-изготовитель получил подробную техническую информацию о неполадках.

Приложение:

Выписка из технического задания на проектирование человекоподобной модели механизма серии «PQ-920».

1. Расширение функции речевого общения.

2. Замена морально устаревших материалов пеноплоти на органические соединения с постоянной температурой 36–37 градусов по шкале Цельсия.

3. Подвижная лицевая псевдомускулатура.

4. Пониженный уровень паразитических шумов при работе сервоприводов эндоостова.

5. Способность к поддержанию речевого диалога с функцией распознавания, усвоения и дальнейшего использования лингвистических оборотов в соответствии с их семантической нагрузкой (опция «сленг»).

Келли закончил чтение и поднял вопросительный взгляд на Генри.

За годы тесного общения дройд глубоко постиг внутренний мир Марка, он знал его привычки, мог предугадать логику принятия хозяином тех или иных решений, поэтому сейчас ему не составило труда прочитать в глазах Келли не заданный вслух вопрос:

— Ты спрашиваешь у себя — зачем корпорации понадобились такие машины? Ответ прост: чтобы удовлетворить потребности особо привередливых клиентов, которые отрицательно относились к «кибернетическим истуканам». Глобальный эксперимент должен был

начаться при заселении зоны Нью-Даймонда, но этому, как ты теперь знаешь, помешала атака экзовируса и последовавшая «зачистка территории».

— В технической справке ничего не сказано о нейромодулях.

— Да, так как данный документ относится к числу общедоступных материалов, касающихся тех событий. Из его текста изъяты все данные о применявшихся технологиях. Но я могу восполнить эти пробелы.

— Хорошо, слушаю.

— Техническое задание, поставленное «Фон Брауном», было достаточно сложным, — приступил к разъяснениям Генри. — Например, реализация такой функции, как распознавание речи и поддержка осмысленного диалога, требует внедрения в конструкцию кибернетического механизма нейросетей, способных к самообучению. Как известно, нейросети не программируются, они обучаются при помощи специальных примеров. На сегодняшний день промышленностью достигнут технологический предел минимизации отдельных компонентов нейросетей, — самый миниатюрный чип, содержащий группу искусственно созданных нейронов, все же десятикратно превосходит по размерам аналогичный фрагмент живых нервных тканей. Поэтому, чтобы выполнить техническое задание, не нарушая пропорций и габаритов человекоподобной оболочки, специалисты концерна «Новая Азия» сочли уместным использовать не эмуляторы нейронов, а живые ткани, заключенные в специально разработанные контейнеры, корпуса которых имеют встроенные системы питания, предназначенные для автономного поддержания биологического компонента. Они требуют до ста граммов раствора глюкозы в месяц.

Келли внимательно выслушал пояснения и кивнул, напряженно размышляя над сказанным, но не пытаясь делать какие-то выводы. Все изложенные технические характеристики имели значение лишь в качестве прелюдии к основному вопросу.

— Хорошо. Техническую сторону вопроса я в принципе понял, — произнес он. — Теперь давай вернемся к нашей теме. Я возьмусь утверждать, что две нейросети, внедренные в кибермеханизм, могут существенно расширить его функции, сделать поведение робота более пластичным, очеловеченным, но их недостаточно для формирования «эго»… Или я опять не прав?

— Все зависит от первичной информации, которую получают нейросети в процессе базового обучения. В моем случае нейромодули содержали систему распознавания речи и связанные с ней словари.

— То есть первоначально ты отвечал характеристикам, которые требовались эксплуатационной службе «Фон Брауна»?

— Абсолютно.

— Ну а как же «неадекватное поведение»?

— Попытайся представить, что в нейросеть попадает часть информации, составляющей логичность человека, — после непродолжительной паузы произнес Генри. — Например, фрагменты воспоминаний, некоторые схемы машинальных реакций на событие — прихотливо вырванный из контекста сознания кусочек личности — именно в такой формулировке, ибо нейромодули слишком малы, чтобы вместить полноценную информационную копию мозга.

— Генри, ты пытаешься сбить меня с толку? Во-первых, пока еще не изобрели технологический способ трансплантации личности от одного носителя к другому. Во-вторых, это бессмысленно с практической точки зрения.

— Я не хуже тебя осознаю это, Марк. Наверное, здесь кроется причина моей пассивности в оценках событий, что произошли много лет назад. Я могу рассказать тебе о них, а ты — выслушать меня и принять на веру, потому что объяснить случившееся с точки зрения здравого смысла и современных технологий попросту нереально.

— Хорошо… Излагай… — произнес Марк, покосившись в сторону своего фантома, сидящего в кресле за компьютерным терминалом.

В гостиничном номере на некоторое время воцарилась ватная тишина. Все было спокойно.

«Пока спокойно», — мысленно поправил себя он.

* * *

Какое-то время Келли наблюдал за нехитрой ловушкой, расставленной для гипотетического «доброжелателя», Генри терпеливо ждал.

— Я слушаю, — Марк вновь повернулся к нему.

— Как я выяснил позже, партия андроидов серии «PQ-920» была получена корпорацией в мае 2395 года, — приступил Генри к последовательному изложению событий. — Все машины прошли тест в технических лабораториях, и нас отправили в Нью-Даймонд, где дройды заняли свои места в консервационных боксах. Вторичная реактивация должна была произойти по прибытии первых поселенцев. Город уже сдали приемной комиссии, и в тот момент заканчивались работы по дизайнерскому планированию ландшафта, что должно было занять не более двух месяцев.

— Значит, на момент заражения сектора ты вместе с андроидами экспериментальной партии находился в одном из домов Нью-Даймонда?

— Да, я стоял в обычной технологической нише, скрытый от посторонних глаз подвижной панелью отделки, и ждал наступления заданных условий для самостоятельной реактивации.

— В то время ты знал, что тебя зовут Генри?

— Нет. Мое имя состояло из букв и цифр серийного номера. Те данные, что сохранил блок ПЗУ, не подходят под определение самосознания. Я являлся обычной машиной, отличающейся от предыдущих моделей только расширенным набором функций общения и новым типом искусственной плоти.

— Если твои блоки памяти хранят информацию о том времени, значит, в них должно быть зафиксировано и само аномальное событие, которое привело к повреждению данных в нейромодулях, характеризующихся в отчете термином «сбой».

— Да, такая информация о событии есть, — подтвердил предположение Марка Генри. — Но я не в состоянии логически обработать данные.

— Почему? — нахмурился Марк.

— Я машина. В первую очередь — машина, и над подавляющим большинством моих систем по сей день господствуют законы алгебры чисел. Попытка анализа информации безуспешна. С точки зрения традиционной машинной логики, данное событие не могло произойти. Я помню о нем, постоянно испытываю последствия, но не могу его обосновать прежде всего потому, что оно произошло не в колонии, а на Земле.

Последняя фраза андроида прозвучала столь парадоксально, что Келли не сразу понял суть сказанного.

— То есть? — машинально переспросил он.

* * *

Земля, 18 февраля 2395 года. Мегаполис Антверпен, цокольный уровень… Три часа ночи.

Он возвращался домой в легком подпитии.

Вообще Генри Моллирайт не страдал тягой к спиртному. Двадцать лет службы в полиции научили его относиться к алкоголю с долей предвзятости: когда изо дня в день наблюдаешь за следствиями пагубных пристрастий людей к одурманивающим рассудок веществам, закономерный

вывод об их вредоносном влиянии превращается в некий условный рефлекс, основанный на смешанном ощущении опасности и отвращения.

Конечно, такая реакция вырабатывалась далеко не у всех, здесь огромную роль играл ежедневный психологический прессинг — то самое бытие, которое определяет сознание, и Генри знал немало хороших, с его точки зрения, парней, которые тем не менее периодически якшались с зеленым змием, да и не только с ним… Был у него один близкий знакомый, спец из отдела по расследованию убийств, так тот «принимал» чуть ли не каждый день — работа такая, не всякие нервы ее выдерживают.

В этом смысле Моллирайту повезло: он курировал «тихий» участок третьего уровня мегаполиса, где располагались офисы различных учреждений и проблем возникало во сто крат меньше, чем в спальных районах мегагорода.

Сегодня ему пришлось посидеть «за компанию» — провожали на пенсию сержанта Гордона, старейшего сотрудника их участка.

Хотя количество выпитого и было минимально, но Генри все же решил прогуляться пешком, чтобы выгнать из головы неприятную одурь.

«Да, засиделись мы сегодня…» — думал он, рассеянно глядя по сторонам. Цоколь, на котором покоились мощные фундаменты вздымающихся к облакам городских кварталов, пользовался дурной репутацией, криминогенная обстановка тут считалась наихудшей по всем критериям оценок, и путешествовать в одиночку через плохо освещенный лабиринт, образованный фундаментами уровней, было небезопасно даже в светлое время суток, а сейчас половина второго ночи, так что хмель быстро улетучивался из сознания копа…

«Каким ветром меня сюда занесло? — Генри остановился, пытаясь вспомнить, как он умудрился попасть с третьего уровня на самое дно Антверпена, ниже которого располагались только технические коммуникации мегаполиса. — Наверно, ошибся цифрой, набирая код в скоростной общественной капсуле, — пришел он к очевидному, но малоутешительному выводу. — Надо поскорее выбираться отсюда, пока не встретился с какой-нибудь бандой».

Табельное оружие он сдал по окончании смены, при нем остался лишь значок полицейского да форма, которая на цокольном уровне была равносильна красной тряпке, применявшейся в качестве раздражителя в древнем виде кровавой забавы…

Оглядевшись по сторонам, Генри отыскал взглядом ближайшую капсулу вертикальной транспортной артерии и направился к основанию уходящей ввысь пустотелой колонны.

Хмель окончательно исчез, он торопливо пересек площадь, по которой легкий ветер лениво гонял обрывки мусора, и взглянул на табло статуса ближайшей пневмокапсулы. Экран информа был предохранен от актов бессмысленного вандализма толстым слоем бронестекла, сквозь который отчетливо просматривалась сиротливая цифра «десять».

Ближайшая к нему капсула находилась на десятом уровне.

Он коснулся пятнышка псевдокнопки, и в этот миг услышал за своей спиной голос:

— Блин, да это же коп!..

«Капсула прибудет секунд через тридцать, — промелькнул в голове нехитрый расчет, — еще десять секунд на торможение и парковку, потом открывание дверей, считывание данных со статкарточки — всего минута… Что ж, попробую заговорить этим парням зубы, не тыкать же им в лоб полицейским жетоном вместо ствола…»

Обернувшись, он увидел, как к нему приближаются пять скверно одетых подростков, один игриво перебрасывал из руки в руку отполированный до блеска отрезок строительной арматуры, у другого на кулак была намотана цепь, третий носил особые, явно ворованные перчатки из гибкого многослойного пластика, которые являлись фрагментом снаряжения подразделений быстрого реагирования. Генри знал, что в наборе каждой перчатки, в выступах, расположенных над фалангами пальцев, смонтированы приспособления, среди которых имелось выкидное лезвие ножа и несколько выстреливаемых пружинами пулевых инъекторов с паралитическим препаратами.

«Будем надеяться, что перчатки разряжены», — подумал Моллирайт, машинально готовясь к силовому противодействию.

— Так, парни, расходимся миром, — вслух произнес он, понимая, что его призыв вряд ли будет услышан, особенно вон теми, плетущимися позади основной группы подростками с блуждающим, остекленевшим взглядом.

— Эй, да он в штаны наложил! — с неподдельным восторгом воскликнул один из тинейджеров, демонстративно раскручивая цепь. — Сейчас дяденьке будет больно…

За спиной Генри раздался мелодичный сигнал, возвестивший о прибытии капсулы. Он уже держал в левой руке свою статкарточку, зная, что двери не откроются, пока система сканирования не считает его личный номер.

— Спокойно, ребята. Нам сейчас нечего делить. — Левая рука на ощупь прижала пластиковый прямоугольник к окошку сканера, и спустя

секунду двери начали открываться. — Каждый идет своей дорогой.

— Э… да он и вправду сейчас свалит! — раздался ломкий голос, сопровождаемый характерным звуком передергиваемого вручную пистолетного затвора. — А ну, стоять, сука!

Злоба.

Тупая, ничем не оправданная злоба клокотала в юном, еще не оформившемся голосе, будто этот подросток уже прожил долгую многотрудную жизнь и у него действительно имелся веский повод ненавидеть все и вся, что хоть на йоту отличалось от него самого.

Генри понял, что не успеет благополучно выпутаться из этой нелепой ситуации, но все же шагнул назад, в открывшиеся двери, одновременно с оглушительно прогрохотавшим роковым выстрелом…

* * *

Вспышка боли и мрак.

Он стоял, не ощущая собственного тела, лишь внутреннее наитие свидетельствовало о его вертикальном положении.

«Ранен? Все еще нахожусь в кабине пневмолифта?»

Сознание как будто очистилось от эмоций, да и реальных воспоминаний почти не осталось: он помнил лишь крохотный эпизод событий, оборванных роковым выстрелом. До и после звенела пугающая пустота.

Кто я?

Генри… Генри Моллирайт?

Следующая мысль принадлежала уже не ему:

Статус: ОШИБКА. ЛОЖНЫЙ КОД ДЛЯ ВНУТРЕННЕЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ.

Он попытался вскрикнуть, позвать на помощь, но ничего не вышло, сознание истончалось, губы не слушались, они даже не ощущались, лишь под воздействием этих беспорядочных, панических внутренних усилий он увидел свет.

Тусклый свет, пробивающийся через щель неплотно задвинутых створок технологической ниши.

…Тело андроида вздрогнуло, по нему пробежала конвульсивная судорога, когда пришли в движение механические мускулы, спрятанные под оболочкой псевдоплоти. Еще несколько таких же резких, беспорядочных движений, вызванных внутренним программным сбоем, незримой борьбой, когда блоки нейромодулей и кибернетическая система пытались управлять одними и теми же функциями опорно-двигательного

аппарата, привели к тому, что человекоподобный робот проломил тонкую декоративную перегородку и, потеряв равновесие, рухнул на пол.

…Он лежал на полу и смотрел, как за окном на фоне незнакомых серых небес, имеющих непривычный фиолетовый оттенок, в воздухе застыл приветливый до дрожи лазерный росчерк:

«Добро пожаловать в Нъю-Даймонд. Вас приветствует колониальная администрация марсианского сектора освоения корпорации „Дитрих фон Браун“».

* * *

Выслушав ровный, лишенный эмоций рассказ дройда, Марк в первый момент не смог ничего ответить ему — они с Генри смотрели друг на друга, словно встретились только сегодня, а не двенадцать лет назад.

Для Келли было сложно усомниться в том, что он услышал правду. Какой бы фантастичной она ни показалась в первый момент, это была ПРАВДА, та самая, о которой молчали технические службы корпорации и, скорее всего, не подозревали сами производители…

«Естественно… — подумал Марк, вспомнив, в каком состоянии он нашел дройда. — Азиаты не получили назад ни единого образца из опытной партии. Все скрыл гриф „совершенно секретно“ и вычистили вспышки двух ядерных взрывов».

Однако, кроме эмоциональных оценок, существовала еще и практическая сторона вопроса. От Дейвида Мошера он узнал об эпидемии экзовируса, от Генри услышал рассказ о совершенно необъяснимой реинкарнации фрагмента посттравматической памяти погибшего на Земле полицейского в тщательно обученные, тонко отстроенные нейромодули человекоподобной машины. Были ли взаимосвязаны между собой два уникальных, экстраординарных процесса, протекавшие на ограниченной марсианской территории в одно и то же время?

Логика подсказывала, что подобных совпадений не бывает, значит, между неизвестным экзовирусом и частицей внедренной в андроида человеческой памяти должна присутствовать четкая, недвусмысленная взаимосвязь.

— Ты пытался переосвидетельствовать свое техническое состояние? — нарушив воцарившуюся в номере тишину, спросил Марк.

— Я исправен, — лаконично и односложно ответил дройд. — Нейромодули не утратили своей главной функции — я успешно распознаю речь и формулирую адекватные ответы для взаимного общения с людьми.

— Это я знаю… — Келли вдруг ощутил странную сухость во рту. —

И все же ты должен осознавать кое-что еще…

— Да, Марк. Я понимаю, что с технической точки зрения имевший место процесс перемещения данных невозможен. Чтобы андроид на Марсе получил частицу человеческой личности, должна существовать отлаженная, многократно апробированная система, осуществляющая съем информации с биологического носителя, ее перемещение через разделяющее две планеты пространство и инсталляцию на новый носитель.

— Почему ты уверен, что такого устройства не существует? Что ты или я можем знать о секретных военных разработках, например?

— Я проверял, Марк, — ответил Генри.

— Каким образом?

— Нью-Даймонд был пуст. Внутренние программы предписывали моей кибернетической системе явиться в службу технической поддержки и заявить о сбое. На первых порах победу в возникшем внутреннем конфликте одержала именно кибернетическая составляющая, и я, покинув здание, направился по пустынным улицам в центр сервисного обслуживания планетарной техники.

— Что показал тест? — Марк заинтересованно подался вперед, но ответ Генри в очередной раз обескуражил его:

— В тот день мне не удалось добраться до здания техподдержки. Когда я вышел на улицу, над Марсом шел серебристый снег, — ответил дройд, лишний раз доказывая свою способность к ассоциативному мышлению, потому что дальнейшие пояснения охарактеризовали упомянутый «снег» уже совершенно иначе: Микроскопические корпускулы витали в воздухе, сканирование показывало, что они состоят из металла и имеют некую внутреннюю архитектуру, реализованную на молекулярном уровне.

— Та самая серебристая плесень, что, по рассказу Мошера, разъедала кожухи силовых генераторов?

— Думаю, взвешенные в воздухе микрочастицы являлись уже некоей модификацией, прогрессивной формой, которая развилась из первоначального цистового состояния, в котором пребывала миллионы лет.

— Ты сказал, что не сумел добраться до сервисного центра. Почему?

— Микрочастицы проникли под мои защитные кожухи Они оказались столь малы, что фактически не встречали препятствий, к тому же они явно тяготели в своем движении к линиям напряжения электромагнитных полей, скользя по ним, словно по транспортным артериям, ведущим непосредственно к силовым агрегатам и потребителям энергии.

— Они инфицировали тебя?

— Можно применить и такой термин, — согласился Генри. — В какой-то момент вновь возник сбой, но теперь уже не в центральных модулях, а на периферии. Отказали независимые контроллеры серводвигателей, потом внезапно прекратился обмен данными в магистральном оптоволоконном кабеле.

— Насколько я понимаю, ты оказался парализованным?

— Отключенным, — уточнил Генри.

— И сколько длился твой стазис?

— Пятнадцать марсианских суток. Когда произошла очередная реактивация, я уже не ощущал прессинга со стороны кибернетической составляющей. Мое внутреннее «я», помнящее лишь события одного вечера, да собственное имя приобрели необъяснимый приоритет: теперь я мог контролировать движения механической оболочки, пользоваться сканирующими устройствами, хотя на первых порах мне пришлось трудно. Представь, что частицу твоего разума интегрировали в систему андроида и дали возможность управлять ею.

Келли только покачал головой в ответ. Слова Генри звучали запредельным откровением, их трудно было осмыслить сразу, непосредственно по мере повествования, оставалось только верить ему, полагаясь на годы доверительного взаимного общения…

— Как ты справился, Генри? — Марк сам не заметил того, что в голосе звучит неподдельное участие — его рассудок не мог просто взять и перечеркнуть годы настоящей дружбы, тесно связавшие их.

— Путем проб и ошибок, — лаконично ответил дройд. — Большинство внутренних систем имеет высокую степень автономии, то есть им необходимы лишь общие целеуказания. Выяснилось, что мне достаточно подумать о каком-либо действии, например, поднять руку, сделать шаг, и кибернетическая система тут же выдавала адекватную реакцию. По большому счету мне помогло давнее, еще юношеское увлечение виртуальными играми, где присутствует схожий командный интерфейс.

— Хорошо, ты обрел контроль над своим телом…

— И пошел дальше, куда и направлялся, — в сервисный центр.

— Зачем? — Келли подумал, что, очнись он в такой обстановке, наверное, бежал бы от всяких технических служб…

— Чтобы узнать, что со мной случилось, — ответил на его вопрос андроид. — Та частичка Генри Моллирайта никак не тянула на понятие «личность», но тем не менее я осознавал себя, свое существование. Однако память погибшего полицейского являлась лишь фоном, на котором

стремительно развивалось иное сознание, — я был человекоподобной машиной, получившей возможность осознать факт собственного бытия. Имя «Генри» являлось лишь символом данного невероятно быстрого процесса.

— Как я могу судить о его скорости?

— Просмотри данные о быстродействии моей системы. Я осознавал себя и окружающий мир с тактовой частотой центрального процессора, совершавшего под управлением нейромодулей миллионы вычислений в секунду, отвечая на множество внутренних вопросов, обращаясь к различным базам данных в поисках верной информации.

— То есть количества живых нейронов в двух нейросетях хватило не только на размещение фрагмента посттравматических воспоминаний Генри Моллирайта, но и на саморазвитие новой личности?

— Не совсем так, — ответил Генри. — Я смог убедиться в этом, добравшись наконец до сервисного центра. Честно говоря, мне было страшновато подключаться к стенду для тестирования, но то, что я увидел, когда были сняты все защитные кожухи и вскрыта сфера, предохраняющая от внешних воздействий центральные блоки кибернетической системы, превзошло любые самые скверные и невероятные догадки. — С этими словами Генри встал и принялся спокойными, методичными движениями снимать свои защитные оболочки.

Келли не стал препятствовать этому, он лишь смотрел, как Генри отключил магнитные крепления и отложил в сторону сегменты нагрудника, грубо имитирующего формы человеческого торса. Под ними обнажились детали эндоостова и две сферы, внутри которых были заключены центральный сервомоторный узел и блоки кибернетической составляющей андроида.

Еще несколько точных движений, и дымчатый шар из бронепластика раскрылся на две половины, обнажая архитектуру ядра.

Теперь Марк отчетливо видел отдельные блоки, скомпонованные на объединительном цилиндрическом основании, внутри которого проходил центральный оптический кабель магистрального интерфейса. Два продолговатых утолщения из прозрачного пластика заключали в себе смятое складками серое вещество нейронных тканей. Располагались они в передней части ядра и по своему изначальному предназначению являлись не более чем биологическими модулями долгосрочной памяти, хранящими базы данных системы распознавания речи…

Взгляд Келли буквально впился в них, пораженный видом совершенно неожиданной архитектуры, которая опутывала вздутия нейромодулей,

будто тончайшая сеть.

Нити… Тонкие, серебрящиеся нити толщиной с человеческий волос… они образовывали сложнейшую, не поддающуюся визуальному осмыслению схему: часть из них пронзала пластиковые кожухи и исчезала в скоплениях нейронов, иные проходили сквозь блоки различных систем, объединяя их в новую, непонятную конфигурацию, и, наконец, третья категория серебристых нитей проникала в стенки материнского цилиндра, соединяясь в его глубинах с оптической магистралью обмена данными.

— Тест не выявил нарушений в работе отдельных компонентов кибернетической системы, — вторгся в мысли Марка голос Генри. — Эти серебристые образования не только распознали назначение каждой электронной схемы, но и сумели объединить их в новую конфигурацию, не нарушив целостности системы. Это напрямую свидетельствует, что отдельные корпускулы, составляющие основу инородных включений, также являются машинами. Они не развиваются, схема не изменялась на протяжении двадцати лет. От составляющих нити элементов не исходит никаких командных импульсов, они лишь поддерживают такую конфигурацию взаимосвязей, которая позволяет нейромодулям в любой момент времени перехватывать управление, подчиняя себе все кибернетические компоненты.

— Почему ты столько лет хранил молчание, Генри?

— У меня не было причины для демонстрации всего этого, — с обычной прямолинейностью ответил дройд. — Мое откровение, даже перед тобой, Марк, вызвало бы безотчетный страх, неприятие, и мои уверения, что инородная архитектура безопасна и даже полезна, по крайней мере, с моей, уже субъективной точки зрения, прозвучали бы как пустой звук.

— А что изменилось сейчас?

— Возникли условия, когда ты сам заинтересован в осознании всех аспектов событий двадцатилетней давности. Как видишь, я остался логиком.

Генри аккуратно установил на место сегменты защитной сферы и потянулся за кожухами корпуса. — Ты не уничтожишь меня из страха перед необъяснимым, не отдашь в руки техников корпорации…

— Почему я не сделаю этого?

— Ты человек. И всегда относился ко мне как к другу. Для тебя чувство привязанности важнее сиюсекундных эмоциональных вспышек. Ты ищешь ответ на вопрос о смысле собственного существования, гипотетическую «истинную справедливость», а она предполагает, что

обладающий самосознанием дройд имеет не меньше, а в некоторых, частных случаях даже больше прав на существование, чем отдельные представители рода человеческого. — Генри активировал магнитные захваты и повернул голову, уставившись на Марка своим пристальным, немигающим взглядом. — Или я не прав?

Келли сидел, машинально постукивая пальцами по подлокотникам кресла.

Казалось, что перед его мысленным взором в стремительном, бесконечном нон-стопе проносятся дни, месяцы, годы, и в каждом воспоминании о прожитом так или иначе фигурировал дройд по имени Генри, который был для него больше чем бытовой машиной, слугой, — он являлся другом, существом одухотворенным, не раз и не два рисковавшим собой ради спасения Марка в трудных, почти безвыходных ситуациях.

Подняв глаза, он посмотрел на Генри.

Нет, не было чувства, что перед ним, откинувшись в кресле, сидит машина, и не зудело в ладонях, под которыми ощущался теплый металлопластик «скорпионов»…

«Выходит, я ненормальный?» — подумал Марк, пытаясь понять собственную реакцию на происходящее. Своими глазами видел эти чужеродные, серебристо поблескивающие нити. Что по сравнению с этим любые слова, уверения… На нем лежит ответственность за безопасность целого сектора, где живут тысячи людей, так почему он до сих пор не всадил пулю в сервомоторный узел Генри, чтобы позже, уже в более спокойной обстановке, разобраться, говорил тот правду или…

«А нашел ты за двадцать лет самостоятельной жизни хоть одного друга среди людей? — внезапно задал провокационный вопрос молчавший до поры внутренний голос. — К кому ты пойдешь с обездвиженным корпусом Генри, уж не к Мошеру ли? И кто на поверку тут хозяин, а кто гость — непонятная древняя форма, принципиально изменившая стандартную схему андроида, или ты… человече?»

Повернув голову, он взглянул за окно.

Бледные краски марсианского рассвета занимались тусклой зарницей далеко у горизонта.

Гостиничный дройд неподвижно стоял у занавеси. Фантом в этот миг плавно протянул эфемерную «руку», будто коснулся пальцем сенсора на терминале.

Нет, отправивший письмо «доброжелатель» оказался намного хитрее… Он не купился на расставленную ловушку, не попытался устранить Марка, — видно, как и Дейвид, был уверен, что ненависть в

конечном итоге пересилит доводы рассудка, нужно лишь подогревать ее, вовремя подбрасывая информацию.

И сразу, будто вспышка, вспомнилась фраза Мошера:

— Ага, вижу. Дройд. Если верить сканерам, эта модель не только снята с производства, но и заявлена на полное уничтожение всех выпущенных образцов… Пожалуй, я сделаю вид, что не заметил его присутствия в твоей машине.

Быть может, он попросту не окончил фразу и забыл добавить в завершение: взглянешь сам…

Взглянешь, ужаснешься и убьешь, разрушишь ради мифического долга? Сам лишишь себя единственного друга?

— Уже утро, — раздался в тиши гостиничного номера голос Генри. — Я рассказал тебе все, что знаю. Но этого мало. Нужно искать еще свидетелей, Марк.

Еще свидетелей…

Перед мысленным взором Келли отчетливо появилось пятно, оставшееся на оплавленном керамлите. Тень от человека, навек вытравленная в сплаве брони ядерной вспышкой.

Их нет. Ты да Генри — вот двое везунчиков. Об одном не знали, другого пощадили по малолетству.

Пощадили тогда, но не теперь. Ты уже начал копать запретную тему, значит — жди.

Это единственное, в чем Келли был уверен.

Его попытаются устранить тем или иным способом, а Генри распять на лабораторном столе ради конкретных технологий или во имя получения безопасности и знаний для всего человечества, разницы для них обоих не было никакой.

Часть 2 ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Глава 5

Горный хребет за границей освоенных секторов Марса.

12 июня 2415 года…

— Странно… — произнес Багиров, глядя в узкий разлом ущелья. — Оно не обозначено на картах.

Курт Штиммель остановился, снял тяжелый рюкзак и бережно опустил его на камень, прислонив к обломку скалы.

— Эту территорию в последний раз сканировали еще до взрыва атмосферных процессоров, — пояснил он, даже не удосужившись взглянуть на электронный планшет, который держал в руках Иннокентий Осипович. — Этот горный хребет принял на себя две ударные волны, так что немудрено. — Курт присел в тени, достал сигарету и долго разминал ее в пальцах, прежде чем прикурить. — А что, эта расселина как-то меняет дело?

Багиров ничего не ответил, лишь пожал плечами, расчехляя электронный бинокль.

Третий участник экспедиции, итальянец Роберто Маскани, тяжело дыша, показался в конце тропы. Он шел, слегка пошатываясь от усталости, половину лица скрывала кислородная маска, подключенная к компактному обогащающему фильтру.

Взглянув на Штиммеля, с наслаждением вдыхающего сигаретный дым, Роберто поморщился. Курит как ни в чем не бывало, словно они и не карабкались шесть часов кряду по каменистым осыпям.

«Проклятье. Выпала же работенка». — Он остановился, едва удержавшись, чтобы не рухнуть на голый, потрескавшийся камень скального выступа. Нужно было хоть как-то сохранять лицо… Он заставил себя сначала освободиться от экипировки и только затем сел, чувствуя, что находится на грани обморока.

— Чем вас так заинтересовала расселина? — Курт снизу вверх посмотрел на Багирова, который возился с интерфейсом настройки электронного бинокля.

— Дело в том, что я подробно изучил фотографические карты марсианской поверхности и сделанные на их основе компьютерные модели, — охотно пояснил археолог. — Мне не удалось обнаружить каких-либо следов древней марсианской цивилизации. Впрочем, я не одинок в

этом, до меня подобные исследования проводили многие ученые с неизменно отрицательным результатом.

— Ну и что? — не понял его логики Штиммель.

— С точки зрения вероятности обнаружения упомянутых следов гипотетической цивилизации, новейшие разломы и сдвиги планетарной коры представляют огромный интерес. Если цивилизация Марса на самом деле существовала, то это происходило несколько десятков, а может, и сотен миллионов лет назад. За последующий период все ее следы были стерты с поверхности планеты естественными процессами эрозии, что подтверждают компьютерные модели и картографические снимки. Отсюда следуют два вывода: либо цивилизация Марса — миф, либо ее следы нужно искать на больших глубинах, под слоями поздних геологических отложений. На равнинах осуществить такой поиск практически невозможно, там поверх коренных пород лежат мощные пласты лавовых наслоений, а вот в горах могли уцелеть какие-то вещественные доказательства.

— Тоже захороненные на большой глубине?

— Да, их следует искать в виде вкраплений в горные породы. — Иннокентий Осипович на миг оставил в покое электронику и посмотрел по сторонам. Данный хребет относительно молод в геологическом понимании времени. Складчатость образовалась порядка тридцати миллионов лет назад, и здесь можно наблюдать, как смятые, поднятые процессами горообразования древние слои лежат друг на друге…

— Как в слоеном пироге?

— Ну, если рассуждать утрированно, да, — согласился Багиров.

— Понятно, — кивнул Курт, отбрасывая окурок. Стены мрачного разлома, образовавшегося после взрывов двадцатилетней давности, действительно иллюстрировали слова пожилого археолога. Прожилки разной толщины и цвета образовывали сложный волнистый узор, покрывающий отвесные склоны. — Давайте, взгляну, что там у вас не ладится? — Штиммель протянул руку за электронным биноклем.

— Да вот никак не могу перенастроить его на проникающее сканирование, ответил Багиров, с облегчением отдавая прибор Курту.

Через минуту он получил его назад.

— Все в порядке. Вы забыли включить ультразвуковой прожектор.

* * *

— Очень странно… — Иннокентий Осипович опустил бинокль и несколько раз моргнул.

— Что-то увидели? — поинтересовался Курт.

— Взгляните сами, Штиммель, это что-то непонятное.

Взяв прибор, проводник корпорации подошел к самому краю обрыва.

— Куда смотреть? — осведомился он.

— Видите два выступа на противоположных стенах расселины? Они находятся на разной высоте. Над верхним идет непонятное вкрапление, сканер показывает обилие металла, но это не руда, а какой-то сплав. Подле нижней площадки сканер ясно очерчивает полость, похожую на коридор, уходящий в недра скального массива.

Курт коснулся сенсора реактивации, чтобы сбросить показания прибора, и поднял электронный бинокль на уровень глаз.

Действительно, в указанном направлении отвесная стена разлома содержала необычное включение. У него возникло ощущение, что кто-то специально выдолбил длинный желоб глубиной в полтора метра и крепко запрессовал в него потерявшие изначальную форму, хаотично перемешанные обломки. Багиров не ошибся, анализаторы сканера указывали на наличие фрагментов из легированной стали, мелкие кусочки кремния, даже тонкие, будто фольга, прослойки золота, серебра и платины. Настоящая жила, содержащая нехарактерное для самородных конкреций сочетание благородных металлов и легированной стали… Вот только вопрос: почему она имеет всего полтора метра в глубину? Из объяснений Багирова можно было сделать вывод, что это должен быть целый пласт, некий древнейший «культурный слой», уходящий на большую глубину.

Курт повернулся, осматривая противоположную стену разлома. Никакого намека на вторую половину жилы, даже отпечатка нет, зато на двадцать метров ниже в отвесной стене имеется выступающая площадка, за которой ультразвуковое сканирование показывало геометрически правильную полость, на самом деле похожую на искусственно прорубленный тоннель. Между полостью и площадкой оставалась тонкая перемычка, пробить которую не составит никакого труда.

— Действительно странно, — согласился он с мнением Багирова. — Думаю, нам нужно перебраться к этой непонятной жиле, чтобы осмотреть ее поближе и взять образцы… Я верно рассуждаю?

— Несомненно. Мы успеем сделать это до наступления темноты?

— Попробуем. Расселина неширокая, выступов и углублений в избытке, протянем канатные переходы между стенами, у жилы подвесим раскладную клеть, а лагерь устроим на нижней площадке.

— Замечательно, — одобрил его план Багиров. — В таком случае давайте не будем терять времени.

Маскани, прислушивавшийся к разговору, невнятно выругался.

Его абсолютно не интересовали археологические открытия. Ничто, даже мировая слава не могла в данный момент сравниться с болью в стертых ногах и ломотой в пояснице. Хотелось сидеть, не шевелясь, в прохладной тени скал, но Курт с профессором, похоже, решили перебираться через расселину.

«Это на ночь-то глядя…» — мысленно простонал Роберто, с трудом поднимаясь на ноги.

* * *

В глубине расселины царил плотный сумрак, здесь терялось ощущение времени, и лишь взглянув вверх на тонкую полоску сереющего неба, можно было определить, что наступает вечер.

Курт оказался опытным проводником. В отличие от вечно стонущего Маскани, он терпеливо сносил физические нагрузки и те минимальные лишения, которые приходилось терпеть, учитывая, что в распоряжении небольшой экспедиции находилось самое современное оборудование и средства поддержания жизни.

Он быстро наладил подвесной мост, пристрелив два троса к противоположной стороне расселины. Багиров лишь наблюдал за его действиями, не вмешиваясь с советами, зато, когда выпущенные из специального устройства наконечники глубоко вонзились в камень и настала пора спускаться вниз по туго натянутым канатам, он откровенно удивил Штиммеля, спокойно, даже уверенно продев запястья в крепления скользящей подвески и со сноровкой профессионального альпиниста скользнув в сумрак расселины.

Оказавшись на небольшом каменном козырьке, который выступал из монолита горной породы в двух метрах ниже странной жилы, Иннокентий Осипович быстро закрепил свой страховочный фал, вбив в трещины несколько дополнительных костылей, и, осмотрев в свете фонаря удачно расположенный карниз, просигналил Курту, давая понять, что все в порядке.

Штиммель оставил часть снаряжения наверху, надежно пристроив его на случай непогоды. Пока он занимался распределением имущества и припасов, вниз отправился Маскани, которому узкий двухметровый каменный козырек пришелся совсем не по душе.

— Где мы будем сегодня спать? — ворчливо осведомился он у Багирова.

— Думаю, что ниже, на площадке перед скрытой полостью. Там

достаточно места, чтобы раскинуть палатку и разместить оборудование.

Роберто посмотрел вниз, но от комментариев воздержался. По крайней мере, он находил в случившемся одну положительную сторону — внезапная находка прервала изнурительное восхождение.

Пока Маскани размышлял над перспективой близкого отдыха, а Багиров в свете фонаря вожделенно рассматривал расположенную несколькими метрами выше жилу, Штиммель спустил на карниз два объемистых кофра с упакованным оборудованием. Спустя минуту он появился сам, плавно затормозив скольжение, перед тем как коснуться ногами каменной тверди.

Освободившись, он закрепил свою страховку и повернулся к Багирову:

— Удивляюсь вам, Иннокентий Осипович.

— Чем я вас заинтриговал, Курт?

— Своей физической подготовкой. Первое впечатление у меня было, скажем мягко, не ахти какое.

— Внешность обманчива, — уклонился от прямого ответа Багиров.

Однако Курт не дал ему отшутиться.

— И все же? — Он с прищуром посмотрел на пятидесятилетнего археолога. Я видел, как вы манипулировали подвеской. Это похоже на навык профессионала.

— Вас интересует, чем я занимался в жизни? — приняв ироничный тон, переспросил Багиров. — Или вопрос носит сугубо практический характер?

— В общем-то, и то и другое. Здесь все-таки не равнина…

— Я понимаю. Можете не беспокоиться, я не создам дополнительных неудобств. Что касается навыков, то они действительно несколько шире, чем предполагает моя сегодняшняя профессия. — Иннокентий Осипович на миг задумался, а потом добавил, решив, что откровенность не причинит ему никакого вреда — скорее она снимет ряд вопросов, добавив в отношения между членами маленькой экспедиции немного доверительности, что само по себе вовсе неплохо: — Я служил в Военно-космических силах России.

Брови Курта удивленно взметнулись.

— Даже так? Значит… — он мысленно сопоставил возраст Багирова с известными вехами освоения космического пространства, — вы участвовали в астероидном кризисе?

— Довелось… — Иннокентий Осипович не был склонен развивать данную тему и потому добавил: — Давайте приниматься за дело, Курт.

Нужно установить палатку на нижнем выступе и подвесить клеть для детального осмотра жилы. Работы не на один час.

— Палатку и подготовку ночлега мы поручим Маскани. — Штиммель обернулся. — Эй, Роберто, хватит жаться к стене. Сейчас я натяну тросы между площадками, займешься ужином и установкой палатки, пока мы с Иннокентием Осиповичем будем подвешивать клеть.

— Я боюсь высоты, — буркнул итальянец, но Штиммель лишь насмешливо сверкнул на него глазами.

— А ты поменьше смотри вниз, — посоветовал он, заряжая метательное приспособление для натяжки очередной пары тросов.

* * *

Сколь ни сжигало Багирова любопытство, помноженное на внезапно проснувшийся азарт первооткрывателя, подняться к странным конкрециям им удалось лишь утром, когда над разломом забрезжил серый марсианский рассвет. Работы по обустройству временного лагеря и установка клети отняли гораздо больше времени и сил, чем полагал Багиров, так что ему пришлось отказаться от немедленного осмотра жилы, вняв разумным доводам Курта, который настаивал на отдыхе.

Он проснулся раньше других и некоторое время лежал, прислушиваясь к окружающим звукам.

Марс поразил Багирова обилием тишины. Стоило удалиться на несколько сот метров от населенного пункта, как тебя вдруг окружала совершенно иная реальность, в которой не было привычного монотонного гула, сотканного из сотен, тысяч, а может, миллионов шумов, обычно сопровождавших человека на Земле, где бы он ни находился. Спастись от «голоса» непомерно разросшихся ввысь и вширь мегаполисов можно было лишь в определенных местах, где фрагменты природных комплексов, вырванные из общего контекста погибающей биосферы, были заключены под прозрачные купола из толстого звукоизоляционного пластика.

Лежать в тишине, чувствуя, что от внешнего мира тебя отделяет всего лишь ткань надувной палатки да теплый спальный мешок, было странно и в то же время приятно. Ради этого стоило покинуть Землю и решиться на межпланетный перелет, хотя врачи предостерегали Багирова от подобных экспериментов со здоровьем — в сорок лет он перенес инфаркт и с тех пор жил в плену многих ограничений, сменив образ жизни, прочно осев в кабинете Института археологии, сменив полевые изыскания на удобное кресло в аналитическом отделе информационного центра.

Виной всему было ранение, полученное им четверть века назад.

Астероидный кризис, зародившийся в космосе, едва не накрыл тогда Землю апокалипсическим валом третьей мировой войны.

Он лежал, слушал тихое посапывание Маскани, которое изредка нарушали звуки срывающихся с большой высоты камней, вдыхал холодный и чистый утренний воздух, думая, что ему несказанно повезло. Наверное, он сделает все зависящее, чтобы остаться тут, в колонии.

Эта мысль заставила Иннокентия Осиповича выбраться из спального мешка. Мышцы слегка одеревенели — он отвык от походных трудностей, а когда-то проводил месяцы в поле, зачастую ночуя прямо в раскопах. На Земле условия, в которых приходилось проводить археологические работы, были просто жуткими. Работа зачастую походила не на изыскания, а на соревнование в скорости между кибернетическими землеройными машинами, готовящими котлован для очередной секции мегаполиса, и горсткой ученых, которые пытались спасти из-под бульдозерных ножей бесценные, с точки зрения науки, но абсолютно бесполезные, по мнению строительных компаний, свидетельства прошлого.

Мысли Багирова, пробежав по кругу воспоминаний, проблем и перспектив, вернулись на Марс. Он ни на секунду не забывал о сделанном накануне открытии, но поймал себя на том, что сознательно оттягивает время, наслаждаясь непередаваемым чувством предвкушения сенсационного открытия.

Несмотря на замеченные странности в залегании фрагмента культурного слоя, он не сомневался, что вкрапление в скальную породу может принадлежать только им — древним обитателям Марса, о которых много спорили, но еще никто и никогда не держал в руках ни единого вещественного доказательства их существования.

Откинув полог палатки, наружу выбрался Курт.

— Не спится, Иннокентий Осипович? — сделав несколько энергичных приседаний, спросил он.

Багиров кивнул, подключая к компактному энергоблоку походную кофеварку.

— Мне вот тоже… — внезапно признался Штиммель. — Странно все это, — он взглядом указал наверх, где в сумерках раннего марсианского утра смутно виднелись туго натянутые тросы. — Столько лет терраформированиям, и вдруг на тебе…

— А что в этом необычного, Курт? Я ведь объяснил, почему следы марсианской цивилизации отсутствуют в слое вулканических пород.

— Это я понял. — Курт принял из рук Багирова чашку с кофе и присел на корточки. — Если говорить откровенно, то ваш прилет на Марс

казался мне, вплоть до вчерашнего вечера, властной прихотью старика Майлера. Надо же было ему отправить вас сюда за два дня до собственной смерти. — Курт сделал несколько обжигающих глотков и добавил: — Вот я теперь и думаю: он что, заранее был уверен в таком невероятном успехе?

— Ну, положим, говорить об успехе еще рано, — возразил Багиров.

— Да бросьте, Иннокентий Осипович. Даже если жила состоит из расплавленных фрагментов легированной стали, один факт ее существования перевернет все устоявшиеся представления об истории Марса. В природе такие самородки не встречаются, ведь верно?

— Ну, в общем, вы правы. Понадобилось бы невероятное сочетание различных факторов, таких как давление, температура, условия остывания магматических масс, чтобы из них выделился самородок, схожий по своему строению и химическому составу с искусственно созданными сплавами. — Он невольно покосился вверх, куда только что смотрел Курт, и уточнил: — Штиммель, скажите мне, кто прокладывал маршрут нашей экспедиции? Может быть, действительно имелись предварительные данные разведки, например, сканирование в интересах геологических изысканий могло показать нечто необычное…

— Я не знаю, — пожал плечами Курт. — Информационный пакет с инструкциями ждал вашего прилета. Он был отправлен с Земли из головного офиса корпорации, на следующий день после подписания контракта. Это я смог проверить, не привлекая внимания к своим действиям со стороны высших чинов службы внутренней безопасности.

Багиров допил кофе, рассеянно поставил пустую кружку на работающий энергоблок, к которому были подключены компактные, но мощные прожектора, и сказал:

— Не будем терять время.

Курт кивнул:

— Я разбужу Роберто, пусть готовит обед. Что нам понадобится из оборудования?

— Прежде всего сканер со съемным накопителем информации. Необходимо «просветить» жилу на всю глубину залегания, чтобы определить и зафиксировать ее размеры, форму и структурный состав. Эти данные обязательно должны быть записаны самым подробным образом. Затем мы отберем образцы для химического анализа в экспресс-лаборатории, и если среди фрагментов сплава не обнаружится сохранивших свою изначальную форму каких-либо изделий, пока ограничимся этим.

* * *

Десять минут спустя, воспользовавшись установленным накануне подъемником, они переместили оборудование на узкий карниз и заняли места в легкой, но прочной разборной клети, подвешенной к системе блочных креплений, над которой Курт работал весь предыдущий вечер.

Секундный подъем, легкий толчок, и клеть, чуть покачиваясь, остановилась, царапнув по камню. Иннокентий Осипович почувствовал, как дрожит от волнения его рука, когда он смог прикоснуться кончиками пальцев к слегка потемневшему металлу, смятому и плотно впрессованному в каменный желоб.

Даже без посредства сканера, невооруженным глазом было видно, что металл именно смят, будто невероятная сила впечатала его в расселину. Помимо причудливых складок расплющенных металлоконструкций, жила содержала в своей структуре темные включения, которые вчера при предварительном сканировании были идентифицированы как кремний с вкраплениями благородных металлов.

Как ни велик был соблазн освободить один из таких фрагментов, Багиров, соблюдая правила, прежде взялся за сканер, медленно перемещая его вдоль жилы.

Эта предварительная, но очень важная операция отняла всего несколько минут, и Иннокентий Осипович еще раз подумал о том невероятном везении, что сопутствовало им, — длина необычного вкрапления в скальный монолит составляла всего лишь два с половиной метра. Глубина залегания колебалась незначительно: от тридцати сантиметров до полутора метров. Сложно было предугадать, какой конструкционный смысл нес этот фрагмент далекого прошлого, — сканер, анализаторы которого не только фиксировали структуру жилы, но и проводили радиоизотопный анализ возраста составляющего ее материала, однозначно показывал, что металлу не менее тридцати миллионов лет!..

Год назад Багиров не смел даже мечтать, что станет автором подобной находки. Он испытывал в этот момент такое сильное чувство потрясения, словно из-под движения его рук на свет заново рождалась цивилизация прошлого, факт существования которой теперь уже становился неоспоримой истиной…

Курт, молча наблюдавший за действиями археолога, переживал несколько иные эмоции.

Со вчерашнего вечера его не покидало чувство подсознательной тревоги. Встречая Багирова в космическом порту, а затем сопровождая к

горному массиву, у подножия которого остановился процесс терраформирования марсианских земель, он выполнял рутинную работу, не задумываясь всерьез о ее результатах и возможных открытиях. Курт попросту не верил, что на Марсе можно обнаружить материальные свидетельства, оставленные древней цивилизацией, и потому относился к их экспедиции как к очередной прихоти вышестоящего начальства.

Теперь все изменилось так резко и внезапно, будто его вытолкнули из темной комнаты на свет.

Беспокойство лишь усиливалось с каждой минутой, и перед этим ощущением бледнело все, даже чувство сопричастности к сенсационному открытию отодвигалось на второй или третий план.

Что-то не складывалось в дисциплинированном сознании Штиммеля. Была во всем происходящем какая-то червоточина, неправильность…

— Все… — Багиров опустил сканер и тыльной стороной руки отер выступившие на лбу капельки пота. — Не думал, что простое сканирование может отнять столько сил… — Он отошел к краю покачнувшейся клети и вдруг попросил: — Дайте сигарету, Курт.

Прикурив, он бережно упаковал прибор, закрепив его к себе за спину, как рюкзак.

— На что это похоже, Штиммель? — Багиров жадно затягивался сигаретой, не ощущая ни горечи, ни головокружения, — его взгляд был направлен на потемневший металл с хаотичными вкраплениями мельчайших прямоугольных пластин, частично сломанных при деформации, но местами уцелевших.

Курт вплотную приблизился к стене, подковырнул один из темно-серых квадратиков, и тот с неожиданной податливостью отделился от металла, упав ему в ладонь.

— Смахивает на микрочип, — полуутвердительно произнес он. — Технология достаточно примитивная, смотрите, тут сохранились позолоченные контакты разъема, но похоже, что это действительно элемент вычислительного либо запоминающего устройства.

— Удивительно, они уцелели там, где размазывало и рвало металл, задумчиво произнес Иннокентий Осипович. — Информация на них, должно быть, все равно утеряна… — не очень уверенно предположил он.

— Почему? — Курт посмотрел на серый прямоугольник, лежащий в его ладони. — Возможно, стоит подать на него соответственное напряжение…

— Не стоит, — резко и поспешно возразил Багиров, которого вдруг охватила запоздалая нервная дрожь. — Это уже не наша забота. Здесь

нужны специалисты высокого класса, иначе можно все погубить… — Он вновь взглянул на жилу и добавил; — Давайте снимем все фрагменты, которые плохо держатся в общей массе. Каждый отделенный кусочек будем отдельно фотографировать, предварительно фиксируя на камеру его изначальное местоположение. Кстати, хотел спросить, у нас есть связь с колонией?

— Да, конечно. Нужно подняться наверх из расселины, и там я с без труда свяжусь с ближайшим поселением.

— Очень хорошо. Сделайте это сразу, как только закончим отбор образцов. Пусть сюда вышлют людей.

— Для чего? Тут и вдвоем не развернуться.

— Не знаю, Курт. Такое открытие… Во мне почему-то заговорил вовсе не археолог.

— А кто? — не понял его высказывания Штиммель.

— Солдат. Нелогично, да?

* * *

К полудню, отделив от жилы три десятка похожих друг на друга кремниевых фрагментов и взяв пробу металла для анализа в экспресс-лаборатории, они спустились к основному лагерю.

Маскани давно приготовил обед и маялся от безделья в ожидании их возвращения. На взгляд Багирова, итальянец казался на редкость апатичным, все происходящие события волновали его лишь в той степени, насколько они влияли на его сиюминутное благополучие.

Разговор за едой, естественно, вращался вокруг сделанного открытия. Впрочем, и тут Роберто лишь молча слушал, как Штиммель и Багиров обмениваются впечатлениями и догадками относительно происхождения загадочной жилы.

— Вероятнее всего, мы нашли какой-то древний механизм, — произнес Иннокентий Осипович, все время напряженно размышлявший над данным вопросом. — Иначе трудно объяснить происхождение этой жилы. Возможно, перед нами образчик техники марсиан, на многие годы, а быть может, тысячелетия переживший своих создателей.

— Хотите сказать, что этот образчик сам пришел сюда?

— Пришел, приполз, прилетел, какая разница, Курт? Главное — найти логичное объяснение отсутствию сплошного культурного слоя, который должен залегать в виде прослойки осадочных пород. Если это остатки подвижного механизма, то многие вопросы отпадают сами собой. Вы обратили внимание, что его детали не расплавлены, а смяты, спрессованы

при механической деформации?

— Да, это очевидно, — кивнул Штиммель. — Металл сплющен, а в некоторых местах просто размазан, растянут…

— Вот именно. Представьте себе такую картину: цивилизация уже исчезла, остались лишь руины городов да механические последыши техногенного могущества в виде автономных кибернетических устройств. На Марсе в ту пору произошла глобальная катастрофа, возможно, планета столкнулась с астероидом, об этом со всей очевидностью говорят следы мощных тектонических процессов, полностью видоизменивших рельеф. Нечто подобное переживала Земля в эпоху, когда вымерли динозавры.

— Проще говоря, мы нашли остатки кибернетического механизма, который оказался в жерновах геологического процесса горообразования? — подытожил его мысль Штиммель.

— Именно. Причем его разрушение шло не один год. Пласты горных пород двигались медленно, процесс горообразования мог занять десятки тысяч лет. Механизм, остановившийся по причине поломки или же исчерпавший свой энергетический ресурс, постепенно раздавило поднимающимися складками марсианской коры, похоронив в недрах скальной породы.

— Скажите, а на Земле находили что-либо подобное?

— В смысле?

— Я имею в виду не механические остатки, а вообще следы древней жизни…

— Да, — кивнул Багиров. — Зачастую палеонтологи делали свои открытия на высоте двух-трех тысяч метров над уровнем моря, при сходных условиях. Вы должны понять — геологические процессы идут постоянно, на месте равнин или океанов образуются горы, потом они начинают разрушаться, выветриваться, обнажая участки древних осадочных пород, изобилующих окаменелостями. Нужно лишь усвоить, что термин «геологическое время» в корне отличается от нашего, субъективного восприятия темпорального потока. Человеческая жизнь в масштабах геологической эпохи сравнима с миллисекундами.

— Значит, все объяснимо… — Штиммель покосился на аккуратно упакованные в прозрачный пакет фрагменты кремниевых пластин. — А то я уж забеспокоился, не фальсификация ли это? Меня насторожила цепь очевидных совпадений, будто все было спланировано заранее — ваш прилет и выбор маршрута, будто кому-то было нужно, чтобы мы нашли эти остатки механизма.

— Нет, Курт… Все мои сомнения, если они и были, развеяны

показаниями анализаторов сканера. Этому металлу десятки миллионов лет.

— А кремний? Вы проверяли его?

— Отдельно — нет. Но дело за этим не станет.

— Хорошо. — Курт отправил пустую пластиковую тарелку в пакет для мусора и встал. — Я поднимусь наверх, чтобы связаться с офисом корпорации, доложу о находке и затребую дополнительные силы для охраны этого места. Теперь, как я понимаю, мы задержимся тут надолго?

— Да, — согласился Багиров. — Мне, ко всему прочему, понадобятся специалисты для горных работ и соответственная техника. Расплющенный механизм нужно вырезать целиком, для этого потребуются стационарные лазеры.

— Я позабочусь.

— А зачем подниматься наверх, Курт? Разве нельзя выйти на связь со спутниковой сетью отсюда?

— Недалеко территория новоазиатов, и у нас над головой их спутники, пояснил Штиммель. — Орбиты корпоративных ретрансляторов расположены под углом к горизонту. Чтобы выйти на них, мне нужно как минимум выбраться из расселины.

— Понятно. В таком случае я не стану покидать эту площадку, попробую обследовать перемычку, отделяющую нас от обнаруженной полости.

* * *

Десять минут спустя Курт начал восхождение. Роберто, по указанию Багирова, принялся очищать от мелких камней часть выступа, чтобы позже развернуть на свободном пятачке аппаратуру экспресс-лаборатории, сам же Иннокентий Осипович, пристегнув страховку и взяв инструмент, начал осторожно продвигаться по сужающемуся карнизу. Полость, обнаруженная посредством сканирования, располагалась в двадцати метрах от лагеря, там, где выступ почти сливался с отвесной стеной. Толщина скальной перемычки, по предварительным данным, составляла около полуметра.

…Дождавшись, пока Багиров скроется за угловатым выступом скалы, Маскани посмотрел на медленно перемещающееся пятно света от плечевого фонаря Курта и отошел к противоположному краю выступа, остановившись почти у самого обрыва.

Он явно нервничал. Расстегнув теплую куртку, Роберто достал из нагрудного кармана рубашки мобильный коммуникатор и, затравленно оглядевшись по сторонам, коснулся сенсора активации.

Как и говорил Штиммель, из глубины расселины можно было

осуществить связь лишь со спутниками концерна «Новая Азия», но итальянцу в данный момент требовались именно они.

На том конце связи явно ждали вызова, потому что индикатор трепетно взморгнул зеленым, стоило пальцу Маскани коснуться сенсора.

— Это Роберто… — продолжая озираться по сторонам, шепотом произнес он. Эхо в расселине могло выдать его, возьми Маскани на полтона выше. — Все, как я говорил. Они нашли древний кибернетический механизм. Да. Да. Тут у меня пакет с микрочипами, которым тридцать миллионов лет. Штиммель сейчас поднимается наверх, чтобы сообщить о находке и вызвать дополнительные силы. Поторопитесь. И не забудьте об обещанном вознаграждении…

Очевидно, ответ его вполне удовлетворил. Воровато свернув коммуникатор, он криво усмехнулся и вернулся к палатке, чтобы постоянно находиться в кругу света от переносных прожекторов. «Не хватало еще, чтобы меня перепутали со Штиммелем или Багировым», — подумал он, не зная, чем занять себя в минуты напряженного ожидания развязки…

* * *

Иннокентий Осипович сосредоточенно и осторожно передвигался по сужающемуся карнизу. Под ногами разверзся чернильный мрак пропасти, свет фонаря, закрепленного на голове, ярко освещал неровную поверхность серой скалы, кое-где пронизанную замысловатыми трещинами.

«Должно быть, перемычка тоже потрескалась в момент образования разлома…» — подумалось ему.

Преодолев еще метр, Багиров остановился. Выступ под ногами сузился до тридцати сантиметров, и теперь ему приходилось всем телом прижиматься к скале. «Дальше не пойду, попробую закрепиться здесь», — решил он, снимая с пояса приспособление, заряженное стальными штырями, оканчивающимися кольцами для страховочного троса.

Несколько сухих отчетливых щелчков, и он получил возможность надежно застраховать себя от падения в пропасть. Пропустив фал через четыре кольца, он зафиксировал свободный конец страховки у себя на поясе и попробовал осторожно отклонить тело, не отрывая ног от узкого карниза.

Трос, разматывающийся с барабанной катушки микролебедки, с усилием отдал нужный отрезок, что вполне удовлетворило Багирова. Теперь он мог спокойно заниматься делом, зная, что любой неосторожный рывок тут же заблокирует тормозную систему, которая работала на принципе, схожем с устройством механизма ремней безопасности.

Отклонившись на нужное расстояние, он отцепил от пояса геологический молоток с ультразвуковым бойком, установил вариатор излучения на минимальную мощность и отыскал взглядом трещину, змеящуюся по серой поверхности скалы. Осторожное прикосновение рабочей части инструмента к шероховатой поверхности привело к тому, что кисть руки ощутила вибрацию; вниз посыпалась мелкая каменная крошка, которая, отскакивая от выступа, с шелестом улетала в пропасть.

Спустя некоторое время глухую тишину расселины нарушил треск, и Иннокентий Осипович увидел, как от основной трещины побежало множество лучиков-ответвлений.

Индикатор сканера, встроенный в рукоять геологического молотка, показывал, что перемычка разрушена на всю глубину. Выключив ультразвук, чтобы не вызвать расширения потерявшей прочность области и не спровоцировать тем самым серьезный обвал, он начал осторожно простукивать поверхность, пока часть каменной перегородки не начала осыпаться, проваливаясь в расположенную за ней полость.

Сердце екнуло, когда он увидел округлую дыру с неровными краями, диаметром около полуметра. Шорох падающих камней по ту строну преграды стих, Багиров руками расшатал несколько крупных обломков, расширив проход до семидесяти сантиметров, и, убедившись в прочности оставшихся по краям выступов, медленно наклонился с таким расчетом, чтобы фонарь осветил пространство за взломанной перегородкой.

От увиденного его бросило в жар.

Сразу за перемычкой начинался смятый, деформированный коридор, который некогда представлял собой тоннель, собранный из отдельных секций овального сечения. Сейчас стены, пол, потолок, претерпев серьезные деформации, щерились обломками облицовочного материала, похожего на современный пластик, под которым ясно просматривались ребристые детали покореженного каркаса.

Волнение Багирова достигло наивысшей точки, он не мог удержаться — стоять и смотреть в тоннель, как советовал здравый смысл, казалось ему невыносимым испытанием, и Иннокентий Осипович, ослабив страховку, полез в образовавшуюся дыру.

Извиваясь, он преодолел пролом и оказался внутри деформированного тоннеля, пол которого был засыпан каменными обломками вперемешку с осколками облицовочного материала.

Конечно, продвигаясь по козырьку, он предполагал, что совершит еще одно открытие, но реальность превзошла все самые смелые ожидания, и сейчас, стоя на полу тоннеля, которому — только подумать — более

тридцати миллионов лет, Багиров находился во власти глубокого эмоционального шока.

Через минуту, справившись с охватившим его волнением, он сделал осторожный шаг вперед, потом еще один, еще, благо запас троса, намотанный на укрепленную на поясе лебедку, позволял ему продвинуться на две сотни метров в глубь древней конструкции…

Фонарь ярко освещал стены тоннеля, показывая, что проход свободен от завалов и постепенно понижается, одновременно поворачивая влево.

«Пройду метров двадцать и вернусь…» — подумал он.

Шаги Багирова отдавались в тиши древней конструкции негромким шелестящим эхом, он потрясенно смотрел по сторонам, впитывая взглядом каждый сантиметр погнутого решетчатого каркаса, с внутренним восторгом отмечая, что вдоль ребер жесткости протянуто нечто, похожее на кабели энергетического питания. От этих картин кружилась голова, рассудок еще не до конца осознавал грандиозность сделанного открытия, и он, позабыв о данном самому себе обещании, шел все дальше, не замечая, что красные маркеры на страховочном фале уже указывают на пятидесятиметровый отрезок пройденного пути.

Это было похоже на сон…

* * *

Курт поднялся к базовому лагерю спустя минуту после того, как над вершинами горного хребта промелькнула и исчезла стремительная тень идущего на посадку антигравитационного флаера.

Если бы он заметил его, то, конечно, бы насторожился. Появление подобной машины в безлюдном высокогорном районе не могло стать результатом случайности — антигравитационная техника очень дорога в эксплуатации, чрезвычайно капризна и энергоемка, но обладает, в сравнении с традиционными воздушными средствами, рядом преимуществ: она не имеет ограничений по высоте полета, связанных с плотностью атмосферы, совершенно бесшумна и способна совершать посадку на любой, достаточный для габаритов машины пятачок ровного пространства.

Исходя из перечисленных факторов, устройства с антигравитационным приводом в колонии можно было сосчитать по пальцам, и использовались они, как правило, службами безопасности для проведения спецопераций.

Все это знал Штиммель, но он не заметил беззвучно промелькнувший силуэт и спокойно занимался своим делом, собирая переносное устройство спутниковой связи.

За ближайшим к нему выступом скал, прижавшись к серой, холодной поверхности камня, затаились три фигуры в фототропной экипировке, которая моментально меняла фактуру и цвет, сливаясь с фоном окружающей местности.

Серые силуэты были похожи на призраков.

Один из них поднял руку, выразительным жестом приказав своим спутникам, чтобы они выдвигались вперед, огибая площадку основного лагеря археологической экспедиции с флангов, а сам начал ловко и бесшумно карабкаться по наклонной поверхности скального выступа.

Через десять-пятнадцать секунд он уже достиг вершины и осторожно выглянул за гребень.

Штиммель, присев на корточки подле открытого кофра, находился в данный момент двадцатью метрами ниже. Он по-прежнему ничего не подозревал — собрав трехкомпонентное устройство связи, он выпрямился, чтобы дать автоматике возможность сориентировать небольшую тарелку параболической антенны, и в этот миг, будто сиплый короткий вздох, прозвучал одиночный выстрел.

Тело Курта мешковато осело на камень.

Второй выстрел пришелся точно в управляющую панель спутникового коммуникатора, прибор заискрил, а с вершины нависающей над площадкой скалы уже скользила по тонкому тросу серая тень.

Две призрачные фигуры появились на площадке одновременно со своим командиром, материализовавшись с разных сторон, словно были не из плоти, а из воздуха. Один из них лег на живот и осторожно, не потревожив ни одного камушка, подтянул себя к краю расселины.

Из-за серого мягкого шлема с дымчатым забралом было невозможно рассмотреть их лица, но голос, прозвучавший в эфире на ультракоротких волнах, принадлежал азиату:

— Вижу Маскани. Стоит в кругу света у самой скалы.

— Где пакет?

— У него в руках.

— Расстояние до обрыва?

— Четыре метра.

— Действуй.

В тишине прозвучал третий приглушенный выстрел, и Роберто, нервно ожидавший результатов своего звонка, вдруг дернул головой, будто кто-то невидимый влепил ему пощечину.

Еще секунду он стоял, силясь поймать открытым ртом внезапно загустевший воздух, а потом начал медленно оползать, оставляя на

отвесной стене размазанный кровавый след. Во лбу Маскани была заметна лишь маленькая дырочка входного отверстия пули, но во что превратился его затылок, немо свидетельствовал широкий, влажный след крови…

— Готово.

Командир диверсионной группы к этому моменту уже лежал на краю обрыва, глядя вниз. Компьютерная оптика позволяла ему видеть все как днем.

Третьего члена экспедиции не было, Багиров будто испарился.

Внимательный взгляд скользнул по системе тросов, протянутых между двумя площадками, на миг задержался на металлическом вкраплении, подле которого висела сборная клеть, затем переместился ниже, к узкому карнизу, у оконечности которого в скалу были вбиты штыри страховочной системы.

Рядом находилось неровное полуметровое отверстие, ведущее в непонятную полость. Трос, пропущенный через страховочные кольца, исчезал в этой дыре, указывая, куда пропал третий участник поисковой археологической партии.

— Он внутри. Сканеры его не достают.

— Ликвидировать. Первый, вперед. Второй, навести порядок на площадке. Тело и прибор связи — в пропасть.

Отдав распоряжения, командир привстал и, воспользовавшись тросами, натянутыми между стенами расселины, начал быстро спускаться вниз к выступу, на котором лежало тело мертвого итальянца.

Никто из членов диверсионной группы не подозревал, что за их действиями наблюдают внимательные глаза.

Отслеживающий события человек расположился в полукилометре от расселины, на большой высоте, и спокойно созерцал бесшумную драму на дисплее переносного компьютера.

Все шло по плану. Ничего не подозревающие исполнители играли по его нотам, наивно полагая, что действуют самостоятельно.

* * *

Это действительно походило на сон.

Иннокентий Осипович никогда не предполагал, что на излете бурной, насыщенной событиями жизни он сможет вновь испытывать столь потрясающее чувство новизны.

Углубившись на семьдесят метров по сжатому скальными породами тоннелю, Багиров внезапно вышел в полусферический зал с продавленным потолком.

Сердце замедлило темп ударов… Свет фонаря освещал замкнутое пространство, разгоняя по сторонам плотный мрак, выхватывая из тенет миллионолетнего забвения причудливые формы, принадлежащие давно исчезнувшей цивилизации.

Движения Багирова были в этот миг скорее машинальными, чем осознанными. Потрясенный взгляд впитывал образ за образом, а указательный палец правой руки коснулся сенсора вшитой в левое запястье миниатюрной контрольной панели, активируя весь комплекс сканирующих приспособлений, встроенных в экипировку.

Тихое жужжание привода нарушило вязкую тишину раздавленного скалами подземелья, поднимая на уровень глаз прозрачный компьютерный планшет, куда тут же начали поступать данные от ультразвуковых, инфракрасных, рентгеновских и магнитных излучателей, установленных в режим сферического сканирования.

Энергетический всплеск незримыми волнами затопил пространство помещения, распространяясь на всю протяженность пройденного Багировым коридора, проникая сквозь деформированные стены, открывая взгляду невидимые ранее подробности древней структуры.

Иннокентий Осипович медленно поворачивал голову, наблюдая, как по прозрачному планшету скользят контуры компьютерных схем, накладываясь на реальное изображение, которое воспринимали глаза.

Зал с продавленным сводом не был окончанием подземелья!..

Багиров отчетливо различил дверь, смятую под весом скальных пород. Она была плотно закрыта, к тому же сильно деформирована вместе с потолком и стенами, но проникающее излучение указывало, что коридор за ней продолжается, там имелось примерно семьдесят сантиметров свободного пространства, куда можно проползти, при условии, что удастся открыть заблокированную дверь.

Сейчас о такой операции нечего было и думать — резать элементы неисследованной конструкции он бы не стал ни за что, — сначала нужно тщательно изучить доступный отрезок коридора и это уникальное помещение.

Потрясенный открытиями Багиров не замечал многого. Он не подозревал о разыгравшейся снаружи трагедии, и у него даже не возникло мысли о том, что, включив излучатели сканеров, он заполнил окружающее пространство разными формами энергии, которые вполне могли быть восприняты древними устройствами, сохранившими свою функциональность.

Тридцать миллионов лет…

Эта цифра подспудно выносила некий приговор, казалось бы, свидетельствующий о полной технической несостоятельности всех артефактов…

Иннокентию Осиповичу еще предстояло понять, как сильно он заблуждался.

* * *

Фигура в фототропном камуфляже, словно тень, проскользнула в проделанный Багировым проход.

Выпрямившись, член диверсионной группы несколько секунд стоял, не шелохнувшись, пока приборы сканировали пространство в поисках Багирова.

— Я его не вижу, — наконец тихо произнес он в коммуникационное устройство. — Сильное встречное излучение.

— Ориентируйся по тросу, — пришел ответ. — Убей его.

— Понял. Исполняю.

Шаг вперед. Едва слышный, крадущийся и в то же время уверенный, несмотря на мягкость движения.

Под подошвой что-то хрустнуло, хотя диверсант мог поклясться, что долю секунды назад ничего не было в том месте, куда он ставил ногу.

Остановившись на полушаге, он напряженно застыл.

Что-то шевелилось на полу коридора. Едва заметное глазу, почти неуловимое для сканеров, это движение исходило от странных каплеобразных предметов, которые, вероятно, пролежали тут миллионы лет и вдруг по непонятной причине начали мелко вибрировать, словно их сотрясала дрожь…

Он поднял ногу.

Под подошвой ботинка лежал точно такой же каплеобразный механизм величиной с детскую ладонь, но, в отличие от других подобных ему приспособлений, в изобилии разбросанных по полу среди обломков, у этого явственно просматривались тонкие, похожие на фаланги паука механические лапки.

— Двигайся вперед, — раздался в коммуникаторе голос командира группы, который наблюдал за происходящим, включив канал телеметрии данных. — Ты должен ликвидировать Багирова. Мы уже задерживаемся.

Диверсант внял приказу, но теперь его движения стали более резкими, расчетливыми, он видел копошащиеся среди обломков миниатюрные механизмы и старался ступать так, чтобы не задеть их.

…

«Проклятие. Где этот археолог?»

Иннокентий Осипович вздрогнул, когда в восприятие окружающего ворвалась явная диссонансная нота.

Пытаясь понять, что является причиной возмущения, он обернулся, и на прозрачном планшете отчетливо обозначился термальный всплеск, имеющий контур человеческого тела.

Курт? Или Маскани?

Что-то заставило Багирова не торопиться с окликом, а включить систему идентификации.

Секунду спустя он понял, что в древнем тоннеле, у проделанного им отверстия стоит чужой человек. Работающие на полную мощность сканеры пробивали защиту «хамелеон», демонстрируя не только контур фигуры, но и носимое оборудование, которое состояло из электроники и оружия.

Палец Багирова коснулся сенсора.

Функция: автоматическое сканирование частот связи — высветилась на мониторе строка статуса.

Мгновение спустя чужая речь резанула слух.

Он тут же включил опцию автоматического перевода и успел уловить окончание фразы:

— …должен ликвидировать Багирова. Мы уже задерживаемся.

* * *

Память…

Она дремлет многие годы, таясь в подсознании, невостребованная, запертая на вечное хранение, замурованная более поздними впечатлениями и событиями…

Идут годы, определенные воспоминания все реже дают о себе знать, и спустя какое-то время начинает казаться, что ты наконец избавился от прошлого, которое не давало смириться с новым, радикально иным укладом жизни.

Оказывается, ничто не пропадает в сознании человека и нужна всего лишь малость, которая спустя десятки лет вдруг сработает, как ключ… или спусковой крючок, мгновенно освобождая былое…

«…Инок, ты меня слышишь? Инок, ответь, это Шевцов… — Голос взводного бьется, пульсирует в коммуникаторе шлема. — Держись, Багиров, мы тебя вытащим!..»

Только сейчас, в момент секундного срыва, он обратил внимание на то, как разительно похож видимый глазу отрезок древнего коридора на изуродованную попаданиями ракет секцию орбитальной станции.

Инок — это был его позывной на боевой частоте взвода.

Голос Шевцова прорвался сквозь двадцатипятилетнюю пропасть, — непонятно почему своенравная память выпустила на волю именно этот фрагмент воспоминаний, — но он отчетливо увидел себя, зажатого двумя смявшимися переборками. Боевая броня скафандра, покрытая глубокими выщербинами от пуль, постепенно теряла герметичность — подходил к концу ресурс автономной системы, сдерживающей процесс мгновенной декомпрессии.

Он понимал: ему не продержаться до подхода помощи. Через отрезок деформированного коридора станции с упорством обреченных пыталась прорваться группа боевиков Ляо, совершивших пиратский налет на российский рудно-перерабатывающий комплекс, расположенный у границ пояса астероидов.

Багиров удерживал коридор два часа.

Сто двадцать минут, проведенные между жизнью и смертью, в разгерметизированном сегменте станции, без возможности отступить, — за его спиной в грузовом отсеке ожидала эвакуации группа гражданских специалистов, которых он бы не бросил на произвол судьбы, даже если бы мог свободно перемещаться.

Для азиатов он был как пробка в узком горлышке бутылки, досадная и трудноодолимая преграда на пути к стыковочным узлам и к призрачной надежде вырваться из-под удара десантных групп, вовремя подоспевших на помощь персоналу станции.

В прессе это называли «астероидным кризисом», но на самом деле в глубоком космосе несколько месяцев шла настоящая война, о которой не было принято говорить вслух, называя вещи своими именами.

Два часа Багиров держал коридор. Смятые переборки частично защищали его от пуль, тело под броней скафандра медленно превращалось в сплошной кровоподтек, но уникальный сплав, разработанный тульскими оружейниками, держал прямые попадания, гася кинетическую энергию пуль своей способностью к пластичной деформации.

Несколько микротрещин, сквозь которые улетучивался воздух, постоянно заполняло герметиком и снова рвало при очередной атаке. Багиров, расстреляв весь боезапас, предназначенный для космических условий, перевел ползунковый вариатор режимов огня в положение «стандартный патрон», и когда азиаты полезли вновь, их встретили уже не мелкокалиберные пули, разгоняемые короткими компрессионно-магнитными импульсами, а уничтожающий огонь планетарного боекомплекта, благо семисотая модель «абакана» имела два независимых

ствола, а смятые переборки надежно удерживали тело Багирова, с дрожью принимая реактивные импульсы отдачи…

…Первым к нему на помощь прорвался взводный.

Лейтенант Шевцов появился из взломанного люка над его головой, когда Багиров уже находился в состоянии декомпрессионного шока.

Он слышал, как по связи звучат, повторяясь вновь и вновь, три слова: Инок, не умирай!..

Это был приказ.

Последний приказ командира, который он выполнил, — дальше их пути попросту разошлись, — тот памятный бой за станцию поставил точку в вооруженных столкновениях на границе пояса астероидов, и взводный с ребятами вернулся на борт крейсера Военно-космических сил России, чтобы вновь погрузиться в ледяную тишь капсул сверхглубокого сна, а Багирова отправили на Землю…

Он выжил, медики совершили настоящее чудо — он даже не превратился в калеку, хотя левая рука еще год оставалась частично парализованной, но Инок справился и с этим недугом, благодаря приобретенному в десанте упорству тренировал мышцы до тех пор, пока они не начали работать.

Потом жизнь потекла своим чередом, воспоминания понемногу тускнели, он становился иным человеком, а ребята из его взвода, наверное, и сейчас так же молоды, разве что прибавили год-другой.

В капсулах сверхглубокого сна не стареют.

Да и эти подонки из клана Ляо, получившие по зубам в поясе астероидов, похоже, не изменились, лишь место базирования у них стало другим, иначе как объяснить, почему четверть века спустя слух резанула та речь, и автопереводчик равнодушно процитировал окончание фразы:

— …ликвидировать Багирова. Мы уже задерживаемся.

Следили. Вне сомнения, следили, раз знают все вплоть до фамилии, и теперь хотят снять сливки с ошеломляющего открытия.

Следующая мысль была о Штиммеле и Маскани.

Мертвы… — подсказывал личный опыт.

Сколько мыслей, воспоминаний, выводов и догадок может спрессоваться в несколько секунд, пока рука вслепую шарит по полу древнего зала в поисках чего-либо, способного заменить оружие.

Пальцы сомкнулись на длинном и узком металлическом обломке, а в ушах почему-то звучала та фраза взводного: «Инок, не умирай!..»

Нет, он не собирался доставлять переселившимся на Марс головорезам подобное удовольствие.

Они, верно, забыли, что такое российский космодесант.

Иннокентий Осипович погасил фонарь, но не стал отступать в глубь древнего помещения. Освободив от креплений лебедку со страховочным тросом, он положил ее на пол у стены и двинулся навстречу противнику, увеличив до максимума излучение сканирующих систем своей экипировки.

Трюк удался. Сканеры, специально усиленные техниками корпорации для получения проникающего эффекта, сейчас работали, будто прожектора, ослепляя аналогичные системы, входящие в экипировку крадущегося по коридору диверсанта, но, несмотря на явный сбой электроники, тот продолжал движение, инстинктивно придерживаясь правой стороны прохода, вдоль которой был протянут страховочный трос Багирова.

Кромешная тьма вынуждала убийцу двигаться медленно, одной рукой постоянно касаясь стены, из-за мощного встречного излучения система тепловидения лишь рябила помехами, и азиат, не выдержав, поднял забрало своего мягкого шлема, вынужденно полагаясь только на слух.

Багиров двигался гораздо быстрее — он преодолел более сорока метров коридора, когда увидел крадущегося противника.

Ситуация складывалась жестко: в такие мгновения все решает не физическая сила, а незримый поединок нервов — окажись на месте Иннокентия Осиповича другой человек, то заранее подготовленный диверсант, натасканный на убийство, справился бы со своей задачей даже в кромешной тьме, с неработающими приборами обнаружения.

Он продолжал идти вперед, передвигаясь мелкими осторожными шагами, одной рукой осязая стену и трос, а в другой расслабленно держа автоматический пистолет с глушителем. Оценив пластику его движений, Багиров понял — азиат вполне полагается на собственный слух и любой неосторожный шорох будет неизбежно встречен прицельным огнем.

«Ну не подведи…» — он застыл, взвешивая в ладони металлический обломок древней арматуры. Поймав ощущение центра тяжести, Инок резко взмахнул рукой, одновременно кувырком уходя назад и вбок.

Хриплый вскрик слился с приглушенными хлопками трех выстрелов, пули визгливо высекли искры в том месте, где мгновение назад находился Багиров, азиат сумел трижды нажать сенсор огня, произведя прицельные выстрелы в машинальной предсмертной реакции.

Острый обломок арматуры торчал в его горле, высвечиваясь в оперативном окне термальной оптики как тусклый, холодный росчерк, наложенный на фон рухнувшего навзничь тела.

Багиров метнулся вперед с единственной целью — подобрать выпавший из рук убийцы пистолет, и сразу же отпрянул назад, понимая,

что сейчас сюда пожалуют новые гости.

…Командир диверсионной группы грязно выругался, когда погасло оперативное окно его подчиненного.

— Второй, к пролому! — прошипел он, понимая, что в глубине темного пространства затаился далеко не тот противник, какого предполагалось встретить. — Забери труп и отходи! — Отдавая распоряжение, командир прихватил испачканный кровью пакет с микрочипами и поднимался к верхней площадке, используя натянутые Штиммелем тросы. Они свою задачу выполнили, нужный материал захвачен, а все остальное, включая расплющенные фрагменты впрессованного в скалу древнего механизма, подлежало уничтожению с имитацией заурядного обвала, какие часто происходят в горах.

Присев у края площадки, он вскинул на плечо компактную пусковую трубу одноразового реактивного комплекса.

— Второй, быстрее.

Из темного лаза показался диверсант. На его плечах покоилось бездыханное тело напарника, убитого точным броском металлического обломка арматуры, что лишний раз убедило командира диверсионной группы в правильности принимаемых решений. Они не могли задерживаться здесь, оставляя явные следы боестолкновения. Обрушившиеся каменные глыбы и порванные тросы объяснят отсутствие тел и пятна крови на узком каменном козырьке. Все остальное навек останется загадкой для сил корпоративной безопасности.

Дождавшись, пока его человек достигнет верхней площадки, командир диверсионной группы произвел выстрел в пролом.

Вакуумная безосколочная граната приглушенно хлопнула в глубине загадочной полости, и часть скалы тут же пришла в движение, обрушившись на каменный козырек, где располагался временный лагерь экспедиции.

Дело сделано.

Он обернулся, установил аналогичный заряд под металлической жилой, поместив его подле трещины в скальной породе, и, активировав таймер, начал быстро подниматься наверх.

* * *

Едва приметная точка антигравитационного флаера таяла в небесах, исчезая по ту сторону горного хребта.

Небольшой уступ, притаившийся среди отвесных скал, с трех сторон ограничивали базальтовые стены со следами свежих сколов, породивших

канувший в пропасть оползень.

Нигде не было видно человеческих тел, лишь кровь на камне уже начала сворачиваться, собираясь в комковатые лужицы. Низкие хмурые облака, цепляющиеся своим свинцово-серым подбрюшьем за острые пики скал, обещали скорый проливной дождь, который смоет последние следы трагедии.

По мнению командира диверсионной группы, все было исполнено чисто, несмотря на внезапное сопротивление и потерю одного подчиненного. Флаер, беззвучно скользивший в марсианском небе, уже исчез за отрогами гор, когда к месту трагических событий легкой походкой спустился человек, личность которого было невозможно опознать под утепленным защитным костюмом, включающим в себя шлем с дыхательной маской.

Он видел все от начала и до конца, непонятным оставалось его кажущееся равнодушие, которое сквозило в деловых, несуетливых движениях. Он подошел к тому месту, где погиб Штиммель, убедился, что разбитый пулей прибор спутниковой связи канул в пропасть, затем подошел к краю обрыва и заглянул вниз.

Узкий мрачный разлом еще рокотал невнятным эхом, вниз то и дело срывались мелкие камушки, потревоженные основным обвалом, оборванные тросы повисли бессильными нитями, от площадки, где располагался временный лагерь, остался лишь фрагмент узкого карниза. Пристально посмотрев в ту сторону, странный наблюдатель подумал, что бессмысленно пытаться разбирать завал в поисках живого свидетеля — взрыв вакуумной гранаты вызывает резкий перепад давления, который не выдерживал даже камень, что уж говорить о хрупком человеческом теле…

Русский археолог мертв. Наблюдатель испытал по его милости несколько неприятных минут, когда тщательно подготовленная ситуация едва не вышла за рамки сценария. Кто мог подумать, что пятидесятилетний научный сотрудник свалит опытного бойца из батальона личной охраны Цинь Хуань Ляо, использовав в качестве оружия первый попавшийся под руку обломок металла.

«Надо было лучше изучить прошлое этого русского», — мысленно укорил себя он.

Так или иначе, но дело сделано. Теперь черед оставался за малым. Он развернулся и прошел вверх по тропе, где двое суток назад установил электронный комплекс скрытого наблюдения.

Забрав компактный прибор, замаскированный в трещине скалы, он убедился, что все события последних суток записаны системой

видеонаблюдения в мельчайших подробностях, и, не оборачиваясь больше, зашагал прочь.

«И все-таки я недооценил значимость некоторых лиц и событий…» подумалось ему. Ситуация едва не вырвалась из-под контроля, да и вскрытый Багировым лаз, уводящий в недра непонятной конструкции, явился совершенно непредсказуемым фактором.

В том, что древняя цивилизация существовала на самом деле, этот человек не сомневался, но ему было плевать на любые открытия, если те не играли ему на руку, предоставляя повод для определенного рода действий.

Пока что он не собирался использовать обнаружение артефактов в качестве научной сенсации.

Видеозапись, переданная в определенные руки, сыграет незаменимую роль в подготовке последующих событий, а открытие существования марсианских предтеч станет не удивительной сенсацией, а фактором страха, который столкнет тщательно подготовленную лавину…

Глава 6

Земля. 13 июня 2415 года. Тактический центр объединенного штаба Военно-космических сил России.

Пять часов тридцать минут утра…

Огромный зал наземной службы слежения работал двадцать четыре часа в сутки. Недреманное кибернетическое око, пристально наблюдающее за космическим пространством посредством миллионов датчиков, удаленных на сотни, тысячи, а иногда и миллиарды километров от Земли, чуткий нерв, видящий, слушающий, собирающий информацию обо всем и вся…

Пять часов двадцать девять минут…

На одном из контрольных мониторов витиеватая заставка хранителя экрана внезапно сменяется на голубой фон, по которому в режиме реального времени пробегают столбики цифр. Скорость, с которой многозначные числа несутся от верхнего среза экрана к нижнему, слишком высока для человеческого глаза, но это лишь внешняя, визуальная часть процесса, — данные принимает кибернетическая система, она обрабатывает потоки шифрованных байт, и спустя десять-пятнадцать секунд на терминале дежурного офицера открывается оперативное окно.

Он реагирует мгновенно, — глаза быстро считывают строки сообщения, а губы синхронно отдают в коммуникатор короткие емкие фразы:

— Внимание всем!.. Перехват по линии лазерной связи!.. Источник: крейсер «Орион», корпоративные силы безопасности «Фон Брауна». Прием осуществлялся на орбитальный спутник корпорации.

Стереоэкран перед дежурным тут же множится оперативными окнами включений. На связь выходит штаб ВКС России, по другому каналу реагирует Министерство обороны, затем Управление внешней разведки, и дальше по цепочке строго регламентированной военной структуры, связанной с аналитическим подразделением проложенными под землей оптическими кабелями, имеющими самую высокую степень защиты информации.

— Дешифровали? — В эту ночь ответственным офицером в главном разведуправлении был генерал Русаков, непосредственно курирующий вопросы, связанные с деятельностью крупнейшей корпорации Евросоюза,

поэтому дежурный, обращаясь ко всем включившимся в канал связи офицерам, смотрел именно на Русакова, задавшего вопрос:

— Так точно. Вот текст.

— Передайте на мой терминал.

«Скверное утро», — внезапно подумалось генералу. Он еще не читал текст, но интуиция не подсказывала ничего хорошего. Тот факт, что орбитальной группировке удалось перехватить световой луч, посланный на спутники корпорации, не вызывал ощущения экстраординарности события: да, отследить лазерную связь чрезвычайно сложно, но после внезапной кончины Майлера фон Брауна любому, даже начинающему офицеру разведуправления было ясно, что потрясения будут, поэтому на задачи оперативного перехвата ориентировали целую группировку спутников слежения.

И вот результат… Взгляд покрасневших глаз переместился к плоскому монитору, куда были посланы перехваченные данные:

«Совету директоров корпорации „Дитрих фон Браун“.

Борт крейсера „Орион“. 10 июня 2415 года. 22 часа 17 минут синхронного времени.

Довожу до вашего сведения, что локационными системами дальнего обнаружения зафиксирован радиочастотный всплеск в границах марсианской атмосферы. Источник локализован как мощное передающее устройство, расположенное в квадрате GQ17H сектора освоения концерна „Новая Азия“.

Сравнение частотных характеристик импульса показало его полную идентичность первому перехвату, от 12 декабря прошлого года, идентифицированному как тестовый машинный код, не рассчитанный на обратный отклик со стороны периферийных устройств.

Прошу передать инструкции для дальнейших действий».

Русаков дважды перечитал текст, затем мельком взглянул на голографическую карту Солнечной системы и произнес:

— Дежурный, связь с Министерством иностранных дел. Службам перехвата обеспечить полный контроль над спутниками дальней связи корпорации «Фон Браун». — Русаков взглянул на часы и добавил: — Подготовить канал передачи данных для точки «4» крейсера «Светоч». Доклад по готовности.

— Министр на связи.

Генерал кивнул, коснувшись сенсора на расположенной перед его

креслом приборной панели, и рабочее место тут же окуталось нежно-зеленым сиянием — это включилось статис-поле, блокирующее пространство вокруг Русакова от любых видов прослушивания.

— Сергей Иванович, прости, что поднял, дело не терпит отлагательства.

— Доброе утро, Вадим Петрович. Я не ложился, так что можешь не извиняться.

— Хорошо, в таком случае докладываю по существу: нам удалось осуществить перехват направленных импульсов лазерной связи. Источником передачи является крейсер «Орион», принадлежащий корпоративным силам «Фон Брауна». Интерполяция вектора когерентного излучения показала, что передача велась из района высоких марсианских орбит. Вот текст сообщения. — Русаков коснулся сенсора, отправляя полученные данные.

На минуту под защитным куполом статис-поля воцарилась глубокая тишина.

— Обратный перехват есть? — наконец нарушил затянувшуюся паузу глава МИДа.

— Нет. Совет директоров «Фон Брауна» пока не отреагировал, но локация точки реального базирования «Ориона»…

— Я понимаю тебя. Корпорация нарушила все международные соглашения, переведя боевой крейсер на высокие орбиты Марса. — Он на секунду умолк, а затем спросил: — Чем мы реально располагаем, генерал?

— Через час в точку «4» для планового сеанса связи выйдет «Светоч». Крейсер не уступает «Ориону» по боевым тактико-техническим характеристикам, но нужно учитывать, что во время астероидного кризиса он был переукомплектован. Сейчас на борту «Светоча», вместо космических истребителей, базируется пять десантно-штурмовых модулей.

— Я понял тебя, Вадим Петрович. Думаю, мне хватит часа на анализ ситуации и разговор с президентом. Желательно иметь дешифровку ответа, но и без того ясно, что президент даст добро на передислокацию «Светоча».

— Это понятно. Меня волнует постановка задачи. До сих пор нет полной ясности, что происходит в колониальном отделе корпорации. Не верю я, что техники «Фон Брауна» пропустили незамеченными встраиваемые в андроидов контроллеры удаленного доступа.

— Я тоже думаю, что они прекрасно осведомлены об их существовании.

— Значит, должны принять адекватные меры для противодействия.

— Точка дисклокации «Ориона», по-моему, уже «противодействие», причем не шуточное.

— Не забывай, Сергей Иванович, «Фон Браун» обезглавлен. И на фоне грызни в совете директоров мы видим, как в колонии зашевелились силы Ляо. Два тестовых сигнала… Это похоже на отладку системы перед глобальным включением. Где гарантия, что третий сигнал не станет кодом активации для внедренных в систему андроидов «Троянов»?[7]

— Гарантий нет. При докладе президенту я буду исходить из наихудшего варианта развития событий.

— Хорошо, я жду твоего звонка. Пока свяжусь с Марсом, предупрежу наш отдел, чтобы подготовились к любому развитию ситуации. А ты надави на Евросоюз, мне непонятно их молчание. В конце концов «Дитрих фон Браун» всего лишь корпорация, это ведь не государство…

— С какой стороны посмотреть, Вадим Петрович. В нашем случае я бы предпочел иметь дело именно с государством, а не с частными собственниками терраформированных земель колонии. Вот увидишь, если «Фон Браун» полезет в драку, то это будет связано не с заботой о человеческих жизнях, а со спасением инвестиций.

— Я понимаю это. Уже проходили во время астероидного кризиса. Ладно. — Русаков машинально пригладил рукой короткий ежик седых волос. — Работаем и ждем развития диалога между «Орионом» и Землей.

— Добро. Я подготовлю ноту правительству Евросоюза и поеду к президенту. Свяжусь с тобой от Верховного.

Экран спецсвязи погас, и вместе с его отключением исчезло сияние статис-поля.

Русаков повернулся вместе с креслом и произнес:

— Дежурный, руководителей всех подразделений службы аналитической разведки в мой кабинет. Командиру «Светоча» оставаться в точке «4» для получения боевого приказа. Подразделению дальней связи сконцентрировать внимание на спутниках «Фон Брауна». Мне необходим оперативный перехват всех сообщений, направленных в зону марсианской орбиты и пояса астероидов.

* * *

Огромный космический корабль медленно двигался на фоне далеких звезд. Творение рук человеческих, он был прекрасен и угрожающ одновременно, — с одной стороны, его конструкции являлись уникальным средоточием инженерной и научной мысли, словно три века освоения космоса, начиная от старта первого искусственного спутника Земли до

амбициозных попыток достичь соседних звезд, были лишь подготовкой, периодом накопления знаний и опыта для тщательной, выверенной огранки тускло отсвечивающего россыпями габаритных и навигационных огней техногенного чуда… Но доведенная до функционального совершенства эстетика форм, кроме всего прочего, несла в себе неизбежный, неизгладимый отпечаток тех процессов, что переживало человечество на протяжении последних ста лет своего развития.

Космический корабль был боевым.

Еще несколько часов назад его перемещение на фоне Млечного Пути могли определить лишь чуткие приборы, но произошло что-то непредвиденное, экстраординарное, заставившее титана мгновенно очнуться от обманчивой иллюзорной неподвижности.

Обозначая момент пробуждения десятков тысяч кибернетических систем и механических узлов, по обшивке корабля внезапно пробежала волна огней, словно темные, плотно состыкованные бронеплиты вдруг заискрились, на миг контрастно выделив каждый элемент пятикилометровой конструкции, обособляя ее от немигающего света миллиардов далеких звезд.

Это был сигнал.

Только наблюдатель, обладавший точными сведениями о пространственном положении корабля, мог увидеть мгновенную вспышку. Зачем нужны слова, когда свет микролазеров, преодолев бездну пространства, попал в оптические умножители спутников контроля, а те, в свою очередь, передали контрастный снимок в кибернетический центр, расположенный глубоко под землей в труднодоступном горном районе.

Данные, полученные таким способом, несли самую разнообразную и, главное — непогрешимую информацию. Обработанный компьютерами световой поток не только позволял вычислить местоположение корабля относительно звездных ориентиров, он также нес данные о состоянии его узлов и агрегатов, которые шифровались импульсом каждой отдельно взятой вспышки когерентного излучения.

* * *

Прошла всего лишь минута после отправки сигнала, а космический корабль вдруг начал преображаться. Беззвучно сложились секции солнечных батарей, и вслед им пришли в движение остальные сегменты конструкции: целые сектора надстроек, до этого выдвинутые в космос, теперь скользили обратно, занимая строго определенные места, словно в средней части космического корабля стремительно формировался второй

корпус.

Бесшумная трансформация длилась не более десяти минут. Корабль, выглядевший до этого как ажурная, хрупкая конструкция, обрел монолитность, приняв вид пятикилометрового веретена с двумя сферами, расположенными в торцах центрального стержня.

Сложившиеся в боевое положение надстройки плотно заполнили все пространство между длинными обтекаемыми выступами основного корпуса, которые являлись ни чем иным, как плотно состыкованными с центральным стержнем отделяемыми модулями: вдоль оси симметрии исполина располагались пять малых космических кораблей, способных не только совершать автономные полеты в космическом пространстве, но и садиться на поверхность планет.

Прошло около получаса, прежде чем наступила очередная фаза сложного процесса.

По периметру веретенообразного утолщения, диаметр которого равнялся семистам метрам, синхронно включились струйные двигатели, и средняя часть космического корабля вдруг начала медленно поворачиваться вокруг центральной оси симметрии. Это движение ускорялось с каждой секундой, и настал миг, когда двигатели отключились. Теперь средняя часть корабля вращалась со скоростью двадцати метров в секунду, что создавало в отсеках искусственную силу гравитации, равную четырем десятым привычного земного тяготения.

Для специалиста этот факт мог свидетельствовать лишь об одном — во вращающейся части в ближайшее время появятся люди, которым, в отличие от автоматических систем, необходима минимальная гравитация, чтобы их действия были более точными и эффективными, чем в условиях невесомости.

Корабль тем временем начал плавный разворот, а затем кормовая сфера внезапно разделилась на две разноликие части: обращенное к кораблю полушарие осталось темным, а второй сегмент вдруг озарился ярким сиянием, будто изнутри обшивка кормовой полусферы подвергалась интенсивной накачке, отчего сложная структура ячеистой брони начала испускать интенсивное свечение, которое, вопреки ожиданию, не рассеивалось в пространстве, а образовало направленный световой поток, ограниченный незримым воздействием магнитных полей.

Это заработала силовая установка маршевой фотонной тяги.

Корабль к моменту включения основных двигателей уже закончил пространственный разворот, и теперь командная сфера, внутри которой располагались главные посты управления, была сориентирована в сторону

Марса, выглядевшего на фоне звезд как тускло-серая горошина.

Сияние фотонной установки осветило весь корабль, и теперь среди плотно состыкованных надстроек, между выступами отделяемых модулей можно было прочесть название и принадлежность огромного крейсера:

«„Светоч“

Военно-космические силы России.»

* * *

Перехват по линии лазерной связи.

Источник: Спутник орбитальной группировки корпоративной сети «Фон Браун».

Дешифровка:

«Командиру „Ориона“.

Быть готовым к началу наземной акции вторжения со стороны сил концерна „Новая Азия“. Не осуществлять упреждающих действий по подавлению обнаруженного центра связи. В случае начала силовой акции непосредственные инструкции будут переданы через корпоративную сеть колонии. Глава колониальной администрации Дитрих Фридман утвержден советом директоров на посту командующего всеми силовыми структурами марсианского отдела корпорации, включая единицы флота космического базирования».

* * *

Марка Келли поднял с постели ранний неурочный звонок.

Протянув руку, он взял коммуникатор и ответил, не включая дисплей визора:

— Келли, слушаю.

— Это я хотел бы кое-что услышать от вас как от начальника службы корпоративной безопасности, — без приветствий и вступлений прозвучал раздраженный голос Фридмана.

— В чем дело? — остатки сна мгновенно улетучились.

— Не по коммуникатору. Жду вас в офисе. — Коммуникатор отключился, и в комнате повисла звонкая тишина.

Марк, вздохнув, встал:

— Генри, выводи машину. Я сейчас оденусь и спущусь.

— Понял.

Келли стал быстро одеваться. Неделя, истекшая со дня памятного посещения усадьбы Дейвида Мошера, успела порядком утомить его.

Бесконечные переезды, гнетущее чувство подсознательной угрозы, невольные размышления о колонии и своей судьбе, которая была слишком тесно переплетена с корпорацией, чтобы просто взять и обрубить все нити, связывающие его с «Фон Брауном», постоянное ожидание внезапного развития событий — все это вместе взятое держало его в напряжении, ломая привычный режим, выбивая из колеи…

«Что еще могло стрястись на мою голову?» — неприязненно думал он, покидая очередной гостиничный номер. Его раздражал тот факт, что Мошеру удалось-таки заразить его паранойей, но бесконечные перемещения, хитроумные ловушки, которые он расставлял ради собственной безопасности, не давали никаких видимых результатов, — жизнь вокруг текла, как обычно, только он мотался из сектора в сектор, все чаще подумывая — уж не обвел ли его Мошер вокруг пальца? Может, все-таки именно он и есть тот самый «доброжелатель», что выбил его из привычного жизненного уклада своим безобидным на первый взгляд электронным посланием.

«Все, сегодня буду ночевать дома. Хватит…» — раздраженно подумал он, садясь в машину.

— Куда? — коротко осведомился Генри.

— В центральный офис. Звонил Фридман. Что-то стряслось.

«Нет, слишком много информации слито мне, чтобы ситуация в конечном итоге не получила развития…» — подумал Келли, глядя, как мелькают за тонированным стеклом «Дэйша» молодые лесопосадки.

Бортовой хронометр машины показывал четверть пятого.

* * *

Без двадцати минут пять машина Келли остановилась подле главного офиса колониальной администрации.

— Останешься тут. — Марк по привычке дождался, пока Генри просканирует прилегающую местность, и вышел только после его разрешающего кивка.

В многоэтажном здании офиса, несмотря на ранний час, светилось несколько окон.

Поднявшись по эскалатору, Келли миновал свой кабинет, направившись к Фридману.

Дитрих с нетерпением ждал его, расхаживая по подиуму личного конференц-зала, где обычно проводились все важные совещания с участием начальников отделов.

— Наконец-то, — произнес он, увидев в дверях фигуру Келли. —

Какого черта вас не застать дома? Прячетесь от азиатов?

— Нет, — буркнул в ответ Марк. — Что случилось? — повторил он свой вопрос.

— Хотелось бы задать данный вопрос вам, но коль скоро я должен заниматься всеми делами без разбора, то полюбуйтесь — вот что я получил сегодня на накопитель своего личного терминала. — Дитрих коснулся сенсора пульта дистанционного управления, и один из демонстрационных экранов ожил, показывая крупный план гористой местности. В поле зрения видеокамеры попала глубокая темная расселина и три человеческие фигурки, остановившиеся на краю разлома марсианской коры.

Присмотревшись, Марк узнал Курта Штиммеля, одного из сотрудников своего отдела, и уточнил:

— Насколько я понимаю, это поисковая партия? Русский археолог и два наших сотрудника, выделенные для сопровождения?

— Совершенно верно, — ответил Фридман, не глядя на экран. Очевидно, он уже успел несколько раз просмотреть полученную запись.

«Интересно, кто вел наблюдение? Я не давал подобных поручений, да и по настроению Дитриха сложно предположить, что видеоконтроль над перемещениями археологической команды установлен с его ведома».

Дальнейший просмотр записи, которую кто-то умело смонтировал перед отправкой, вырезав рутинные, не несущие информации промежутки, прошел в полной тишине, если не учитывать звуки, сопровождающие видеоряд.

Келли сел в ближайшее кресло.

Сжатые до размеров пятнадцатиминутного ролика события не вызывали ощущения фальсификации, съемка сопровождалась вживленными в видеоряд данными, снятыми со сканеров, которыми была оснащена система видеонаблюдения.

— Ну? — обернулся Фридман, когда тоновый сигнал возвестил об окончании демонстрации.

Марк молча смотрел на погасший экран.

— Повтор, пожалуйста, — произнес он.

— Вам что-то неясно? — По тону Дитриха было понятно, что он с трудом удерживает в себе вспышку праведного гнева. — Боевики Ляо выследили и уничтожили группу Багирова. Более того, они завладели уникальными образцами, которые русский археолог изъял из этого непонятного вкрапления в скальный монолит. Они убили гражданина России, двух наших сотрудников, один из которых, оказывается, работал на них. Мне присылают видеоотчет о событиях по каналам засекреченной

корпоративной связи, в то время как начальник службы безопасности без дела мотается по всем секторам освоения!

— Повтор, пожалуйста, — сдержав эмоции, вновь попросил Келли.

Дитрих раздраженно подал ему пульт.

Марк уже был собран, как туго сжатая пружина. Все посторонние мысли улетучились сами собой, рассудок сосредоточился на событиях видеозаписи.

Он чувствовал, что она каким-то образом связана с полученным неделю назад электронным посланием, но в данный момент предчувствия не принимались в расчет — нужно было смотреть на достоверные документальные факты и искать, ловить в них частицы той информации, что проходила мимо внимания, закамуфлированная впечатляющим видеорядом.

Генри?

Имплант, расположенный за ухом Келли, едва приметно моргнул точечным светодатчиком.

На связи.

Снимай данные со зрительного нерва. Анализируй.

Келли остановил кадр, когда на экране крупным планом появилось изображение диверсанта, поднимающего на площадку верхнего скального выступа бездыханное тело своего напарника.

Кадр был удачным, во-первых, на нем было отчетливо видно лицо мертвого азиата, с которого исчезла дыхательная маска, и Келли тут же набрал код опознания на личном карманном компьютере, постоянно соединенном с корпоративными базами данных.

Во-вторых, на изображении отчетливо просматривался забрызганный кровью Роберто Маскани прозрачный пакет, в котором предположительно находились микрочипы, собранные Багировым и Штиммелем с поверхностных слоев впрессованного в каменный желоб древнего механизма.

Третьим, на что обратил внимание Генри, оценивающий информационную картину со своей точки зрения, были два непонятных продолговатых приспособления, размером с детскую ладонь, которые впились своими механическими лапками в экипировку мертвого диверсанта.

«Вероятно, древние механизмы, — бесплотный голос Генри звучал в голове Келли. — Если анализировать только внешние данные, применяя известные технические закономерности, их кибернетические компоненты должны быть в сотни раз меньше, чем чипы, собранные в пакет. Ты видел

пример древних нанотехнологий, Марк. Нет нужды раскрывать Дитриху мою сущность, но ты должен осведомить его: здесь имеет место грубая фальсификация. Чипы в пакете не могут принадлежать той расе, что изготовила прицепившиеся к мертвому телу механизмы. Между ними, с моей точки зрения, просматривается явная технологическая пропасть…»

— Ну? — раздался голос Фридмана. — Я жду комментариев.

Марк взглянул на дисплей своего компьютера:

— Система опознала личность мертвого боевика. Сен Кимер Ган, десять лет назад объявлен на Земле в общепланетный розыск.

— Как вы проморгали Маскани? — не обратив внимания на ценность полученной информации, взъярился Дитрих. — Сколько еще агентов, завербованных Ляо, действует у нас под носом?

— Может быть, стоит найти режиссера данного ролика и допросить его? — с вызовом ответил Келли. Обвинения в его адрес были серьезными, и он не собирался снимать с себя ответственности, но разве сейчас время для карательных санкций? Нужно проглотить горькую пилюлю и действовать, работать на упреждение, чтобы…

«Ни слова больше, Марк. Не сообщай ему о сделанных мной выводах».

«В чем дело, Генри?»

«В твоих руках пульт дистанционного управления. На нем отпечатки пальцев Дитриха Фридмана и его ДНК. Умерь тон и постарайся больше не провоцировать его».

«Кто он?»

«Позже, Марк. Я проверяю информацию. Уходи оттуда под любым предлогом. Я скопировал запись. Есть как минимум один человек, который сейчас точно нуждается в твоей помощи»

Их мысленный диалог был прерван раздраженным голосом Дитриха:

— Опознание мертвого боевика — это все, на что способен начальник отдела корпоративной безопасности?

Марк поднял на него тяжелый взгляд:

— Что вы хотите, господин Фридман? Свалить на меня ответственность за случившееся?

— Мне незачем это делать. Вы и так несете перед корпорацией всю полноту ответственности, но в данном случае мне придется пойти на крайние меры. Я вижу вашу некомпетентность. Вы отстранены от должности, если не способны ни предотвратить, ни толком прокомментировать действия диверсионной группы наших конкурентов, которые завтра могут превратиться в открытых агрессоров.

Марк порывисто встал, но предупреждение Генри заставило его удержаться от резких высказываний.

— Я арестован?

— Вы сняты с должности. На двенадцать часов назначено совещание руководителей отделов колониальной администрации, где я объявлю о кадровых перестановках. Постарайтесь не опоздать на это важное мероприятие.

Келли угрюмо посмотрел на Дитриха:

— В таком случае я свободен?

— До полудня. Советую не покидать здание офиса… а впрочем, мне все равно. — Фридман вел себя импульсивно, нелогично, вот и сейчас он просто отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Келли еще несколько секунд постоял в нерешительности, а затем просто вышел, недоумевая, зачем Дитрих продемонстрировал ему запись, если загодя решил сместить начальника отдела безопасности с занимаемой должности?

Не покидать здания…

Мысль была неприятной. Он не боялся ни совещания, ни унизительной процедуры, которую явно заготовил для него Фридман, от всего произошедшего возникало лишь чувство злого недоумения.

Дистанционно общаться с Генри было опасно, Дитрих мог пойти на санкционирование прослушивания диапазона его личной мнемонической связи.

«Он загоняет меня в тупик. Пытается сбить информационными ударами, заставить усугубить свое положение еще одной промашкой или глупостью, каким-нибудь необдуманным спонтанным действием».

Сразу вспомнилось, о чем говорил ему Мошер.

Уж не Фридман ли автор того злополучного электронного письма?

«Нужно найти способ побеседовать с Генри», — с такой мыслью Келли, сбитый с толку внезапными событиями, покинул конференц-зал, так и не поняв, ради чего, собственно, вызывал его Фридман.

* * *

В пяти миллионах километров от Марса. Борт крейсера «Светоч»…

Сигнал тревоги выл, не умолкая.

На борту космического крейсера некоторые атрибуты, сопровождающие возникновение нештатных ситуаций, выглядели как

минимум нелепо — даже среди торжества ультрасовременных технологий нашлось место нескольким стойким анахронизмам, резко, неоправданно диссонирующим с реальными требованиями, предъявляемыми к личному составу космофлота и подразделениям космодесанта.

Для эффективной работы в условиях дальнего космоса требовалось прежде всего мужество, хладнокровие, собранность и здравомыслие, а надсадный звук ревуна вкупе с периодическими вспышками красноватого освещения отсеков казались в этом смысле нелепыми и излишними.

…Капитан Шевцов открыл глаза.

Тревога. Это чувство первым вторглось в пробудившийся разум, когда тело еще пребывало в состоянии вялой беспомощности после сверхглубокого сна, а перед глазами плыл и двоился низкий ячеистый потолок отсека, где среди ровного сияния осветительных панелей злобно и ритмично взмаргивали секции тревожной сигнализации.

Дурацкое наследие прошлого, бесполезное и ненужное по той причине, что ни один из пробуждавшихся в этот момент бойцов не мог вскочить, спешно облачиться в экипировку и бежать, следуя настойчивому зову указующих надписей. Минимальное время, необходимое для восстановления дееспособности мышц, составляло от десяти до пятнадцати минут, в зависимости от индивидуальной моторики* организма, и капитану оставалось одно: лежать в ожидании, пока подействуют метаболические стимуляторы, бессмысленно гадая, что случилось.

Благо офицерский состав пробуждался первым, автоматика каждой двадцатой камеры имела пятиминутную фору, и Шевцов, едва ощутив, как по вялым мышцам побежали спонтанные волны непроизвольных сокращений, заставил себя сесть.

Злобный свет подстегивал разум, но пояснительные надписи на информационных экранах были недоступны осмысленному пониманию — буквы двоились, не желая складываться в слова.

Такое состояние являлось естественным следствием экстренного пробуждения, когда препараты, обеспечивающие сверхглубокий сон, резко прекращали свое действие, а на смену им приходили стимуляторы жизнедеятельности. Подобный взаимоуничтожающий конфликт крайностей приносил неизбежный вред и, как правило, являлся вынужденной мерой.

Преодолевая дрожь, капитан сполз с наклонного ложа и, удерживаясь одной рукой за низкий бортик камеры, утвердился на непослушных ногах. Ощущения жизни возвращались, но тело все еще пребывало в состоянии

крайней слабости, лишь очнувшийся разум остро реагировал на данность, подстегивая к действию.

Он сделал шаг по проходу между двумя рядами камер сверхглубокого сна, в которых сейчас пробуждались бойцы его взвода.

Десять метров, отделявшие Шевцова от приборной панели, дались с неимоверным трудом, но он все же преодолел их, первым долгом вырубив надсадный ревун и лишь после этого коснувшись сенсора внутренней связи.

— Командный, вас вызывает двенадцатый модуль. На связи капитан Шевцов. Сообщите данные обстановки.

Интерком моргнул индикаторами связи, и на экране появилось лицо вахтенного офицера.

— С пробуждением, капитан. У вас минимум времени на раскачку. Через два часа выходим в точку «Ч» для получения боевого приказа.

— Конкретнее?

— Двигаемся в сторону высоких марсианских орбит. Не знаю, что там стряслось.

Шевцов с усилием кивнул, прислушиваясь к нестройному шипению пневматических приводов, поднимающих к потолку прозрачные колпаки камер.

Гадать, в чем заключается предстоящее задание, было бессмысленно, все прояснит тактическое совещание у командира, но сам факт экстренного пробуждения десантных подразделений говорил о внезапности каких-то событий и предстоящей высадке в колонии…

— Вас понял. Поднимаю взвод. Доложу по готовности.

* * *

Марс. Горный массив за пределами освоенных территорий.
Внутри древней конструкции…

В кромешной тьме с гулким перестуком падали мелкие камушки, издавая шорох и скрежет, распространяющиеся вне деформированных стен древней конструкции.

Судя по всему, осадка скальных пород уже прекратилась.

Багиров лежал на полу, ощущая солоноватый привкус крови во рту. Он пришел в сознание несколько минут назад, но до сих пор не понимал, каким чудом остался жив. Взрыв вакуумной гранаты не должен был оставить ни одной целой косточки в его теле, и тем не менее он не ощущал иных травм, кроме сильного ушиба головы при падении.

Чудес не бывает… Он со стоном привстал, опираясь на левую руку, в то время как правая шарила по холодному полу в поисках слетевшего при ударе шлема с закрепленным на нем фонарем.

Экспедиция использовала экипировку и оборудование горняков, дополненное специально модифицированными сканерами. Сейчас на Багирове был надет комплект снаряжения, включающий в себя, помимо электронных систем и геологических приспособлений, средства выживания. Небольшие по размерам тубусы с водой, пищевыми таблетками, аптечкой первой помощи, сигнальными средствами, дополнительными элементами питания и набором стимулирующих препаратов вшивались в снаряжение горняков как нечто само собой разумеющееся. Отдельные элементы комплекта выживания занимали немного места и были распределены таким образом, чтобы не стеснять движений, поэтому о них вспоминали, лишь оказавшись в критической ситуации…

Рука наконец нашла откатившийся в сторону пластиковый шлем с фонарем. Удар, отшвырнувший Багирова к стене, вырвал из гнезд соединительные разъемы, связывающие электронные системы с проекционным забралом, но в данный момент его больше беспокоил фонарь.

Пальцы на ощупь прошлись по гладкой поверхности в поисках прямоугольного выступа, под которым скрывалась автономная панель управления. Поддев ногтем защитный кожух, Иннокентий Осипович коснулся сенсоров, прислушиваясь к тональному писку сигналов.

Наконец палец попал на нужную псевдокнопку, и фонарь заработал, осветив пространство древнего зала.

Посмотрев в сторону прохода, Багиров понял, почему остался жив. Тоннель был заблокирован толстой аварийной переборкой, которую вмяло внутрь той силой, что сокрушила тоннель, вызвав обвал горных пород.

«Неужели спустя столько лет здесь все еще работает автоматика, которая не только заранее распознала угрозу, но и сумела ответить на нее адекватными действиями?»

Мысль показалась ему абсурдной, но с фактами не поспоришь… Опустись переборка вследствие взрыва, Багиров был бы мертв. Нет, проход был заблокирован за мгновение до рокового удара, но, внимательно осмотревшись, он по-прежнему не смог обнаружить никаких признаков, указывающих на активность древних систем. Небольшие покатые выступы, похожие на приборные панели, выглядели абсолютно статично — ни световой индикации, ни каких-либо звуков, ни активных магнитных

полей…

Пытаться угадать, в каком направлении двигалась техническая мысль исчезнувшей тридцать миллионов лет назад цивилизации, было как минимум самонадеянно, он ровным счетом ничего не знал о технологиях марсиан…

Мысли роились в голове, причудливо переключаясь с одной проблемы на другую, и главная, самая значимая из них, прошла в общем потоке ощущений не так болезненно, как можно было бы ожидать…

Посмотрев на деформированную переборку, Иннокентий Осипович подумал, что теперь он замурован в этом зале с обеих сторон.

За спасшей его преградой лежал пятидесятиметровый отрезок заваленного каменными обломками коридора, это он знал наверняка, и его голова машинально повернулась, освещая ту часть зала, где имелся второй проход, вскрывать который еще полчаса назад казалось ему неоправданной поспешностью.

Теперь все изменилось, хотя мог ли он всерьез рассчитывать, что за древней дверью, зажатой покосившейся металлической коробкой, его ждет спасение?

Маловероятно, учитывая, что древний комплекс уходил в глубь скального массива.

Впрочем, надежда всегда умирает последней, а сидеть на полу в бездействии Багиров не собирался.

* * *

Неизвестный режиссер разыгравшейся в горном ущелье драмы отчетливо представлял, с кем имеет дело и какие последствия будут иметь произошедшие события.

Все, что могло показаться диким, непонятным, а порой попросту необъяснимым с точки зрения стороннего наблюдателя, легко находило обоснование здесь, непосредственно в зоне освоения концерна «Новая Азия».

История не терпит революций…

Неизвестно, кому принадлежало авторство данной фразы, политику, философу или просто мудрому человеку, вкусившему в своей жизни тяготы радикальных перемен, но в ней, несмотря на кажущуюся неточность, заключен глубокий смысл.

История, конечно, терпит все. Она — лишь наша память о былом, возведенная в ранг гуманитарной дисциплины, а революционные потрясения пагубны для самих людей.

Однако есть одна форма стремительных преобразований, которую принято причислять к термину «прогресс». Это революция научно-техническая, не имеющая на первый взгляд ничего общего с политическими процессами.

На самом деле это не так. Новейшие достижения науки и техники являлись движущей силой многих войн, причиной взлетов и падений отдельных государств; на фоне стремительного прогресса современных технологий постоянно росла пропасть между отдельными народами, и в ходе этого сложного, многогранного процесса человечество, не заметив того, перешагнуло главный закон эволюционного развития, когда сильнейший уже не получал преимущественного права на выживание, а всего лишь лидировал в той или иной области…

К середине двадцать первого века стремительный прорыв в сфере высоких технологий полностью нивелировал человечество. Мы гордимся успехами демократии, победой разума над инстинктами, порой не замечая, что некоторые индивиды попросту не воспринимают прогресс. Есть категория людей, пользующихся плодами научно-технической революции, в то время как их души все еще пребывают во мраке средневековья, — свет истинных знаний и обилие ультрасовременной техники попросту не в силах рассеять мглу их морального невежества.

Келли был прав, когда думал, что Марс, будто зеркало, отразил наиболее крайние, контрастные черты развивающейся метрополии.

С одной стороны лежал сектор «Фон Брауна» — образчик корпоративного мышления, где большинство личностей служили общим идолам: деньгам и карьере, обеспечивая рай для горстки избранных.

Небольшое пятно американских территорий казалось символом заката некоторых государств — тут было тихо, чисто… и почти безлюдно. Россия на протяжении всей колониальной программы не вступала в территориальную гонку, но осуществляла неизменно более качественные преобразования марсианских пространств, стремясь придать им не только эстетику рукотворных ландшафтов, но в первую очередь создать самодостаточные биосферные комплексы, требующие серьезных усилий, вдумчивого подхода… потому что именно они могли в ближайшем будущем коренным образом изменить облик колонии.

Что же видел взгляд, переместившись к территориям новоазиатского концерна?

Здесь все разительно менялось, несмотря на кажущуюся схожесть инфраструктур. Действительно, те же тщательно спланированные дороги, города, поселки, но между ними лежала фактически мертвая земля, лишь

кое-где испятнанная островками чахлой растительности, чьи семена занес сюда ветер.

На ограниченной территории концерна проживало больше людей, чем в остальных секторах вместе взятых. Рядом с городами и промышленными центрами ютились небольшие деревушки. Отвалы вулканической почвы, из которой подвижные рудодобывающие комплексы уже высосали все сколь-либо ценное, высились коническими горами, создавая ощущение, что тут хозяйничает какой-то мифический демон…

Образчики высочайших технологий, соседствующие с убогими поселениями, вызывали чувство стойкого недоумения — зачем эти люди прилетели в колонию? Разгадка была проста — им казалось, что тут существует рай. Они, как и клиенты «Фон Брауна», отдавали все, чтобы попасть на Марс, но, в отличие от корпоративного сектора, здесь никто не предоставлял поселенцам шикарных усадеб и человекоподобной прислуги. По большому счету перевозчикам, работающим на концерн, было все равно, что станет с пассажирами межпланетных рейсов, и поэтому сектор неудержимо полнился. Здесь появилась масса неустроенных, ненужных людей, чья жизнь ценилась дешевле, чем сложный сервомотор человекоподобной машины…

…Майлер не ошибался, когда полагал, что глава семьи Ляо, Цинь Хуань, чувствовал себя на Марсе вполне комфортно.

Конечно, он понимал, как сильно отличается подконтрольный ему сектор от остальных, освоенных людьми колониальных территорий, но властность, упрямство и ложное чувство собственной непогрешимости не позволяли ему обращать внимание на мелочи, тем более что из столицы сектора не было видно окружающего ее убожества.

Здесь, в резиденции семьи Ляо, росли деревья и изобиловали кибермеханизмы, город без названия выглядел, как сложный и совершенно неэстетичный синтез вычурных зданий и высокотехнологичных, приносящих баснословные прибыли производств.

Цинь родился на Земле, в шикарном дворце, и, как следствие, с детства впитал привычку к неограниченной власти. Двадцатипятилетним он принял на себя командование силами концерна в поясе астероидов и после поражения бежал в колонию.

Налет цивилизованности этого человека исчезал сразу, стоило лишь углубиться в его мысли. Он инстинктивно презирал все окружающее, не делая разницы между машинами и людьми, из которых по его приказу формировались рабочие и военные подразделения — одни тайно, другие явно, в зависимости от конкретной обстановки и конечных целей, знать

которые мог лишь он сам.

При этом Цинь был далеко не глуп. Качества души не мешали развиваться рассудку, но они извращали любую конечную цель, низводя замыслы Цинь Хуаня до уровня самовлюбленного невежества.

Он вынашивал планы оккупации Марса, мнил себя великим стратегом, вел успешный бизнес, жестко правил своим сектором, формируя в нем нечто схожее со средневековым государством, в то время как его действиями управлял не разум, а глубоко уязвленное чувство самолюбия, — четверть века, минувшая с момента окончания астероидного кризиса, не вылечила, а лишь превратила кровоточащие душевные раны в саднящие гниющие язвы…

Такие люди не редкость. Их много на Земле, но там их сдерживает общепланетная политическая система взаимной безопасности, в рамках которой практически невозможно реализовать прямолинейные агрессивные амбиции. Здесь же, на удалении в сотни миллионов километров от стройной системы взаимного сдерживания, успешно разросся готовый лопнуть нарыв властных амбиций, замешанных на ненависти и ущемленном самолюбии.

* * *

Сектор освоения концерна «Новая Азия». Зона роботизированных производств, лаборатория перспективных разработок…

Микрочипы лежали на лабораторном столе, резко контрастируя с его белой стерильной поверхностью.

Тонкие манипуляторы брали их, аккуратно вставляя в соответствующие по размеру углубления на специально смонтированном стенде.

Процесс проходил за толстым многослойным бронестеклом. В опасной зоне работала лишь автоматика, три человека наблюдали за ходом работ из операторской комнаты, чувствуя себя вполне спокойно.

Испытательно-исследовательский стенд, куда внедрялись микрочипы, был надежно изолирован от основных компьютерных сетей, да и сама лаборатория перспективных разработок являлась наглухо отрезанным автономным помещением с локальной кибернетической системой. В том случае, если древние микрочипы несли опасность, пострадать могло лишь оборудование нескольких помещений, которое легко восполнимо.

Здесь не ощущались характерные особенности, господствующие в секторе освоения концерна. В зоне высокотехнологичных производств

работали исключительно грамотные специалисты. Собственно, это они обеспечивали процветание семьи Ляо, совершенствуя выпускаемую на заводах робототехнику.

Внеочередное техническое задание, присланное в лабораторию вместе с непонятными чипами, не воспринималось этими людьми как что-то экстраординарное — им даже не сообщили, откуда доставлены эти фрагменты кремния.

Процесс изучения артефактов не предполагал захватывающего стремительного действия, он был рутинным, как любое тестирование, когда не знаешь, с какой стороны подступиться к незнакомой схеме устройства, и первоначальная стадия исследований полностью перепоручалась кибернетической системе, которая будет часами, а может быть, неделями перебирать варианты, подключая питание и информационные шлейфы к обнаруженным контактам, пока тысячная или миллионная по счету попытка не даст вразумительного, поддающегося анализу результата, поэтому, дождавшись, когда все микрочипы будут установлены в предназначенные для них гнезда, трое наблюдателей покинули операторскую комнату.

Когда будет обнаружено что-либо заслуживающее внимания, кибернетическая система оповестит их.

* * *

Древний комплекс внутрискальных помещений…

Обследовав еще раз дверь и аварийную переборку, Иннокентий Осипович вернулся в центр помещения, где было меньше обломков, и сел на пол, вытянув ноги.

Спасение от взрыва грозило обернуться долгой мучительной агонией, если он не найдет практического решения задачи.

Прошло уже два часа после трагических событий, но в замурованный с обеих сторон зал не доносилось ни звука — ни снаружи, со стороны расселины, ни изнутри древнего комплекса.

«Погребен заживо», — таков был вердикт рассудка.

Даже если коридор, ведущий к расселине, не завален каменными обломками на всем протяжении пятидесятиметрового отрезка, справиться с опустившейся за мгновение до взрыва аварийной переборкой Багиров не мог. Скользнув по направляющим, она прочно перекрыла проход.

Внимательно отсканировав преграду, он получил неутешительные данные. Тридцать сантиметров неизвестного сплава, основу которого

составляла хромистая сталь. Плита деформировалась и частично выскочила из направляющих, что в корне пресекало надежду на использование какого-либо подъемного механизма.

Оставалась смятая, покореженная давним катаклизмом дверь, ведущая в неисследованные недра комплекса. Ее толщина составляла всего три сантиметра, и плазменный резак вполне мог справиться с подобной преградой.

Нервозность первых минут после внезапного нападения давно отступила, и, исследуя дверь, Багиров действовал спокойно, даже взвешенно, словно речь шла не о жизни и смерти.

Он понимал, откуда проистекает хладнокровие, но, вопреки жизненным привычкам, не протестовал против пробуждения своей второй личности.

Много лет он держал ее в плену самоконтроля, понимая, что на Земле никто не поймет молодого космодесантника с явно сорванной крышей, его могли лишь осудить за неадекватное поведение в обществе.

Поначалу ломка была трудной. Год он балансировал на грани сумасшествия либо самоубийства — после мрака космоса, холода крионических ячеек, простых и понятных взаимоотношений с ребятами из взвода земное общество показалось ему отвратительным, если не сказать больше.

Ему пришлось дважды войти в одну и ту же реку, он заставил себя сделать это, вопреки древнему утверждению о невозможности подобных попыток.

После выписки из госпиталя он понял, что окружающие его люди совершенно иные, не похожие на ребят из космодесанта. Он не брался судить, но остро чувствовал разницу. В обществе, в которое ему невольно пришлось влиться, не было даже намека на единство, огромный мегаполис создавал лишь видимость общности миллиардов проживающих в нем людей, а на самом деле каждый был сам за себя, и, по большому счету, всем им, за редким исключением, было наплевать на то, что где-то в глубоком космосе, за десятки миллионов километров от родной планеты, лежат в анабиозных ячейках молодые парни, которых выводят из состояния ледяного сна лишь затем, чтобы бросить навстречу смерти.

Они защищали Землю, рискуя и отдавая жизни, а здесь едва ли помнили о них.

Казалось, что между колыбелью человечества и дальним космосом пролегла незримая граница, некая зона полного морального отчуждения, и это являлось правдой.

Большинство граждан Земли твердо знали, что никогда не покинут родную планету, туда улетали либо избранные, либо изгнанные, в зависимости от обстоятельств, и в представлении рядового обывателя Марс, пояс астероидов и даже лунные города находились в ином, недоступном, а главное — ненужном им измерении.

Дальний космос редко и неохотно отпускал тех, кто пересек его границы, и возвращение на Землю не казалось чудом, а граничило с наказанием.

Проблема заключалась в том, что к моменту своего ранения Багиров провел два десятилетия на борту крейсера ВКС России и вернулся на совершенно незнакомую планету, где успело смениться целое поколение.

Что он увидел, что почувствовал на Земле?

Тотальное перенаселение, шикарные, по сравнению с тесными отсеками космического корабля, условия жизни, и странное, а порой и страшное равнодушие людей друг к другу, не оправданная ничем агрессия, когда пара неосторожно оброненных слов не обернется шуткой и дружеским толчком в плечо — здесь бились насмерть, но по пустякам.

Какой выбор был у него четверть века назад?

Сломать систему он не мог, ломаться самому не хотелось, и он решил, что единственный способ выжить для него лично — это уйти от реальности, оставаясь при этом на незримой границе общественных связей.

Звучит немного сложно, но он привык к таким мысленным формулировкам, которые охватывали бы суть проблемы — так учили их, рядовых бойцов.

Логика, эрудиция, здравый смысл и честь — этого требовали от них в учебных центрах, где проходил жесткий отсев кандидатов.

Уйти от реальности… Легко задумать, но трудно осуществить, и Багиров не раз обжигался, прежде чем нашел себе «социальную нишу».

Инок был спрятан в глубинах души, отправлен в бессрочную ссылку на самое донышко памяти, а вместо него на свет появился Иннокентий Осипович, угрюмый и чудаковатый, но честный и исполнительный сотрудник Института археологии, который не чурался полевых работ, предполагавших трудный быт, тесный коллектив и кропотливый поиск частичек древности, чудом уцелевших под позднейшими наслоениями цивилизации…

И вот Инок вернулся…

Пришел быстро и безболезненно, будто и не пропадал никуда.

Странно, но вместо закономерного в его ситуации отчаяния Багиров чувствовал облегчение, будто он освободился из плена.

Все казалось предельно ясным, как и много лет назад. Либо у него хватит мужества, физических сил и профессионализма, чтобы выбраться отсюда, либо нет.

Третьего не дано, да и ни к чему. Только сейчас он честно признался самому себе, как смертельно надоели ему полутона, полумысли, ополовиненные чувства, где все является сплошным компромиссом между порывами души и данностью бытия.

…Сидя на полу, он вскрыл индивидуальный запас, произвел его ревизию и, проглотив две капсулы — одну пищевую, а вторую со стимулирующим препаратом общего действия, — решительно встал, направляясь к двери, ведущей в глубь загадочного комплекса.

Теперь его мысли обрели четкую направленность, и Багиров, машинально принимаясь за привычную для него работу, впервые с момента обнаружения полости, глубоко задумался над ее истинным смыслом.

Действительно, почва для размышлений была, причем весьма плодородная, но за стремительностью событий, когда одно открытие следовало за другим, не было времени остановиться и подумать — так ли все однозначно, как подсказывал поверхностный осмотр артефактов?

Если это сооружение принадлежит древней марсианской цивилизации, то почему оно имеет форму и внутреннюю структуру, схожую со строением защитного бункера либо… космического корабля?

Последняя мысль обожгла своей правдоподобностью.

Курт был абсолютно прав, когда утверждал, что Марс уже достаточно исследован и на протяжении столетий первопроходцам не попадалось ничего, даже отдаленно напоминающего артефакты древней расы; более того, изучение осадочных пород выявило наличие простейших одноклеточных форм жизни, которые могли расцениваться как доказательства зачатков былой марсианской биосферы, но никак не ее миллионолетней эволюции…

Нет ни культурного слоя, ни руин городов, погребенных под вулканическими породами, зато обнаружено несколько видов простейших организмов, к которым теперь можно смело добавить раздавленный скалами кибернетический механизм и это странное сооружение.

Такие следы вполне могли оставить люди, если бы программа освоения Красной планеты была оборвана на своей начальной стадии, когда на Марсе существовало лишь несколько глубоко эшелонированных, защищенных от внешней среды поселений, а над поверхностью планеты периодически распылялись специально выведенные формы простейших организмов, способных существовать в углекислотной среде, выполняя

полезную работу по преобразованию атмосферы и мертвых вулканических равнин.

Колония… — вот слово, которое настойчиво предлагал рассудок. Неужели древний Марс уже пытались колонизировать выходцы с иной планеты? — думал Багиров, осторожно подрезая плазменным резаком крепления деформированной двери.

Такое предположение порождало закономерный вопрос: откуда прилетели существа, пытавшиеся освоить марсианские просторы?

Явно, что не с Земли, но другие планеты, обращающиеся вокруг Солнца, совершенно не подходят для развития на них органических форм жизни. Выходит, наиболее вероятным будет предположение о выходцах из иной звездной системы?

Если это космический корабль, а не фрагмент древнего бункера поселенцев, у меня есть реальный шанс выбраться наружу… — Мысли Инока приобрели практическое направление. Он был хорошо знаком с основными конструктивными и технологическими особенностями строительства космических кораблей и интуитивно догадывался, что избежать аналогичных решений не сможет ни одна раса… То есть даже если существа, которым принадлежала данная конструкция, абсолютно чужды людям, в их механизмах должны присутствовать определенные технические решения, продиктованные условиями космического пространства.

Теперь он с большой долей вероятности мог предположить, что, двигаясь в глубь неисследованной конструкции, он рано или поздно обнаружит подобие аварийных выходов или систему технических коридоров, расположенную между внешней и внутренней обшивкой.

Это могло стать прямым путем к спасению.

Погасив плазменный резак, Багиров дождался, пока остынут сделанные им надрезы, и навалился плечом на покореженную дверь.

Раздался протяжный металлический скрежет, за которым последовал звонкий лязг, — это деформированный фрагмент металла провалился в пустоту, открывая доступ в соседнее помещение.

* * *

За образовавшимся проходом царил такой же густой мрак, луч фонаря медленно скользил по близко расположенным стенам, указывая, что пред Багировым открылся очередной участок коридора.

Он без колебаний перешагнул порог вырезанного люка и двинулся по проходу.

На этот раз он прошел всего метров пять, не больше. Очередная дверь, преграждавшая путь, оказалась открытой на половину своего хода. Сквозь полуметровый зазор из глубин таинственных коммуникаций сочился неяркий красноватый свет.

В первый момент Багиров, при всем самообладании, невольно замедлил шаг, остановившись перед приоткрытым люком.

«Тридцать миллионов лет… — мысленно напомнил себе он. — Тут все безнадежно омертвело. Ни одна система не выдержит такого забвения».

Он ошибался, но убедиться в этом смог лишь спустя несколько минут.

Протиснувшись в узкий зазор, он очутился в тесной переходной камере, одновременно исполнявшей роль шлюза и развязки четырех перпендикулярных коридоров.

Свет, проникающий в небольшой по площади тамбур, сочился из-за расположенных напротив дверей, которые тоже оказались приоткрытыми, но на этот раз всего сантиметров на двадцать.

Кроме красноватого сияния, он ощутил ток теплого воздуха, пахнувшего резко и неприятно. В нем угадывался запах сероводорода, и Иннокентий Осипович поспешил надеть кислородную маску, опустив поверх нее проекционное забрало шлема.

Включив инфракрасный сканер, он тут же увидел зафиксированный прибором термальный всплеск, источник которого располагался метрах в ста, за приоткрытыми дверьми.

Датчики радиоактивности молчали, и он, немного успокоившись, осторожно заглянул в щель.

Взгляду открылся фрагмент огромного зала, передняя стена которого была либо выполнена из прозрачного материала, либо проломлена на большой площади. Разглядеть подробности не удавалось, в поле зрения попадали лишь непонятные освещенные красноватыми бликами конструкции, отдаленно напоминающие противоперегрузочные системы пилот-ложементов.

«Точно, космический корабль», — подумал Багиров, включая плазменный резак.

Очередная дверь с лязгом рухнула на пол, и он, боком протиснувшись в образовавшийся проем, чтобы не обжечься о его края, оказался в огромном помещении, освещенном тускло-красным сиянием, исходящим от источника, расположенного вовне помещения.

Свет, тепло и устойчивый запах проникали через трещины в некогда прозрачной, а теперь пожелтевшей, покрытой отложениями минеральных солей выпуклой стене, располагавшейся в дальнем от входа торце

помещения.

Откровенно говоря, Багиров ждал, что перед ним откроется рубка управления древнего космического аппарата, — фрагменты интерьеров, увиденные им сквозь щель, вроде бы подтверждали такое предположение, но, оказавшись внутри, он понял, что ошибся.

По крайней мере, картина, открывшаяся взгляду, ассоциировалась в рассудке скорее с залом анабиоза, чем с центральным постом управления.

Пройдя несколько шагов по широкому проходу между массивными, уходящими на десятки метров в высоту конструкциями, он остановился, не в силах двигаться дальше.

Перед ним открылись такие картины, что разум с трудом воспринимал их.

«Нет, это не пост управления и не анабиозный зал…» — подумал Инок, медленно поднимая взгляд, скользя им вдоль элементов одной, произвольно выбранной конструкции.

Сотни трубопроводов, кабелей, покоробленных временем шлангов сплетались воедино, собираясь в пучки и поднимаясь вверх к овальным люкам, расположенным в своде помещения. Когда-то хитросплетение коммуникаций было прикрыто защитными кожухами, которые первыми не выдержали разрушительного течения времени. Обломки пластиковых облицовок лежали на полу или висели на своих местах, покоробленные воздействием высоких температур, намертво прикипевшие к замысловатым коммуникациям, что лишь усугубляло первое впечатление о безнадежной утрате функциональности этого загадочного комплекса.

Осмотрев бросающиеся в глаза детали, Багиров опустил взгляд ниже, на уровень человеческого роста. Многочисленные технические коммуникации у самого пола плавно изгибались, уходя к невидимым из-за их обилия стенам. Между отдельными жгутами были установлены арочные распорки, образующие сводчатые двухметровые проемы.

Не двигаясь, он активировал системы сканирования, но обилие металла и экранировка кабелей не позволили излучению пробиться в глубь технических джунглей.

По его предположениям, от прохода до стены оставалось не менее пяти-шести метров, и Багиров, включив фонарь шлема, осторожно шагнул в темноту, царящую под сводом, сотканным из изгибающихся труб. Луч фонаря разогнал мрак, отразившись змеящимся бликом на поверхности двух плотно пригнанных друг к другу выпуклых сегментов непонятной конструкции, внешне напоминающей тандемный колпак обыкновенной ячейки низкотемпературного сна, однако он не стал делать

скоропалительных выводов, ни на миг не забывая о том, что перед ним расположены устройства, принадлежащие иному разуму.

Что могли скрывать под собой эти матово поблескивающие колпаки?

Инок видел лишь один способ узнать истину: взявшись за выступающий край, он попытался приподнять один из сегментов, но в движение внезапно пришли оба защитных кожуха. Что-то протяжно заскрежетало в приводах невидимого глазу механизма, и два выпуклых колпака податливо пошли вверх, открывая взгляду Багирова содержимое расположенных под ними камер.

Рука едва не сорвалась, мышцы на миг ослабли, когда он увидел лежащие в углублениях скелеты двух существ.

Над головой Багирова раздался скрежещущий звук, и крышки зафиксировались в приподнятом положении.

Отступив на полшага, он, не отрываясь, смотрел на останки тех, кто тридцать миллионов лет назад пытался колонизировать Марс.

Эти существа отличались от людей разве что ростом, — оба скелета имели явно выраженное гуманоидное строение: две руки, две ноги, грудная клетка, позвоночный столб, череп, — все это имело определенную схожесть с элементами человеческого скелета, и в то же время взгляд машинально фиксировал сотни мелких отличий, не давая воображению представить их истинный облик во плоти…

Багиров стоял, не шелохнувшись, пораженный увиденным.

Очевидно, герметизация этого помещения была нарушена очень давно, возможно еще в период катастрофы, о чем немо свидетельствовал желтоватый минеральный налет на впитавших его окаменелых костях.

«Почему они лежат в паре?» — промелькнул в голове закономерный вопрос. Сдвоенный колпак должен был иметь какой-то практический смысл, если это, конечно, не дань неизвестным этическим нормам древней цивилизации.

Мысль показалась Багирову здравой, но тем не менее он невольно сосредоточился на сравнении останков двух существ, которых, несомненно, что-то связывало при жизни.

Секунду спустя он понял, что мысленно попал в самую точку.

Именно связывало…

Холодная дрожь вкрадчиво проползла вдоль спины, когда он разглядел толстый покрытый минеральной коркой жгут интерфейсов, соединяющих черепные коробки инопланетных существ, и сразу же, будто вспышка, пришла догадка, в первый миг показавшаяся дикой.

Внимательно присмотревшись к останкам, Инок с содроганием понял,

что в рассеянном неярком свете фонаря, находясь в состоянии эмоционального шока, он поддался первому впечатлению, восприняв содержимое камер как останки двух биологических организмов.

На самом деле это было не так, — окаменелый скелет лежал в правом углублении, а слева, покрытый обманчивым желтоватым налетом минеральных отложений, покоился эндоостов механизма!..

Превозмогая иррациональный страх, Инок протянул руку, коснувшись перчаткой покатого лба андроида.

Его предположения оправдались, хрупкая желтоватая корка треснула, осыпаясь на дно камеры, а очищенный участок черепной коробки тускло блеснул не подверженным коррозии металлическим сплавом.

Машинально отдернув руку, он запоздало вспомнил о сканерах.

Опустив проекционное забрало шлема, Багиров включил приборы, и на полупрозрачном дисплее тут же высветились контуры двух скелетообразных фигур. Датчики подтверждали — в правой камере лежали окаменелые кости, а слева покоился покрытый коростой сконденсировавшихся из воздуха отложений механический скелет. Черепные коробки мертвого существа и кибернетического механизма были соединены тремя жгутами тонких кабелей.

Изголовья обеих ячеек имели общую приборную панель, в углублениях которой, невидимые из-за вездесущей коросты, были уложены непонятные каплеобразные предметы, около десяти сантиметров в длину. Сканирование показывало, что эти приспособления обладали собственной степенью свободы, в оперативном окне термальной оптики были четко различимы поджатые механические лапки, при помощи которых мини-аппараты вполне могли передвигаться.

Сердце глухо и неровно билось в груди. Однозначно оценить сделанное открытие было невероятно сложно, особенно в таком эмоциональном состоянии, и Багиров, не выдержав, все-таки попятился, выходя из жутковатой усыпальницы в широкий освещенный красноватым сиянием проход.

Вокруг высились десятки подобных сооружений, каждое из которых, вне сомнений, содержало точно такие тандемные камеры.

Понять техническую сторону их предназначения, с точки зрения известных Багирову современных технологий, не составляло особого труда, — он сам носил в правой височной области вживленный в черепную кость имплант, снабженный, помимо гнезда кабельного сетевого соединения, инфракрасным портом удаленного доступа.

Эта разработка являлась совершенно секретной на момент

подписания им контракта с ВКС России, но, вернувшись на Землю после двадцатилетней космической вахты, Багиров убедился, что бытовые импланты получили за это время широкое распространение, заменив морально и технически устаревшие костюмы виртуальной реальности. Новые приспособления предназначались отнюдь не для игр — виртуальный досуг являлся лишь одной из дополнительных функций вживляемых модулей. Их главное назначение заключалось в качественно новой связи между человеком и машинами, когда управление сервисными оболочками сложнейших операционных систем осуществлялось на мысленном уровне, без посредничества примитивных устройств ввода и вывода информации.

Однако оценить увиденное, даже в свете личного опыта работы с имплантами, было чрезвычайно сложно. Одно дело контакт человека с управляющими оболочками вычислительных комплексов, здесь предназначение прямой связи вполне оправданно и очевидно, но возникал вопрос: зачем соединять свой разум с системой кибернетического механизма, сконструированного по образу и подобию живого существа?

Готового ответа у него попросту не было.

Багиров взглянул на часы.

Он провел в этом зале всего десять минут, а кажется, что минула вечность. Он чувствовал не только потрясение, но и крайнюю усталость, будто много часов кряду занимался непосильным физическим трудом. Нервное напряжение отдавалось во всем теле, тупая ноющая боль ломила поясницу и суставы, хотелось сесть на пол и хотя бы минуту не шевелиться, плотно закрыв глаза и не думая ни о чем.

Он действительно сел, но не на пол — на скругленный выступ древней конструкции.

Достав тубу с водой, он приподнял дыхательную маску и сделал несколько маленьких экономных глотков, освежая пересохшее горло.

Кто мог подумать… Он вспомнил о трагических событиях, предшествовавших его невольному заключению внутри инопланетной конструкции, и горькая усмешка скользнула по губам Иннокентия Осиповича, на миг исказив его черты.

Усмехался Инок. Горько, безрадостно, потому что осознавал, как глупы, самонадеянны, эгоистичны и жестоки люди.

На фоне сделанных открытий нападение на экспедицию со стороны азиатов выглядело чудовищным, ничем не оправданным варварством. Что они сделали? Похитили фрагменты находок? Убили свидетелей уникального открытия, чтобы вернуться позже, когда шум вокруг

исчезновения экспедиции уляжется?

Не похоже… Слишком грубо и беспощадно действовали азиаты. Чего стоит подрыв тоннеля, ведущего в этот уникальный комплекс! Судя по всему, кто-то дал им половинчатую, неполноценную информацию, и они клюнули на нее, стремясь во что бы то ни стало заполучить найденные микрочипы, прежде чем об открытии станет известно сотрудникам «Фон Брауна».

Эти преступники действовали по принципу сиюсекундной выгоды. Вряд ли они вернутся на место преступления, чтобы разбирать завалы, освобождая проход. Багиров знал, что все местные производства концерна ориентированы на выпуск робототехники для колонии, и их вполне удовлетворит обладание микрочипами древней цивилизации, исследование которых может дать новый импульс развитию нанотехнологий.

Рассуждая таким образом, Багиров пришел к очевидному выводу: если он не найдет способ выбраться отсюда, то, вероятнее всего, человечество еще долгие годы не узнает о существовании на Марсе уникального артефакта, скрывающего не одну-единственную конкретную технологию, которую можно извлечь, исследуя структуры найденных микрочипов, а тысячи загадок, ответы на которые содержала аппаратура данного комплекса.

Чувствуя себя все так же скверно, он принял еще одну капсулу стимулирующего препарата и встал с решительным намерением искать выход.

Направляясь к дальней стене зала, откуда сочился красноватый свет, Багиров не предполагал, что за его спиной в посещенном несколько минут назад отсеке в данный момент с мелкой вибрирующей дрожью оживали те самые каплеобразные аппараты, которые зафиксировал сканер под ломкой коркой минеральных отложений, покрывающей приборные панели.

Древним устройствам, сконструированным для работы в экстремальных условиях, было достаточно тех импульсов излучения, что исходили от сканирующих систем.

Они очнулись, миллионолетнее забвение закончилось, и компактные модули, распрямив суставчатые лапки, распределились по двум камерам, скрупулезно исследуя состояние их содержимого.

К чему должен был привести этот процесс, ведали лишь создатели древней конструкции.

Глава 7

Сектор освоения корпорации «Фон Браун». Центральный офис колониальной администрации…

Решая, как поступить, Келли задержался у окна в конце длинного коридора. Было начало шестого, мысли и чувства постепенно успокаивались. Бледный марсианский рассвет уже прогнал сумрак, и прожектора, освещающие парковочную площадку у офиса корпорации, гасли.

Марк посмотрел на свой «Дэйш» и вдруг заметил, как медленно поднимаются ворота подземного гаража, откуда бесшумно выехал патрульный вездеход. Спустя минуту по ступеням легкой, торопливой походкой спустился Дитрих Фридман. К удивлению Келли, он сам сел на место водителя, и вездеход, тронувшись с места, покатил к выезду с территории офиса.

«А я-то чего боюсь?» — подумал Марк, решительно отворачиваясь от окна. Цепляться за свою должность он не собирался, хотя и привык к ней. Для него все выглядело намного проще, чем мог представить себе ну, хотя бы тот же Фридман. Для людей, прилетевших на Марс по контракту, иерархическая пирамида корпорации представлялась неким Олимпом, все поклонялись горстке чиновников, стоящих у вершины, и сами стремились попасть туда, путая в своей душе карьеру со смыслом жизни.

Их можно было понять, но у Марка имелась своя независимая психология, он не страшился потерять должность, его родиной являлся Марс со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Покинув здание офиса, он пошел к своей машине.

Пусть попробуют остановить. В душе все же гнездилась обида, ситуация, хоть и неординарная по меркам колониальных будней, явно была предлогом, поводом для обвинений в его адрес. Глупо предполагать, что начальник службы безопасности станет лично контролировать или пуще того — сопровождать каждую поисковую партию, покидающую пределы терраформированных земель. Для этого был выделен конкретный сотрудник… Здесь мысль осеклась — не хотелось тревожить память погибшего.

Тихо чавкнул пневмоуплотнитель двери.

Генри вопросительно повернул голову:

— Куда, Марк?

— За вездеходом. Зафиксируй его маяк через корпоративный спутник. По дороге поговорим.

— Мне вовсе не обязательно включаться в корпоративную сеть, — неожиданно ответил Генри, выруливая с парковочной площадки. — Дитрих поехал в усадьбу Дейвида Мошера.

— Откуда такая уверенность?

Генри включил защиту от прослушивания и для страховки перешел на инфракрасный порт обмена данными, работавший на коротких расстояниях, когда между двумя устройствами не было серьезных преград. Искра индикатора на височном импланте Келли изменила свой цвет, став пурпурно-красной.

— Я сравнил ДНК Фридмана с архивной базой данных системы доступа.

— Он что, раньше бывал на Марсе?

— Да, четверть века назад.

— И кто же на самом деле наш новый колониальный управляющий?

— Это Майлер фон Браун, собственной персоной.

* * *

Сектор концерна «Новая Азия»…

В лаборатории было тихо и пусто. Бесшумные процессы, протекающие в недрах компьютерных терминалов, отражались лишь в периодической смене узоров, сотканных из контрольных огней на множестве приборных панелей.

Раннее утро. Сонный покой.

Компьютерная система продолжала подбор вариантов подключения для исследования содержимого чипов.

В другом здании комплекса, где располагались помещения медицинских служб, по коридору подземного уровня, семеня на механических лапках, проворно передвигались три каплеобразных аппарата. Они попали сюда вместе с телом убитого диверсанта, некоторое время находились в холодном помещении морга и вот, найдя лазейку в вентиляционной системе, выбрались в главный коридор уровня.

Едва заметные точечные выходы сенсорных систем посылали незримые и неслышные импульсы, сканируя чужеродные постройки.

Они двигались наугад, в поисках тех устройств и связанного с ними программного смысла существования, который был заложен в них миллионы лет назад.

Генри абсолютно верно подметил, что технологии, примененные при конструировании этих маленьких, безобидных с виду устройств, никак не согласовывались со структурой микрочипов, которые Багиров и Штиммель собрали с доступных поверхностей древней, впрессованной в скалы конструкции.

Они принадлежали разным эпохам, и тот, кто подсунул азиатам кусочки кремния, с легкостью заплатив за это тремя человеческими жизнями, не имел ни малейшего понятия о скрытой в недрах скал полости, которую обнаружил Багиров.

Три «путешественника» достигли массивных ворот, юрко проскользнули между ногами дремлющего в своей бронированной будке охранника и, без труда взобравшись по отвесной стене, вновь исчезли в системе вентиляции.

В лаборатории на одном из контрольных дисплеев, предназначенных для отчета перед людьми, внезапно побежали строки машинных кодов.

По-видимому, кибернетическая система сумела найти правильное сочетание контактов для подключения к микрочипам.

Удивительно, они все оказались совершенно одинаковыми, несли аналогичный набор функций, главная из которых была на редкость примитивна: чипы не являлись вычислительными устройствами — это были обыкновенные блоки памяти, содержащие один и тот же набор программ.

Неизвестный злоумышленник рассчитал все вплоть до времени суток, когда произойдет «случайная» активация устройств.

Локальная кибернетическая сеть компьютерной лаборатории была защищена от подавляющего большинства известных вирусов, взламывать ее казалось занятием бессмысленным — отрезанная от основной сети концерна, она не могла стать плацдармом для виртуальной атаки, не являлась хранилищем ценной информации, и тем не менее…

Исследовательская программа, получившая доступ к содержимому блоков памяти, начала считывать их для дальнейшей обработки.

Если бы сейчас у контрольного монитора находился специалист из числа людей, он, несомненно, встревожился бы, узнав в считываемых данных элементы написанных на универсальном машинном коде скриптовых последовательностей.

Теперь исчезало всякое сомнение — так называемые «чипы» не имели никакого отношения к древней цивилизации, однако для исполнительной исследовательской системы этот факт не являлся сигналом к прерыванию всех операций.

Массив данных был полностью скопирован, и когда следующая программа приступила к его чтению, то первая же строка машинного кода, поступившая уже с внутреннего носителя информации, мгновенно перехватила управление над некоторыми периферийными устройствами кибернетической системы лаборатории.

В частности, заработал порт удаленного доступа.

Два неподвижных механизма андроидного типа, стоявшие в нишах, внезапно ожили, получив характерный сигнал, подтвержденный паролем доступа, который был автоматически передан попавшей в зависимость киберсистемой.

Несколько минут в лаборатории не происходило ничего экстраординарного, лишь индикатор порта удаленного доступа трепетно помаргивал, свидетельствуя, что на информационные носители андроидов передается пакет исполнительных программ.

* * *

Цинь Хуань проснулся в обычное время. Он привык вставать с рассветом, когда в голове ощущается приятная свежесть, а мысли чисты, как прозрачная вода.

Утренние часы в расписании главы семьи Ляо неизменно посвящались совещанию с доверенными лицами, занимающими ключевые посты в управлении концерном.

Вот и сегодня, войдя в зал приемов, он увидел, как навстречу ему поднялись пять человек.

Он кивнул присутствующим и проследовал на свое место, расположенное на небольшом возвышении.

Столик был сервирован для легкого завтрака. Он привык слушать доклады, совмещая приятное с полезным.

Сегодня новостей было мало. Недавний инцидент с неудачной попыткой захоронения радиоактивных отходов до сих пор не нашел разумного объяснения, и это обстоятельство раздражало Ляо.

— Накажите всех, включая моего младшего сына, — буркнул он. — Я закрываю глаза на существование мелких проектов и фирм, с тем чтобы они самостоятельно наводили порядок на подконтрольных территориях.

Его слова были выслушаны с должным почтением, после чего к своей части доклада приступил командующий военными подразделениями концерна.

— Вчера мы провели третье тестовое включение передающего устройства, сообщил он. — Аппаратура работает исправно, все готово для

подачи сигнала нашим «изделиям».

— Не терпится начать вторжение? — В голосе Ляо прозвучала снисходительная ирония. — С этим придется повременить. Крейсер корпорации находится в опасной близости от колонии. Наши друзья на Земле прилагают сейчас все усилия, чтобы снять санкции, наложенные на концерн после неудачи в поясе астероидов. Вскоре мы снова сможем заказывать космические корабли на земных орбитальных верфях, это вопрос ближайшего года, надеюсь. Как только мы получим надежное прикрытие из космоса, я дам команду о начале вторжения. — Он усмехнулся течению собственных мыслей. Приятно было думать о том, что ненавистная корпорация Евросоюза, год за годом закупая продукцию концерна, формирует в своих элитных городах и отдельных усадьбах настоящую армию противника, исполнительную, безжалостную, не способную на колебания или предательство. После горечи поражения в поясе астероидов Ляо мечтал о полном триумфе, который не только даст ему власть над марсианской колонией, но и потрясет земное сообщество до самого основания их кичливой «демократии».

* * *

Корпоративный сектор освоения Марса. То же время…

— Омоложенный фон Браун?

— Именно так, Марк.

Келли глубоко задумался.

— Зачем он тут инкогнито, Генри? — наконец озвучил он мысленный вопрос.

— Слишком большое поле для предположений. Трудно ответить однозначно, но теперь уже нет сомнения, что отправитель электронного письма именно он.

— Зачем?

— Ты не вписываешься в корпоративную структуру. Майлер никогда не работал с людьми твоего склада характера и мышления. Независимость сотрудника подрывает корпоративную общность, а ты сотни раз демонстрировал свое презрение к корпоративным идолам.

— Все равно не понимаю… — раздраженно ответил Марк, опуская стекло. Он закурил и добавил: — Зачем нужно было ворошить мою память? Что за выгода Майлеру от этого?

— Он игрок. Ему скучно, Марк. Тебе сложно понять подобные мотивы, но они существуют. Есть люди, которые давно перешагнули

границы общепринятых моральных норм, личных комплексов, не удивлюсь, если в конечном итоге окажется, что фон Брауну исключительно важен даже не результат, а сам процесс «игры», где шахматными фигурами становятся живые люди.

— Живые и мертвые… — мрачно дополнил Марк, вспомнив видеозапись.

— Хорошо, что ты сам вспомнил про запись. — Генри слегка повернул голову, одновременно притормозив стремительное движение «Дэйша» по магистрали. — Думаю, нам не стоит следовать за фон Брауном. Он затеял грязную игру, но помешать ему сложно, по крайней мере сейчас.

— У тебя есть альтернатива? Сегодня меня сместят с должности начальника отдела безопасности, и я стану безработным, бездомным…

— Не перегибай. У тебя достаточно денег на счету, чтобы начать новую жизнь. Вопрос в том, какой она будет.

— Что я могу сделать? Мне непонятен смысл вершащихся прямо на глазах событий. Может быть, я просто тупой?

— Ты не тупой, а другой, — поправил его Генри. — Твоя система жизненных ценностей не допускает наличия смысла в некоторых действиях, но Майлер от этого не перестает быть самим собой. Для него такой смысл существует. Например, уничтожение археологической партии. Чего ради, подумай?

— Ну, здесь все достаточно прозрачно. Ты видел запись. Достаточно передать ее в руки прессы, и азиаты получат массу неприятностей.

— Где? Тут в колонии? А кто станет их наказывать? — несколькими встречными вопросами возразил дройд. — В лучшем случае им пригрозят пальцем с далекой Земли. Заметь, данные записи не очевидны. Они не несут конкретных доказательств, что спецслужбами концерна были захвачены именно артефакты. Да и лицо нападавшего, угодившее в кадр, еще не аргумент. Руководство «Новой Азии» даже не станет оправдываться по этому поводу. Все спишут на «группу экстремистов», угнавших антиграв и совершивших нападение на поисковую партию ради личной выгоды.

— Тогда зачем этот кровавый спектакль?

— Догадайся сам.

Келли нахмурился:

— Чипы?

— Конечно. Ты можешь придумать более простой способ пронести в святая святых концерна заранее подготовленную аппаратно-программную бомбу?

Келли лишь невнятно выругался в ответ.

Ситуация складывалась таким образом, что он, при всем своем опыте, природной смекалке, знании особенностей смешанного марсианского общества, был бессилен полностью предугадать мотивы и сами поступки внезапно ожившего Майлера фон Брауна. Тот готовил свою игру за год до грянувших событий, вероятно, просчитывал каждый ход, учитывая возможность локальных неудач, значит, у него есть несколько альтернативных вариантов действий…

Все это было понятно, но главный вопрос: какова конечная цель фон Брауна — так и оставался без ответа.

«Хорошо, — думал Марк, — пусть ему удалось устранить меня, но это можно было сделать сотней иных бескровных способов. Да и нанести удар азиатам изнутри, уничтожив их компьютерные сети, разве это цель? Уровень не тот. Генри предельно коротко и ясно охарактеризовал сущность Майлера, и, исходя из этого, нужно искать какую-то глобальную цель…»

Можно просто сойти с ума, копаясь в недрах чуждой психологии…

— Марк, можно я дам один практический совет?

— Да, Генри.

— Плюнь на фон Брауна. Пусть он делает свою игру.

— А что будем делать мы?

— Спасать человека.

— Кого?

— Иннокентия Осиповича Багирова, русского археолога, совершившего эпохальное открытие. Он увидел то, что пропустил Майлер, — в недрах скал действительно скрыта древняя конструкция.

— Фон Брауна это не взволновало.

— Он прагматик. Багиров мертв, скалы обрушились, значит, к проблеме древних сооружений можно вернуться позже.

— В чем он ошибся?

Генри ответил не сразу. Сначала он подключился к бортовому компьютеру «Дэйша» и прокрутил скопированную запись до определенного фрагмента. На первый взгляд в остановленном им кадре уже не было ничего достойного внимания — скалы рухнули, замуровав вход в таинственные коммуникации, а азиаты двигались к оставленному наверху антигравитационному флаеру.

— Обрати внимание на показания сопряженных с камерой сканеров, — прокомментировал Генри выбранный стоп-кадр.

Келли покосился на цифровые значения, застывшие в нижней части экрана.

За каменным завалом по-прежнему работали источники мощного излучения.

— Ты знаешь, как интерпретировать данный факт, — уверенно произнес Генри.

— Багиров уцелел?

— Вне сомнения. На мой взгляд, это работают сканеры его экипировки, к которым автоматически подключился аварийный маяк. Этот прибор активируется лишь в том случае, если человек жив, я верно рассуждаю?

— Да, это сделано специально, чтобы не усложнять работу спасателей, — согласился Марк, вспомнив технические характеристики стандартной экипировки геологов и шахтеров.

Дройд демонстративно указал на хронометр.

Марк кивнул, осознав намек.

До полудня он все еще начальник службы безопасности сектора. Пусть Майлер делает свои ходы, Келли не желал участвовать в его игре, но быть пассивным наблюдателем — еще хуже…

Спасти человека и узнать, что на самом деле открыл Багиров в этих загадочных подземельях, — разве это не достойная альтернатива грязным играм или пассивному созерцанию творящегося на твоих глазах беспредела?

— Ты прав, Генри. Думаю, мы успеем получить необходимое оборудование. У нас еще четыре часа, а на совещании Майлер может обойтись и без моего присутствия, это лишь облегчит ему задачу.

* * *

— Кого еще принесло в такую рань? — недовольно проворчал Мошер, глядя, как по аллее к воротам усадьбы движется вездеход с эмблемой сил безопасности сектора.

Секунд через тридцать машина попала под пристальный перекрестный взгляд сканирующих систем, и Дейвид удивленно приподнял бровь.

Новый колониальный управляющий собственной персоной.

Сбоку тонко пискнул предупреждающий сигнал. Мошер отставил чашку с кофе и обернулся, не вставая с удобного кресла.

Терминал системы идентификации личности беспомощно моргал огоньком сбоя.

«Происходящие события становились все более интересными… — Губы Дейвида слегка дрогнули, но Мошер быстро справился с секундным

замешательством. — Неужели это и вправду ОН?!»

Сканер безуспешно пытался разрешить вставшую перед ним дилемму: чуткие анализаторы уже сняли образец ДНК с кованого металла калитки, которой только что воспользовался Дитрих Фридман. В глубинах стереоэкрана сканирующей системы теперь вращались две спиралевидные молекулы ДНК. Та, что справа, была извлечена из архивного банка данных и принадлежала покойному Майлеру фон Брауну, вторая, только что полученная от датчиков и расшифрованная программой идентификации личности, была снята с поверхности металла после прикосновения руки управляющего.

Различия, которые сумела определить кибернетическая система, были локальными и незначительными — именно так изменилась ДНК самого Дейвида после процедуры генетического омоложения.

Мошер коснулся сенсора внутренней связи и произнес:

— Проводите господина Фридмана ко мне.

Минуту спустя, когда открылась дверь, он встал с кресла и, дождавшись, пока выйдет дисциплинированный охранник, протянул свою сухопарую ладонь колониальному управляющему.

— Ну, здравствуй, Майлер, — произнес он, чувствуя, что еще немного — и голос все же дрогнет, выдавая волнение.

Знакомая усмешка скользнула по губам Фридмана.

— Все так же стойко держишь удары, Дейв? — Он пожал протянутую руку и добавил: — Мне очень хотелось повидать тебя, но сам понимаешь — инкогнито. Твои сканеры слишком хороши для преждевременных визитов.

Они сели в глубокие кресла друг напротив друга, и Мошер, наливая кофе во вторую чашку, спросил:

— Ну, какие потрясения ты привез в наш тихий, уютный мирок?

Майлер прищурился, с удовольствием узнавая в сидящем напротив человеке того самого Дейвида Мошера, который долгое время был его правой рукой в управлении огромной империей «Фон Брауна».

— Ты знаешь, я не играю по мелочам, Дейв. Сегодня последний день, когда в колонии существуют условные границы и сектора освоения. Завтра здесь все будет принадлежать корпорации, и мне, как в старые времена, нужна твоя помощь.

Рука Мошера все же чуть дрогнула, и часть кофе выплеснулась на стол.

— Ты решил объявить войну азиатам?

— Зачем? Они сами уничтожат себя, а заодно и русских. Нам, как

всегда, достается роль жертвы, а чуть позже силы корпорации предстанут перед мировым сообществом в качестве мужественных борцов за очищение Марса от той инопланетной дряни, которую воззвали из тьмы веков жадные азиаты. Обещаю, апокалипсис будет красив, я даже сказал бы — утончен.

Мошер несколько секунд пристально смотрел на Майлера, а затем спросил без тени эмоций в бесцветном голосе:

— Послушай, а твою премьеру нельзя отложить?

— Нет. — Майлер посмотрел на дорогой хронометр, вшитый в манжет рубашки. — Уже началось. Сейчас наш давний друг Ляо ощущает, как к его заднице подносят очень горячую сковородку. Скоро зашипит, — от души хохотнул он и тут же добавил, перейдя на абсолютно серьезный тон: — Дейв, ты, видно, забыл, что я никогда и ничего не делаю без причины. Азиаты готовились к захвату колонии, для этого им оставалось лишь преодолеть санкции международного сообщества относительно частного космического флота. Данный вопрос уже предрешен, причем в положительную сторону, поэтому у тебя есть небогатый выбор: поддержать меня или спустя годик уступить свой уютный особняк какому-нибудь косоглазому.

Дилемма, обрисованная Майлером, Мошеру не понравилась.

Он принадлежал к редкому числу людей, похожих на фон Брауна, просто спокойная жизнь в колонии несколько расслабила его за истекшие десять лет.

— Какой помощи ты ждешь от меня? — напрямую спросил он.

— Мне необходим голос твоих акций. Я уже отправил на Землю сообщение о своем «чудесном» возвращении в строй. Там все готово, юристы ждут лишь поступления сигнала отсюда.

— Нужно принять срочное непопулярное решение? — интуитивно предположил Мошер.

— Последнее решение совета директоров «Фон Брауна», — уточнил Майлер. — Завтра акции корпорации на Земле уже не будут стоить ничего, можешь мне поверить. В обмен на это мы получим Марс со всеми терраформированными территориями, производственными мощностями и аграрными комплексами. Весь план продуман до мелочей, но существует один нюанс — для его успешной финализации мне необходимо, чтобы «Орион» покинул зону высоких орбит и в полной боевой готовности повис над нашими головами. Такое решение о передислокации крейсера в запретную зону может принять только совет директоров корпорации большинством голосов.

Мошер задумался.

В глубине души он был потрясен, но давняя практика управления огромной корпорацией научила его многому, в том числе и самоконтролю. Сейчас, исподволь глядя на Майлера, он пытался понять, насколько сильно изменился тот за минувшее десятилетие. Дейвида не интересовала внешность сидящего напротив человека, исключительно важным был иной аспект: насколько адекватен разум помолодевшего фон Брауна, не находился ли он в стадии старческого маразма, перед тем как отдать себя в руки биогенетикам?

— Я хочу знать все детали разработанного тобой плана, прежде чем приму свое решение, Майлер.

Фон Браун кивнул:

— Это справедливо. Хотя я буду вынужден излагать кратко, дорога каждая минута.

Мошер откинулся в кресле.

Казалось, само время откручивается вспять, и они снова на Земле, в небоскребе корпорации. Даже голос фон Брауна звучал как тогда, в памятную ночь принятия решений по острой марсианской проблеме…

— Знаешь, в последние дни перед своей мнимой кончиной я пребывал в скверном расположении духа. Была мысль плюнуть на все и пойти по твоим стопам, Дейв. Вся жизнь — борьба, а что в итоге? Подкравшаяся старость и острое понимание, что корпорация, которой посвятил всего себя, попросту рухнет, когда я уйду.

— И ты решил напоследок хлопнуть дверью?

Майлер поморщился:

— Можешь называть это как угодно, но я смотрел на вещи с иной точки зрения. Последние сообщения из колонии явно указывали на то, что клан Ляо вскоре начнет действовать. Да, мы раскусили их ход с андроидами, обезопасили себя от внутренней угрозы, но этого мало. Я смотрел на карту Марса и думал: почему мы спокойно ждем, когда они нанесут удар? Что мешает объединить колонию, очистить ее от скверны, придать планете статус независимости? Это не хлопок дверью, Дейв, а смысл жизни, достойный повод для того, чтобы помолодеть. Корпоративные земли не худший образчик терраформирования, и, в конце концов, если рядом существует зловонная яма, постоянный источник потенциальной угрозы и мелких повседневных неприятностей, почему мы должны молча и терпеливо взирать на это?

— По-моему, мы ждали, когда азиаты проявят свое истинное лицо, начав агрессию.

— Да, но я уже не мог ждать, тянуть дальше, цепляться за условности…

— Это рискованная афера. Неужели ты своими руками подведешь господину Ляо белого коня, чтобы он отражал агрессию?

Майлер лишь покачал головой, доставая из нагрудного кармана миниатюрный носитель информации: — Посмотри эту запись.

* * *

Видеоролик был коротким, всего пять минут реального времени, но весьма выразительным.

— Это вариант для средств массовой информации.

В моем распоряжении имеется полная многочасовая запись всех событий.

Мошер взглянул на фон Брауна.

— Артефакт настоящий? — спросил он.

— Да. Его обнаружили при плановом картографировании местности два года назад. Я приказал не трогать этот непонятный металлический фрагмент, пока не представился случай использовать его. Помнишь микрочипы, которые наши техники внедряют в схему всех поступающих в сектор андроидов?

— Да. Они автоматически заменяют программы, установленные на заводах азиатов, превращая человекоподобные машины в наши послушные орудия.

— Я давно хотел развить эту тему, но пробить систему безопасности концерна, внедрив в их компьютерные сети свой компонент, слишком сложно, да и очевидность такого шага может легко выплыть наружу. Совершенно другое дело, когда азиаты сами, своими руками возьмут наше изделие и пронесут его через все системы безопасности в самое сердце своих лабораторий.

— Для этого тебе понадобился русский археолог?

— Я выбрал Багирова исключительно из-за его имени в определенных научных кругах. Все достоверно и очевидно. Мы находим артефакт, азиаты получат информацию об открытии — я заранее позаботился, чтобы накануне прилета Багирова произошла нужная утечка информации о «сверхсекретной» цели его визита на Марс. Остальное, как ты видел, основано на патологической жадности азиатов, помноженной на иллюзию полной безнаказанности.

— И что должно произойти? Ради чего ты пожертвовал тремя жизнями?

Майлер опять поморщился:

— С каких пор тебя начали волновать жизни исполнителей, Дейв? Ладно, можешь не отвечать. В моем понимании цель все же оправдывает средства. Начни Ляо прямую агрессию, погибло бы гораздо больше обитателей колонии.

— Ты не ответил, что должны сделать эти чипы?

— Уже сделали, Дейв, — уточнил Майлер. — Они работают на том же принципе, что и стандартные боевые блоки дройдов. Атакуют программное ядро машины, внедряя в него новые инструкции. Все отработано на полигонах и в лабораториях корпорации. Мы знаем их операционную систему, нам известны все дыры в кодах программирования, слабые места в защите, поэтому успех акции гарантирован. Ты знаешь приблизительное количество андроидов, которые находятся на складах готовой продукции азиатов?

— Я уже десять лет занимаюсь только вот этим, — Мошер коснулся виноградной лозы.

— Десять тысяч, как минимум. Все они сейчас получают новые инструкции, но разве кто-то сможет упрекнуть нашу корпорацию в диверсии? Разве это не экзовирус, вырвавшийся из секретных лабораторий концерна, атакует в данный момент их же продукцию? — Майлер выразительно постучал пальцем по информационному носителю с видеозаписью событий. — Спустя пару часов они, убедившись в собственном бессилии противостоять взбесившимся машинам, подадут сигнал активации для всех ранее проданных андроидов, открыв всему миру свои многолетние усилия по формированию «пятой колонны». Но это уже будет не агрессия, а акт отчаяния. Ты знаешь, как отреагируют на этот сигнал модернизированные нами машины.

Мошер устало прикрыл глаза.

Сейчас у новоазиатов начиналась бойня, тысячи андроидов переставали подчиняться каким-либо приказам, исполняя лишь одну программу: уничтожение вражеской живой силы и техники всеми доступными для этого способами.

Ужас охватил Дейвида, на секунду даже сперло дыхание, но он сумел усилием воли побороть это чувство.

Мимолетный взгляд на хронометр показал, что они разговаривают всего десять минут. Кофе в чашках еще не успел остыть.

— Зачем тебе «Орион» на низких орбитах?

— А ты подумай, что предпримет Ляо?

— Он попытается покинуть пораженный сектор, сохранив максимум

живой силы и функциональной техники.

— Верно. Куда он двинется?

— В наш сектор. Он ведь рассчитывает на «пятую колонну».

— Правильно. По моим расчетам, к шестнадцати ноль-ноль силы Ляо получат по зубам на всем протяжении границы нашего сектора. Что дальше? Куда ему идти?

— Русские? — внутренне похолодев, произнес Мошер.

— Для азиатов единственным шансом на спасение станет захват космопорта «Южный» и эвакуация на орбитальную станцию «Фобос», в район которой, несомненно, выдвинется «Светоч». Думаю, что, используя челночные корабли русских, захваченные в космическом порту, они попытаются атаковать крейсер. Возможно, у Ляо хватит выдержки допустить его стыковку со станцией, но, по моим расчетам, у азиатов после захвата российского сектора останется достаточно сил, чтобы попытаться взять штурмом крейсер ВКС России. В случае, если им удастся осуществить это, в дело вступит «Орион». Думаю, командование ВКС России само обратится к нам с требованием или просьбой уничтожить «Светоч» вместе с захватившими его боевиками Ляо. Этот финал предрешен — на удалении в десятки миллионов километров больше нет ни одного корабля, способного противостоять «Светочу», а угроза орбитального удара по корпоративным территориям в любом случае даст нам веский повод завершить операцию уничтожением захваченного русского крейсера.

— Почему ты уверен, что азиаты смогут захватить крейсер?

— Простая арифметика, Дейв. Население сектора «Новая Азия» сейчас составляет порядка пятнадцати тысяч человек. У них масса оружия и планетарной техники. Под внезапным ударом начнется паника, затем они опомнятся, осознают степень угрозы и примут единственное решение — атаковать сектор корпорации. Я проведу Ляо по цепочке болезненных зуботычин, пока он не задумается над вопросом своего личного выживания. Можешь не сомневаться он вторгнется в сектор русских, атакует космопорт и попытается захватить «Светоч». Если все пройдет по плану, то спустя двое суток Марс будет очищен от постороннего присутствия, тут останутся только корпоративные силы, которые «в отчаянной борьбе» уничтожат призванного азиатами демона. Мы будем чисты и станем хозяевами положения как на терраформированных землях, так и в околопланетном пространстве. Марс перейдет под нашу юрисдикцию, более того, одно упоминание о древних формах кибернетической жизни, столь необдуманно разбуженных азиатами,

повергнет в шок метрополию. Несложно предположить, что колония будет объявлена зоной карантина, а это даст нам многолетнюю фору для создания на базе существующих секторов мощной корпоративной структуры. Марс больше никогда не вернется под крылышко Земли, отсюда перестанут перекачивать ресурсы, только мы и наши потомки станем решать, кому, сколько и по каким ценам продавать права на поселение и разработку месторождений.

Майлер закончил говорить и посмотрел на часы:

— Решай, Дейв. События уже начались, и до заседания совета директоров корпорации остается менее получаса. Мы должны передислоцировать «Орион».

Встречный вопрос Мошера, после всего услышанного, мог показаться нелепым, мелким, но он был потрясен и уже не мог полностью сдержать обрушившийся на него информационный удар…

— Ответь, Майлер, это ты отправил Келли газетную вырезку двадцатилетней давности?

— Да, — кивнул фон Браун, не понимая, почему в такой момент ему задан столь незначительный вопрос.

— Ты хотел стравить нас. Аннулировать голос моих акций в результате смерти их владельца?

— Ты думаешь, о чем говоришь, Дейв? Этот щенок, называющий себя «марсианином», мог причинить тебе вред? Мне всего лишь было необходимо убрать его, чтобы не мешался под ногами, и ставил я на тебя. Жаль, что ты выпустил его живым. Впрочем, это уже не имеет никакого значения. Твоя хватка быстро окрепнет, вот увидишь. Мы еще не сыграли главную партию своей жизни. Решай, Дейв, уже нет времени на размышления.

— Ты сумасшедший, Майлер… — Мошер секунду помолчал, глядя на лозы винограда, обрамляющие фонтан, а затем добавил: — Можешь распоряжаться моим голосом в совете.

Часть 3 ФОРМЫ ЖИЗНИ

Глава 8

Борт крейсера «Светоч». Глубокий космос…

— Быстрее! Пошевеливайтесь! — Голос, усиленный аудиосистемой, звучал оглушающе громко, он перекрывал топот ног, тонкие звуки работающих сервомоторов и ответные реплики бойцов, едва очнувшихся от гиперсна.

— Построиться повзводно! Экипажам десантно-штурмовых модулей занять места по предстартовому расписанию! Включить трансляцию для ознакомления с боевой задачей!

Шевцов оглянулся.

Боевой накопитель представлял собой широкую вращающуюся секцию с пятью погрузочными рампами стыковочных узлов. Подразделения располагались по всей площади кольца, каждый субъективно считал, что стоит на полу отсека, но стоило поднять голову и посмотреть по сторонам, как возникало совсем иное чувство: третий взвод выстраивался прямо над твоей головой, остальные стояли на закругляющихся «стенах» — зрелище не для слабонервных, особенно когда видишь фигуры в полной боевой броне. Шутка ли — четыреста килограммов сервомускулов, брони и вооружения.

— Третье отделение, на левый фланг!

Взвод космического десанта — это двадцать два человека, включая командира. Два отделения «легкие» — на бойцах скафандры из металлокевлара, такая броня держит компрессионно-магнитный выстрел, но уязвима для снарядов среднего калибра. Третье отделение заковано в непробиваемые панцири керамлитового сплава, сервомоторные усилители мускулатуры работают, издавая ноющее повизгивание, броня, покрытая мимикрирующим составом «хамелеон», постоянно меняет фактуру и цвет, приспосабливаясь к фону окружающих поверхностей.

— Командиры взводов, отдать приказ на погрузку! По всему отсеку раздается разноголосица команд.

Бойцы молча реагируют на приказы, их лица бледны, но в подавляющем большинстве это не следствие нервозности, а остаточный постэффект экстренного пробуждения.

«Ничего, отстыкуемся от крейсера, быстро придут в себя».

— Шевцов, Логинов, Полуэктов, Ромашин — на командный!

* * *

Командир крейсера, полковник Решетов, пристально наблюдал за компьютерной моделью марсианского рельефа, который транслировали на приемные устройства локационной системы «Светоча» ретрансляторы спутниковой группировки Российского сектора освоения.

Резко повернулся соседний пилот-ложемент, и борт-оператор, работающий с системами слежения, произнес:

— Зона сканирования пуста, командир. Не фиксируется ни одного личного датчика.

— Проверил?

— Трижды. Аппаратура исправна. Там некого спасать.

Первый неожиданный сюрприз, преподнесенный Марсом, хотя такая формулировка являлась неверной, неожиданности готовила не столько планета, сколько люди, населяющие ее.

— Связь с корпоративными силами?

— Они молчат.

Решетов вновь повернулся к тактическому монитору.

Пусто. Стартовавшие с космопорта «Южный» зонды атмосферной разведки транслировали через спутники группировки лишь однотипную панораму покинутых поселений. Сейчас шло сканирование сектора «Фон Браун», следующими на очереди были американцы.

В тактический зал вошли командиры десантных взводов.

Решетов отстегнул ремни пилот-ложемента и встал, жестом приглашая офицеров к тактической карте марсианских полушарий.

Сейчас он должен поставить им четкую боевую задачу, но приказ, полученный с Земли, заключал в себе слишком много неясностей и предположений. Адмирал флота ссылался на какую-то видеозапись, якобы свидетельствующую о том, что концерн «Новая Азия» получил в свое распоряжение некие образчики древних технологий, исследование которых привело к тотальному заражению кибернетических систем компьютерным экзовирусом.

На взгляд Решетова, подобное утверждение смахивало на провокацию. Он не верил в древние цивилизации и, прекрасно разбираясь в технике современности, не допускал, что программы, написанные много миллионов лет назад, способны как-то повлиять на современные машины. Для этого им понадобилось не только бы иметь «совместимость» с изобретенными человеком кибернетическими устройствами, но и обладать целым набором специфических функций.

Решетов уже не раз и не два спросил у самого себя: возможен ли такой расклад? И мысленно ответил — нет. Поэтому, обращаясь к командирам взводов, он оперировал только теми фактами, которые были известны ему наверняка.

— Земля потеряла связь с тремя секторами освоения колонии, — без вступительных фраз сразу перешел он к постановке боевой задачи. — Молчат зоны освоения «Новой Азии», «Фон Брауна» и «Объединенной Америки». Зонды, выпущенные со стартовых площадок «Южного», пока что смогли пролететь только над корпоративными территориями. В зоне азиатов наши разведывательные аппараты были сбиты сразу по пересечении границ сектора. Марс молчит, не отвечая на запросы. В то же время из четырех точек транслируется сигнал «SOS». Источники расположены вот тут, тут, тут и тут — световая указка отчертила небольшие области в разных регионах — по два на зоны освоения «Фон Брауна» и «Объединенной Америки».

Он немного помолчал, давая подчиненным несколько секунд на визуальное усвоение информации, а затем, сухо откашлявшись, продолжил:

— Боевая задача, поставленная командованием флота, сводится к следующему: мы работаем на упреждение в режиме разведывательно-спасательной операции. В нашем распоряжении пять десантных модулей. В данный момент локационная система «Светоча» принимает четыре сигнала бедствия, что вынуждает действовать отдельными группами. В том, что на Марсе возникли серьезные проблемы, я не сомневаюсь, поэтому мы обязаны отреагировать на сигналы бедствия. Задача, на мой взгляд, усложняется тем, что это могут быть ловушки, расставленные специально для уничтожения отдельных спускаемых модулей. Риск очень высок. У нас нет точной разведывательной информации. Каждому из вас придется действовать самостоятельно, сообразуясь с конкретной ситуацией. Такое положение будет сохраняться на протяжении тридцати восьми часов — это тот минимум, который необходим «Светочу» для выхода в зону низких орбит.

Решетов отвернулся от карты.

— Итак, подвожу краткий итог: первый модуль осуществляет посадку на территории «Южного». Фирсов, — обратился он к командиру роты десанта, — твоя задача обеспечить безопасность порта и способствовать эвакуации сотрудников нашего сектора в том случае, если их дальнейшее пребывание в колонии будет сопряжено с угрозой для жизни.

— Задание понял.

— Остальным… — Решетов посмотрел на командиров взводов, —

выдвигаться к точкам, откуда транслируются сигналы бедствия. Выяснить обстановку, по возможности оказать помощь. В случае, если там развязаны боевые действия, проверить сигналы и отходить к «Южному» для осуществления прикрытия порта и эвакуации населения на международную станцию «Фобос».

— Это все, командир?

Решетов посмотрел на задавшего вопрос Шевцова и кивнул:

— Да, это вся информация, которой я располагаю. Существуют непроверенные данные о том, что кибернетические системы азиатов поражены экзовирусом, но я не склонен верить версиям о древних цивилизациях. Мы сами себе «цивилизация», и ни для кого не секрет, что концерн по своей сути преступный клан, обосновавшийся в колонии. Причину сегодняшних проблем надо искать не в мифическом прошлом, а в людях. Если там действует компьютерный вирус, поразивший кибернетические системы, значит, его написал и запустил человек.

Решетов секунду помолчал, а затем подытожил:

— Командование требует проверки сигналов бедствия, сбора исчерпывающей разведывательной информации о состоянии дел в колонии и обеспечение прикрытия «Южного». Поставленную задачу могут выполнить только отделяемые модули, работающие в режиме упреждения. Базовый корабль сможет оказать вам реальную поддержку только спустя указанное мной время. Вопросы?

Ответом ему послужила тишина. Уточнять было нечего. Все и так предельно неясно.

— Тогда по местам и… с богом, ребята.

* * *

Марс. Древние внутрискальные сооружения…

Тонкая нить воспоминаний тянулась к нему из бездонной вечности небытия.

Она извивалась, растягивалась, грозя истончиться и порваться, будто эрмигонская водоросль, раз в году всплывающая из пучин океана, чтобы расплестись на сотни мерцающих нитей, которые, коснувшись солнечного света, распадутся, канут в глубину и дадут начало новым жизням…

Память…

Он не ощущал тела, только разум, словно бесплотный дух, витал в сумраке забвения.

«Где я?»

«Что со мной?»

Нить воспоминаний стала крепче, прочнее и вдруг захлестнула, словно удавка, не давая дышать, взрываясь в очнувшемся рассудке миллионами образов-брызг…

…Невыносимо-яркий, стерилизующий ультрафиолет.

Белоснежные стены шлюза, колючий иней, на глазах превращающийся в капельки конденсата.

Его схватили.

Схватили и привезли на орбитальную станцию.

Липкий гложущий страх, запах ненависти, запекшаяся кровь на рассеченном лбу, привкус стерильного воздуха, такой же противоестественный для дыхания, как запах его пота для этих помещений.

«Нет, это было позже… Память подводит меня…»

Новый образ возник из темноты, будто кто-то послушно сменил информационный носитель, отмотав события назад…

…Внутренний створ огромного шлюза с шипением распахнулся, открыв доступ к космическому кораблю, который несколько минут назад вошел во внутренний док орбитальной станции.

Насосы все еще нагнетали воздух, создавая избыточное давление, по обшивке корабля змеился сложный узор инея, кое-где, нарушая замысловатый рисунок изморози, возникший от мгновенного соприкосновения воздуха с впитавшими космический холод бронеплитами, извилистыми дорожками скатывались первые капли конденсата, негромко потрескивали остывающие дюзы реактивной тяги, клубился быстро улетучивающийся пар, тонко ныли сервомоторы решетчатых ферм обслуживания — шел обычный процесс шлюзования, когда на обширной площадке появились пять биомеханических существ.

Их вид внушал невольный трепет. Взгляд терялся в сложном сочетании механики и биологических компонентов, казалось, перед тобой уже не человек, но и не машина в ее классическом понимании…

С резкой ритмичной вибрацией открылся люк звездолета, расколовшись на четыре остроугольных сегмента, изнутри выдвинулся короткий трап, и по нему на рифленый металлический пол шлюза спустился единственный пассажир, прибывший на борту корабля. Биомеханические создания тут же окружили его.

— Не делайте глупостей, Эргвин, — произнес один из них. — Вы должны смириться.

«Они по-прежнему боятся меня».

Эргвин повернулся, окинув внимательным, чуть насмешливым и

одновременно вызывающим взглядом пятерых конвоиров.

Его снедала неизвестность, но демонстрировать собственные чувства он не собирался. Не дождетесь.

Взгляд невольно сосредоточился на ближайшем биомеханическом существе, губы, сжатые в тонкую упрямую линию, презрительно шевельнулись, выталкивая слова:

— К этому меня приговорил суд?

— Нет. Пред тобой мнемоформы, высшая ипостась разума, ты же приговорен к заключению в ограниченный энзиклон. Твое тело будет полностью механическим, а разум временно скопирован в нейроматрицу.

— Из меня сделают робота? Зачем? — Эргвин нахмурился, с трудом сохраняя самообладание. Он не хотел, чтобы страх перед неизбежностью вырвался наружу, отразившись на его лице.

Губы продолжали кривиться в усмешке, но внутри росло ощущение обреченности.

«На этот раз я по-настоящему влип…»

— Ты сохранишь рассудок, память и чувства, но не сможешь продолжить избранный путь злодеяний, — произнес мнемоклон. — Встроенные блоки ограничителей и система дистанционного контроля не позволят тебе использовать преимущества механического тела во вред окружающим, энзиклон-форма предназначена для созидания, и тебе придется смириться с этим.

По телу Эргвина пробежала невольная дрожь.

— Так вы не убьете меня… — Усмешка исчезла, губы плотно сжались в побелевшую, бескровную линию. Эргвин не предполагал подобного оборота событий. Ему бы хватило мужества принять смерть, но стать механической куклой, рабом, игрушкой в замыслах существ, избравших для себя противоестественную форму существования, — к этому он не был готов…

— Насильственная смерть не имеет никакого смысла, если рассматривать ее в качестве наказания, — произнес мнемоклон. — Физическая казнь — это пережиток прошлого. Ты приговорен к исправлению, Эргвин, и это предполагает иную форму существования, специально разработанную для таких, как ты, заблуждающихся и непримиримых. Осознание собственных заблуждений и дальнейший прогресс рассудка — вот где конечная цель исправления личности. Если процесс пойдет в верном направлении, тебе, как и любому осужденному, будет дан шанс дальнейшего саморазвития — трансформация в свободную мнемоклон-форму, для которой несущественна телесная оболочка как

таковая. Он сделал широкий жест, указывая на четверых спутников, не принимавших участия в диалоге. — То, что ты видишь перед собой, можно рассматривать, как сменную одежду, временный, легко видоизменяемый носитель для разума.

«В них не осталось ничего человеческого… — мысленно ужаснулся Эргвин. Только сейчас он начал понимать, с кем боролся все эти годы и насколько тщетна была борьба. — Мы слишком мало знали о них…»

Мнемоклон еще продолжал говорить, когда скованный электромагнитными наручниками Эргвин внезапно оттолкнул его плечом и побежал, но не к переходу, ведущему внутрь космической станции, а назад, в посадочный шлюз. Наклонив голову, он в неистовом порыве врезался лбом в решетчатую ферму обслуживания и мешковато повалился на бок, когда сознание вспыхнуло радужными искрами и милосердно померкло.

В последнюю секунду перед ударом он искренне уповал, что острый стальной уголок сумеет просечь черепную коробку и нанесет непоправимую травму мозгу.

— Крайняя степень глупости, — произнес один из мнемоклонов, глядя, как по полу шлюзовой камеры растекается липкая лужа крови. — Он пытается избежать наказания.

— Это бесполезно, — заявил второй, подходя к бессознательному телу. Ему придется ответить за совершенные преступления. Думаю, Эргвина следует отправить непосредственно на Красную планету, там сейчас идет самый трудный этап преобразования атмосферы. Он привык разрушать и убивать, пусть же теперь научится созидать.

Скорчившийся в луже крови Эргвин конвульсивно вздрогнул и застонал, приходя в сознание.

Боль, пульсирующая в висках, показалась ему слабым отзвуком тех мучений, что терзали разум.

«Они сделают из меня машину. Послушную машину, которая будет помнить о своем прежнем существовании. Я не переживу этого…»

— Я вижу, ты пришел в себя. — Мнемоклон наклонился и с легкостью поднял Эргвина на ноги. — Следуй впереди нас и не повторяй глупых попыток самоубийства. Твой мозг защищен от саморазрушения.

— Хорошо… Я пойду туда… — хрипло ответил Эргвин, с ненавистью посмотрев на окруживших его существ. — Но не надейтесь, что сумеете сделать из меня себе подобного…

— Это покажет время. Иди вперед.

…

Нить воспоминаний внезапно оборвалась.

Липкая, вездесущая чернота, окружавшая разум, вдруг начала редеть, будто невидимая рука медленно вращала вариатор напряжения, даруя тусклый рассеянный свет, который лепил из сумрака контуры незнакомых техногенных интерьеров.

Он воспринимал окружающее не взглядом, а каким-то иным чувством, словно ему были имплантированы соединенные с нервными тканями датчики, способные передавать информацию об окружающем, минуя зрительный нерв…

«Где же я?»

Усилие воли, желание ощутить собственное тело и одновременно понять, что с ним произошло, привели, наконец, к результату.

Тело он ощутил, но вовсе не так, как бывало раньше.

С тихим неприятным потрескиванием ломалась хрупкая корка непонятного происхождения, ощущение было таким, словно плоть онемела, он не ощущал ни кожи, ни мышц, лишь воспринимал звуки да видел коросту желтоватого налета, заслоняющего поле зрения, будто фон, на который проецировалось иное, черно-белое восприятие сложных коммуникаций, конической пирамидой уходящих к высокому потолку замкнутого помещения.

Голова Эргвина шевельнулась, поворачиваясь вбок, из глубоко посаженных глазниц с шелестом посыпались кусочки непонятной субстанции, и он окончательно пришел в себя, увидев наконец окружающее…

Его рот раскрылся в немом крике.

Гортань, заполненная более важными компонентами, чем дыхательные пути, не могла издавать звуков, да и дышал ли он вообще?

Секундное замешательство ответило: нет.

Глаза, или их имитация, освободились от заполнявшей глазницы трухи, и теперь он видел все в реальных красках, натуральном объеме, но лучше бы ему оставаться там, в окружении тревожной черноты неведения…

Эргвин рывком сел, не ощутив при этом никаких усилий, лишь голова слегка покачнулась, когда компьютерные шлейфы, ведущие к изголовью соседней ячейки, вдруг натянулись и с хрустом выскочили из разъема да с лязгом лопнули захваты, фиксировавшие его тело на пластиковом одре.

Механическое тело…

Мысль-осознание была похожа на вспышку.

«Приговор приведен в исполнение. Они превратили меня в энзиклона…»

Взгляд, брошенный поверх низкого бортика тандемной ячейки, лишь подтвердил ужасающую догадку: рядом, покрытый вездесущей желтоватой коростой непонятных отложений, лежал скелет.

Это был он!..

Различные системы, настроенные на постоянное сканирование окружающего пространства и предварительный анализ получаемой информации, работали параллельно с рассудком, периодически вторгаясь в мысли Эргвина со своими краткими отчетами. Вот и сейчас он, еще толком не понимая, где находится, получил ясное, недвусмысленное пояснение, дополненное кратким результатом оперативного сканирования:

Местонахождение: автономный блок фабрики энзиклонов, тюремный сектор. Разрушение инфраструктур — семьдесят процентов. Полная утрата энергопитания в сетях.

Может ли сойти с ума механическое создание, на носители которого проинсталлирована матрица рассудка живого существа?

Эргвину казалось — да, еще секунда, и его рассудок померкнет, погружаясь в спасительную черноту безвременья, но все оказалось не так просто…

Время. Мысль привела к самопроизвольной активации новых дополнительных программных модулей, «дарованных» ему в качестве усовершенствования, — перед внутренним взором тут же возникла сложная виртуальная архитектура, отражающая реальный статус внутренних систем. Без каких-либо усилий или позывов с его стороны из нее выделился участок в виде привычного образа счетчика времени.

На виртуальном табло тревожно мигала длинная цепочка символов.

С того момента, когда он в последний раз осознавал собственное существование, прошло семь миллионов лет…[8]

Он не мог сосредоточиться на данной цифре, потому что она казалась невозможной — мгновенно возникший конфликт между рассудком, по привычке оперирующим субъективными понятиями, и безапелляционным утверждением навязанных ему систем решался просто — Эргвин мысленно отверг ее, заставив себя сосредоточиться на чем-то другом, например, сконцентрировать взгляд на изголовье собственной камеры, которая так до конца и не выполнила предначертанную ей функцию.

Там, на объединительной приборной панели, мелко вибрировали пять каплеобразных механизмов. Один из модулей, судя по отчету внутренних систем, уже завершил процесс реактивации и расправлял механические лапки…

В голове с поразительной скоростью, в недоступном ранее объеме возникла информационная картина — он лишь попытался вспомнить, что знает об энзиклон-формах, а получил подробнейшую техническую справку, сопровождавшуюся показом виртуальной модели эндоостова…

Вот они, пять гнезд, расположенные вдоль его позвоночного столба. Корректоры поведения должны подключиться именно туда, превратив Эргвина в энзиклон-форму, неспособную к совершению определенного рода действий.

По сути, говоря нормальным языком, он превратится в раба инструкций и предписаний, его личность будет заперта, ограничена рамками контроля, Эргвин, конечно, сохранит личность и сможет по-прежнему ненавидеть, но лишь на мысленном уровне — никогда его механическая рука не поднимется, чтобы причинить вред тем, кто насильно вверг его сознание в искусственную оболочку, умертвив прототип из плоти и крови.

С этого момента его мысль заработала в строго определенном направлении.

Случилось что-то непоправимое, катастрофическое, но Эргвина в первую очередь волновал один аспект существующего положения вещей — по стечению обстоятельств он очнулся от небытия раньше, чем пришли в себя модули-надсмотрщики.

Все-таки он не преувеличивал, когда говорил этим мерзким мнемоформам о том, что его волю трудно будет сломить.

Он по-прежнему сохранял собственное «я» — именно самосознание Эргвина пока что доминировало над всеми остальными подсистемами энзиклона, а вид модуля-надсмотрщика, копошащегося в своем консервационном гнезде, лишь обострил чувства, призывая рассудок к немедленным, упреждающим действиям.

Разобраться с глобальными проблемами можно потом, сейчас необходимо уничтожить источник опасности во имя сохранения свободы действий.

Зрение Эргвина опять раздвоилось. Он еще не успел свыкнуться с такой манерой восприятия окружающего мира, но отрицать ее преимущества было бы глупо — перед мысленным взором тут же возникла уменьшенная в масштабе проекция зала, что было удобно, а главное — информативно.

Несколько мгновений потребовалось на осознание картины разрушений, которую он отторгал вкупе с отчетами сканирующих систем.

Семь миллионов оборотов родного Селена вокруг Солнца. Полное

отсутствие энергопитания. Глобальные разрушения тюремного блока фабрики. Незавершенность процессов трансформации.

Из кратких отчетов формировался закономерный вопрос — если все вокруг безнадежно разрушено, как в таком случае был инициирован процесс его реанимации или, если формулировать точно — реактивации!

В объеме виртуальной схемы появилась подсвеченная алым фигурка, снабженная кратким пояснением: Источник направленного излучения. Аварийная реактивация произведена вследствие накачки энергопоглощающих элементов камеры. Задействован аварийный реактор, идет зарядка внутренних накопителей. Статус мощности — пятьдесят процентов. Переключение на внутренние источники автономного питания через сорок две секунды.

Кто это, во имя Селена?!

Потрясение Эргвина было едва ли меньшим, чем в первые секунды после осознания своей новой телесной оболочки.

Подчиняясь мысленному приказу, неизвестное существо лишь отдаленно, в общих чертах напоминающее селенита, резко укрупнилось, представ в виртуальном пространстве информационного поля во всех подробностях своего строения.

Нет, существо не являлось ни селенитом, ни какой-либо биомеханической формой.

И опять внимание Эргвина отвергло детали, машинально сосредоточившись на сиюсекундной проблеме: первый модуль уже выполз из своего гнезда, а информационная подсистема, ведущая независимый анализ тех объектов, на которых концентрировался рассудок Эргвина, внезапно оконтурила цветовой индикацией странного вида предмет, расположенный в боковом кармане экипировки этого существа.

Оружие. Встроенные сопроцессоры уже обработали кинематическую схему устройства, произведя ее полный технический анализ. Отчет сканирующей подсистемы, переданный в разум Эргвина, был краток и предельно ясен: в экипировку неопознанного существа входило оружие, мощное, но примитивное, использующее химический заряд для разгона сферической пули по каналу ствола.

Переключение на внутренний источник питания через пятнадцать секунд.

Модуль-надсмотрщик выбрался из своего гнезда, но, оскользнувшись на хрупкой желтоватой корке, покрывающей все поверхности, застыл, осязая передними манипуляторами хрупкую коросту.

На внутреннем дисплее Эргвина пошел обратный отсчет секунд.

Глава 9

Сектор освоения концерна «Новая Азия». 12 июня 2415 года. 8 часов утра…

Два андроида беспрепятственно покинули лабораторию и, воспользовавшись лифтом, спустились на третий подземный уровень.

Выше располагались кибернетические производства, здесь же царствовало безмолвие. В огромных залах, штабелированные на специальных стеллажах, лежали тысячи готовых кибернетических механизмов.

Здесь складировалась самая разнообразная продукция, но дройдов в данный момент интересовали лишь подобные им машины.

Вездесущая система безопасности, естественно, зафиксировала их появление, но два бытовых агрегата, двигавшиеся по тоннелю складского уровня, явление заурядное — за день тут проходили сотни машин, пропуском для которых являлся верный код доступа.

Обменявшись сигналами с системой охраны, андроиды вошли в огромный сумеречный зал.

Они действовали синхронно, не отвлекаясь, не совершая ошибок, бездушно и целеустремленно. Остановившись у первых ячеек ближайшего ко входу стеллажа, они склонились над своими неподвижными подобиями, включив кабели прямой передачи данных в предназначенные для этой операции порты.

Все произошло гораздо быстрее, чем в лаборатории: не минуло и минуты, как еще две машины с видоизмененным программным ядром были реактивированы, и теперь уже четыре андроида приступили к процедуре дальнейшего инфицирования человекоподобных машин.

Спустя минуту их стало восемь, затем шестнадцать, и далее в геометрической прогрессии, пока все пространство огромного склада не наполнилось движением, превратившись в огромный, но четко организованный механический муравейник.

Немногочисленные видеосенсоры системы безопасности уровня до определенного момента наблюдали вполне допустимую картину: часть готовой продукции реактивировалась для самостоятельного отбытия со склада к местам назначения, но наступил момент, когда количество активных машин превысило допустимый лимит, и на пульт охраны был подан предупреждающий сигнал.

Дежурный, дремавший у контрольного монитора, взглянул на изображение и почувствовал, как ледяной пот обдал спину могильным холодом.

В караульном помещении резко и неприятно взвыл ревун тревоги, сигнал, сообщающий о нештатной ситуации, мгновенно распространился по кибернетическим сетям, наполняя подземные уровни суетливым движением людей: технари и охранники выскакивали из различных помещений, устремляясь к лифтам, задавая друг другу одни и те же недоуменные вопросы:

«Что случилось?»

Этого не знал никто, пока первая группа, состоявшая из техников аварийной бригады и вооруженных бойцов сил внутренней безопасности, не выскочила из лифта на складском уровне.

* * *

…Петер Габнер являлся высококлассным компьютерным техником. Он работал на концерн более десяти лет и был посвящен во многие технические тайны создаваемой на местных заводах продукции, поэтому, услышав сигнал тревоги и прочитав на информе приказ всем техническим специалистам выдвигаться в проблемную зону, он первым долгом схватил оружие, а уж потом тестовый комплект аппаратуры.

«Неужели произошла самопроизвольная активация „убойных модулей“»? промелькнула в голове Петера неприятная догадка.

Выскочив в коридор, он увидел группу вооруженных охранников, направлявшихся к ближайшему стволу лифта. Он поспешил присоединиться к ним, на ходу пристраивая коммуникатор так, чтобы можно было общаться с отделом технической поддержки, не отрываясь от работы.

Он последним втиснулся в переполненный лифт.

— Техподдержка, вызывает Петер Габнер, ответьте.

— На связи.

— Я выдвигаюсь в проблемную зону. Сообщите точный сектор и количество неисправных машин.

— Произошел глобальный сбой. Затрудняюсь подсчитать количество сбойных… — дальше голос технического координатора потонул во внезапном треске помех.

Петер встряхнул головой, пытаясь понять, что является причиной такого резкого ухудшения связи, и вдруг до него дошло: за стволом шахты по магистрали уровня сейчас, вероятно, двигались сотни, если не тысячи

механизмов. Работа их сервосистем сопровождалась неизбежным паразитическим излучением электромагнитных полей, которые…

Он резко обернулся:

— Остановите лифт! Не дайте автоматике открыть двери!

Может быть, его и услышали, но уже оказалось слишком поздно — кабина резко притормозила, и створки начали разъезжаться в стороны.

— О, mein Gott!.. — машинально воскликнул Петер на родном языке, совершенно ошалев от представшей взгляду картины: по магистральному коридору текла механическая река…

Поверх плеча грохнуло несколько выстрелов, кто-то из охранников уже молотил по сенсорной кнопке закрывания дверей, забыв, что она работает от простого прикосновения, но все поздно, тщетно… нескончаемая колонна человекоподобных машин даже не приостановила свое движение, лишь оказавшийся подле лифта андроид вдруг резко повернулся и, неестественно четким движением вырвав из дрожащих рук Петера автоматический пистолет, спокойно разрядил всю обойму в тесную кабину подъемника…

Никто не успел ни осмыслить происходящее, ни отреагировать на ситуацию.

Кто-то бился в агонии, кто-то был мертв, из лифта на пол тоннеля вытекала липкая струйка крови, когда несколько андроидов вошли в кабину, наклонились, подбирая стрелковое оружие, и, покинув лифт, продолжали двигаться дальше, стремясь к огромным, ведущим на поверхность воротам.

Спустя несколько минут, в течение которых погибли все прибывающие на складской уровень аварийные команды, ворота начали медленно открываться, и масса андроидов выплеснулась наружу, в буквальном смысле затопив территорию промышленного комплекса. Часть из них направилась к казармам, другая группа повернула к цехам оружейного производства, третья устремилась к многочисленным боксам, где хранилась планетарная техника, а внизу продолжался процесс инфицирования и реактивации все новых и новых партий человекоподобных машин, пока склад готовой продукции не опустел…

Фон Браун был прав, когда говорил Дейвиду Мошеру, что люди уже не смогут повлиять на общее развитие событий — стоило взглянуть на десятитысячную армию машин, которая пришла в движение за ничтожно короткий отрезок времени, как становилось ясно, что эту сметающую все живое массу может остановить только ядерный взрыв…

Спустя тридцать минут после активации, без труда подавив

разрозненное, нескоординированное сопротивление охраны, андроиды прорвались к комплексу связи, венчавшемуся ориентированными на спутники параболическими антеннами.

Овладев центром, они заменили операторов, перехватили управление всеми каналами связи и подали тот сигнал, что втайне готовился для нападения андроидов на сектор корпорации «Фон Браун».

Последствия этого шага нетрудно было предугадать, зная о подготовительной работе, которую на протяжении последнего десятилетия скрупулезно проводили техники корпорации.

Теперь у обитателей сектора «Новая Азия» не оставалось фактически никаких шансов на спасение — куда бы они ни попытались бежать, где бы ни попробовали укрыться — везде их встретят человекоподобные машины, оснащенные короткосрочными боевыми программами, ориентированными на защиту границ корпоративного сектора освоения.

К моменту подачи сигнала все клиенты «Фон Брауна» уже были эвакуированы в убежища, где людям предстояло провести двое суток в тревожном неведении о причинах внезапно грянувшей катастрофы.

Никакой связи с внешним миром они не имели, а вся информация, которую удавалось получить от охраны, сводилась к скупым, но эмоциональным проклятиям в адрес «свихнувшихся азиатов», решивших начать вторжение.

Истину знали лишь несколько человек и один дройд.

Двое из них наблюдали за событиями, укрывшись в подземном бункере. Фон Браун как раз объяснял Мошеру, что между андроидами вполне возможны и даже уместны локальные столкновения — машины, охраняющие границы сектора, сейчас заняли заранее подготовленные для них боевые позиции и не пропустят через линию укреплений никого, направляя своим сопротивлением силы Ляо к единственному открытому для бегства коридору: в узкую, но постепенно расширяющуюся горловину Российского сектора освоения.

Все шло в соответствии с заранее разработанным планом, за двумя исключениями.

До прохождения сигнала, активировавшего боевые программы андроидов корпорации, сектор «Фон Брауна» успела покинуть одна-единственная машина, принадлежавшая Марку Келли, а в космосе к марсианским орбитам приближались пять десантно-штурмовых модулей Военно-космических сил России.

Майлер не знал об успешном побеге Келли, а что касается российских спускаемых аппаратов, то для них была заранее заготовлена ловушка, в

которую они непременно попадут.

Разве русские могли проигнорировать сигнал бедствия?

Майлер усмехнулся.

Конечно же, нет. Даже если бы ему сейчас доложили об одинокой машине, движущейся в сторону предгорий, за которыми начинались неосвоенные земли, он просто пропустил бы мимо ушей эту незначительную информацию.

Никто не мог ничего сделать, все фигуры уже двигались по шахматной доске, в полном соответствии с заранее предписанными им ходами…

* * *

Район низких марсианских орбит. Борт десантно-штурмового модуля ВКС России…

Они проходили самый жесточайший психологический отбор, но все равно жуть накатывала волнами бесконтрольной дрожи в такт ритмичной вибрации спускаемого модуля, возникающей в моменты резкого включения тормозных двигателей.

— А ну собраться в кучу. Что притихли? Зимогоров, проверь систему жизнеобеспечения.

Грубый окрик капитана кажется сладкой музыкой на фоне глухого, отдаленного рева двигателей, прорывающегося в ватную тишину десантного отсека.

— Внимание! Отстрел тормозных ступеней! Приготовиться к динамическому удару через тридцать секунд!.. Двадцать девять… — Это уже был голос из интеркома, и принадлежал он первому пилоту модуля майору Арсентьеву.

Бледные лица за забралами гермошлемов.

Красные блики множества предупредительных сигналов змеятся по камуфлированной броне, играют тусклыми отсветами на вороненой стали «абаканов», стынут кровавыми точками на изогнутых магазинах оружия, и сознание невольно концентрируется на них, зрачки постепенно начинают расширяться, теряя карий оттенок, будто в них уже поселилась вселенская чернь пространства, оставшегося между тобой и домом.

Все заканчивается внезапно, с жесткой перегрузкой, знаменующей включение систем окончательного торможения и переход десантного модуля в режим атмосферного полета.

Удар перетряхивает мысли, выбивает ощущение страха, потому что

теперь до поверхности Марса не более двух километров и пугающая неизвестность уступает место сосредоточенному ожиданию первой команды к действию.

С потолка десантного отсека внезапно начинают срываться капли конденсата, они гулко ударяют о рифленый пластик пола, разлетаясь мелкими брызгами.

Трубопровод прорвало, что ли?

Капитан смотрит вверх, а затем делает успокаивающий знак рукой.

Значит, нормальное явление…

Контрольный дисплей, закрепленный на противоположной стене, внезапно оживает, начиная трансляцию компьютерной модели рельефа. Это означает, что модуль прошел слой плотной облачности, укрывающей терраформированную поверхность Красной планеты, и до посадки осталось меньше минуты.

— Снижаемся над американским сектором освоения. Всем приготовиться. Их центр связи по-прежнему не отвечает на вызовы. Вполне возможно, что в проблемной зоне нас встретят силы корпоративной безопасности «Фон Брауна», но особо не обольщайтесь по поводу этих ребят.

Никто не произнес ни слова в ответ. Во-первых, не положено, а во-вторых, ни к чему. Лучше бы Шевцов помолчал насчет «миссии спасения», темные стволы «абаканов» с причудливо змеящимися по ним кровавыми бликами гораздо честнее характеризуют ситуацию. Логика бойцов была проста: с задачей эвакуации людей на орбитальную станцию элементарно справлялись гражданские шаттлы, однако ни один челнок не стартовал с марсианской поверхности. Только сигналы бедствия исправно транслировались в опустевший эфир.

* * *

Древнее сооружение исчезнувшей цивилизации.

Багиров резко обернулся, услышав отчетливый лязг ломающегося металла.

После впечатляющего осмотра тандемной камеры он, не зная, как отнестись к сделанному открытию, в настороженной задумчивости пошел по длинному проходу, ведущему к той части зала, откуда пробивался красноватый свет.

Звук, нарушивший тишину, показался резким, словно выстрел.

Он машинально присел, выхватив «ИПП-40», конфискованный у

мертвого диверсанта.

Разум уже не балансировал на зыбкой грани между очнувшимся прошлым и настоящим, все ощущения смешались, и неизвестно, кто сейчас присел в широком проходе, машинально выхватив оружие, — рассудительный Иннокентий Осипович или жадно глотающий адреналин Инок…

Нервы — не струны, они натягиваются, но не рвутся.

Импульсный электромагнитный затвор мягко дослал патрон, палец спокойно, без дрожи лежал на гашетке, взгляд указывал системам сканирования выборочные направления, пока в информационном окне термальной оптики не возник яркий тепловой всплеск.

Энергетическая активность.

Ствол автоматического пистолета резко переместился, теперь он смотрел в сумеречные глубины арочного свода, откуда Инок вышел минуту назад.

Точно, этот лязг исходил оттуда.

Большой палец правой руки поймал ползунок вариатора скорости огня, послав его в крайнее верхнее положение.

С двадцатью семью патронами из тридцати, которые вмещал магазин «ИПП», не очень-то навоюешься, так что стрелять следовало одиночными.

Вопрос: в кого?

И еще один: имею право?

Короткие мысли, стремительные мгновения, резкие, но точные движения — все происходило очень быстро, намного быстрее, чем возможно описать.

Последний заданный себе вопрос был обоснован для Иннокентия Осиповича, но не для Инока.

Странный синтез родился в эти мгновения в душе Багирова. Он не был ни тем и ни другим, две личности смешались, словно давно ждали минуты сокровенного воссоединения, и тут же заспорили по мелочам…

Роковое промедление и одновременно — спасительное, как оценил он его несколько позже.

Первой доминантой ощущений был почти мистический ужас, смешанный с крайним, ненормальным восторгом, когда в глубине арочного свода вдруг обозначилась смутная тень, а спустя мгновение раздался повторный хруст ломающегося металла, словно из стальной стены монтажкой вырывали заклепки.

Два звонких лопающихся удара… и стремительное движение материализовалось в широком проходе, приняв вполне конкретный

физический облик двухметровой фигуры.

Это был древний механизм, тот самый, что лежал в левой ячейке тандемной камеры, только теперь с него осыпалась хрупкая корка минеральных солей, обнажив тускло-серый с синеватым отливом металл, которому ничуть не повредило миллионолетнее забвение.

Никаких следов окисления, каждая деталь восставшего эндоостова отливала матовым глянцем, будто была только что изготовлена.

Здесь и возникла роковая заминка.

Багиров понял, что не в состоянии выстрелить, — все в нем протестовало против подобного действия, не обоснованного ничем, кроме чуждости поднявшегося со своего одра механизма.

Он ни на секунду не забывал, что эта механическая форма была соединена с останками живого существа, и мысли, спрессованные уже не в секунды, а в их ничтожно малые отрезки, понеслись в ином направлении: катастрофа… средства спасения… неизвестные технологии… чуждая этика…

Этот механизм мог обладать сознанием разумного существа, являясь его прижизненной копией, призванной пережить катастрофу и время…

Нет, он не хотел в него стрелять.

Две, ну, может, три секунды.

Целая вечность в ритмике внезапных событий.

Ствол «ИПП» чуть дрогнул, опускаясь, и в этот момент механическое создание неожиданно рванулось к Багирову.

Стремительность его движений не поддавалась разумному восприятию, реагировать было уже слишком поздно, он лишь почувствовал, как толчок — не удар, а именно толчок — отшвырнул его прочь, в то время как механическая рука схватила автоматический пистолет, и пальцы Багирова не выдержали физической нагрузки, разжались, отпуская оружие…

Он пролетел несколько метров, успев сгруппироваться, и мягко перекатился по полу, пружинисто вставая на ноги, но древний механизм, вооружившись, потерял к человеку всякий интерес.

Он двигался почти бесшумно, не издавая привычных, чуть визгливых звуков, свойственных созданным людьми сервоприводам. Шаг назад, к арочному проему, резкий поворот механической руки, и «ИПП-40» издал серию из пяти одиночных выстрелов, показавшихся оглушительными в могильной тиши древнего зала.

«Следующая пуля — моя», — пронеслось в голове Багирова, но он вторично ошибся в прогнозе ситуации.

Древний механизм вошел в проем, всего лишь несколько мгновений провел внутри узкого замкнутого пространства, а затем вновь появился в коридоре.

Несмотря на напряженность ситуации и невероятную стремительность событий, Багиров успел рассмотреть, что древнее создание имеет выраженные черты лица, которые, правда, походили на застывшую маску, но все же отражали некую индивидуальность…

«В кого он стрелял и что собирается делать дальше?»

Ответ на последнюю часть вопроса пришел незамедлительно и вновь оказался абсолютно неожиданным, парадоксальным, если рассматривать его на фоне уже совершенных действий…

Механическое существо просто положило пистолет на прямоугольный выступ какого-то устройства и, не обращая внимания на Багирова, прошло по коридору меж одинаковых камер в ту часть зала, где располагалось огромное, треснувшее наискось панорамное окно.

Багиров так и не рассмотрел, что расположено за ним — издали взгляду мешала желтоватая пленка отложений, а подойти ближе он не успел из-за внезапного развития событий.

Существо — Иннокентий Осипович сознательно выносил за скобки термин «механическое» — остановилось в конце длинного прохода спиной к нему и застыло, глядя сквозь мутную пленку, покрывавшую толстое тройное стекло.

Работаем — попытался подстегнуть его Инок, но Багиров уже справился с шоковым всплеском эмоций.

Автоматический пистолет лежал в двух шагах от него, электронный счетчик зарядов высвечивал цифру — «22».

Он подобрал оружие и, включив на полную мощность фонарь шлема, вошел в узкое пространство своеобразного отсека.

Правое ложе тандемной камеры пустовало, на сером пластике остался лишь мусор в виде осыпавшейся минеральной корки.

Среди желтоватого праха, задрав крохотные механические лапки, лежал каплеобразный аппарат, размером с ладонь. В его корпусе зияло пулевое отверстие.

Короста забвения на объединительной панели, расположенной в изголовье камеры, была сломана. Багиров увидел овальные гнезда, где покоились точно такие глянцевито-серые обтекаемые приспособления, каждому из которых досталось по пуле.

Шлейф компьютерного интерфейса причудливо изогнулся, словно издохшая змея, свисающая с невысокого разделительного бортика двух

ячеек. Один конец кабеля по-прежнему был подключен к черепной коробке погибшего миллионы лет назад существа, второй слегка покачивался из стороны в сторону, демонстрируя раздвоенное жало контактов…

Несколько секунд Багиров простоял неподвижно, впитывая рассудком открывшуюся картину.

Мысли никак не желали выходить из лихорадочного, беспокойного темпа, да и мог ли он рассуждать здраво?

Он не испытывал страха, но и пронзительный восторг от открытий исчез, с появлением чуждой механической формы все стало много сложнее, ситуация требовала действий, но каких?

С одной стороны, очнувшийся от миллионолетнего забвения механизм проявил агрессию, но он не причинил Багирову явного вреда, лишь вырвал из его рук оружие, чтобы расправиться с внешне безобидными модулями, которые по непонятной причине показались андроиду опасными.

Нелогично, учитывая, что уничтоженные аппараты входили в комплектацию камеры, на что явно указывали соответствующие по форме и размеру гнезда.

Багиров медленно повернулся, покидая мрачный отсек.

Его состояние сложно описать. Разные люди в такой ситуации принимали бы абсолютно неоднозначные решения. Один забился бы в темный угол, изнывая от ужаса, другой, наверное, расстрелял бы остатки магазина, попытавшись расправиться с древней механической формой, как говорится — от греха подальше, — но Иннокентий Осипович не относился к крайностям как к разумной линии поведения. В молодости — да, но сейчас, испытывая всю присущую нормальному человеку гамму противоречивых чувств, он все же пытался мыслить здраво, несмотря на крупный озноб, пробегавший мурашками по спине и затылку.

Один шанс. Одна попытка. Одна уникальная возможность перекинуть мостик через бездну времени, разве не за этим он прилетел на Марс?

Он неторопливо шел по проходу, к огромному панорамному окну, на фоне которого четко выделялась чуждая скелетоподобная фигура древнего механизма, а внутри все сжималось в тугой нервный комок, вставший где-то в груди, мешая дышать, думать, лишь рука в кармане порванной и испачканной куртки сжимала рукоять пистолета да мысли, редкие, как глухие удары пульса, бились в такт шагам…

Другого шанса, возможно, уже и не будет.

Такое выпадает один раз на целую историческую эпоху…

Нужно иметь огромное мужество, открытый разум, честную, не

привыкшую лгать душу, чтобы мыслить именно таким образом, шаг за шагом приближаясь к чуждой, внушающей лишь подсознательную дрожь древней форме, которая минуту назад могла убить его…

И все же Багиров шел.

Он мог поступить как-то иначе, но не факт, что из этой замурованной в скалах конструкции существовал реальный выход на поверхность, и ему казалось предпочтительнее прожить несколько полных нечеловеческого напряжения минут… хотя бы попытаться вступить в контакт, заглянуть в глаза истине, какой бы та ни была, чем затягивать агонию и, в конце концов, загнуться в мрачных лабиринтах от истощения и безысходности.

* * *

Нейтральная территория на стыке секторов «Фон Брауна» и «Новой Азии»

Паника, охватившая сектор «Новой Азии», была подобна взрывной волне, она распространялась тугим валом сообщений, которые поначалу контузили своей лаконичной информативностью — в эфире некоторое время царил настоящий содом, а потом все вдруг стихло, словно кто-то вырубил каналы спутниковой связи, погрузив разум тысяч людей в ватную тишину неведения…

Ясно было одно: нужно бежать, ибо сообщения о вышедшей из-под контроля армии андроидов, уничтожающих все и вся, тысячекратно продублированные в первые минуты паники, пока еще работала связь, не вызывали сомнений в своей правдивости.

Люди еще не оправились от потрясения, слухи, один страшнее другого, множились, обрастая несуществующими подробностями, когда на территории личной резиденции Цинь Ляо вспыхнула и уже не угасала неистовая пальба, отзвук которой был слышен за десятки километров от столицы, где, подтверждая самые худшие предположения, вдруг начались множественные пожары.

Люди, обезумевшие от внезапного развития катастрофических событий, спешно покидали дома, устремляясь прочь, в естественном желании найти убежище для себя, своей семьи, — толпы беженцев инстинктивно двигались вдоль дорог, ведущих к другим секторам освоения, ни одному безумцу не пришло в голову искать укрытия в горах, контуры которых сейчас заслоняли пожары, объявшие промышленную столицу концерна.

* * *

Цинь Хуань стоял у огромного электронного окна, глядя на пылающий город.

На улицах бесновались короткие яростные столкновения людей и машин, он при желании мог бы рассмотреть подробности схваток, но рука Ляо так и не коснулась сенсоров увеличения. Он понимал, что наблюдает крах всех своих надежд, амбиций и планов.

Кто-то одним тонко рассчитанным ударом швырнул его на колени… и что осталось теперь? Молча созерцать, как катится по улицам города огненный вал смертей? После того как отключилась радиосвязь, он не мог управлять событиями, даже силы собственной безопасности оказались неподконтрольны главе могущественного процветавшего клана.

Это казалось сумасшествием, наваждением, бредом…

За спиной внезапно распахнулась дверь и раздались торопливые шаги.

Он медленно повернул голову.

Перед возвышением стоял командир его личной охраны.

— Сикоромо… — Хин Цео машинально опустился на колени, приложив руки к груди. Ляо машинально отметил, что униформа и экипировка командира гвардии грязна, порвана, испачкана кровью, но глаза лихорадочно блестят. — Я собрал основные силы на западной окраине города. Мои бойцы отбили атаку машин. Сейчас командиры формируют ударные колонны.

— Зачем? Где ты видишь спасение?

— Мы должны покинуть город. Биться с андроидами бесполезно. Они раздавят нас, перебьют всех до единого. Но мы можем оторваться от их преследования.

— Куда нам бежать? — с горечью спросил Ляо. — Мы окружены врагами.

— Российский сектор слабо защищен. Там всего лишь несколько подразделений правопорядка. Мы прорвемся к космопорту «Южный», захватим его и покинем колонию на челночных кораблях.

— Ты предлагаешь мне стать изгоем, беженцем? На станции «Фобос» достаточно тех, кто с удовольствием депортирует меня на Землю для позорного суда.

— В наших руках будет оружие. Мы не допустим этого. Русские обязательно пришлют свои корабли, и, когда их крейсер состыкуется с орбитальной станцией, мы ворвемся на его палубы. Это хороший план. Единственная надежда сохранить не только жизнь, но и власть.

В глазах Ляо блеснул огонек надежды.

Боевой корабль.

После поражения в поясе астероидов он грезил той минутой, когда вновь сможет ступить на командную палубу крейсера.

Слова Хин Цео прокручивались в голове, находя все больше аргументов в свою пользу.

Да, они могут вырваться из ловушки. Здесь, в колонии, все пойдет прахом, как и задумали проклятые ненавистные корпы:[9] погибнут тысячи людей, но если действовать немедленно, стремительно, пока элитные подразделения и планетарная техника еще не увязли в бессмысленных боях с машинами, они сумеют совершить неожиданный марш-бросок, прорвать символические заслоны русских, захватить космопорт, а затем и станцию «Фобос».

Цинь Хуань мгновенно ухватил суть предложенного плана, оценив мужество и сообразительность своего офицера.

— Встань, Цео. Я сделаю тебя вторым человеком Семьи, своим приемным сыном… Мы захватим станцию «Фобос» и, прикрываясь заложниками, заставим русский крейсер состыковаться с ней. И пусть потом корпы молятся своим жалким идолам, когда на их головы обрушится возмездие. Мы сотрем сектор «Фон Брауна» орбитальным ударом, и это будет справедливой карой для них…

— Сикоромо, мы должны действовать быстро, — прервал его монолог Хин Цео. — Выставленные мною заслоны не смогут сдерживать атакующие машины более получаса. За это время мы должны покинуть город.

Ляо обернулся, бросил последний взгляд на объятые огнем улицы и ответил:

— Веди.

* * *

Пуля звонко чиркнула по плечевому кожуху андроида, визгливо уходя на излете.

Машина резко повернула голову, сканеры, смонтированные за имитацией глаз, тут же определили источник опасности — им являлся такой же серийный андроид, отличающийся от него самого разве что активным кодом опознания.

Незримые магнитные волны сообщали, что данный механизм принадлежит корпорации «Дитрих фон Браун».

Для атакованного андроида название корпорации не несло никакого практического смысла. Важным было другое — его атаковали, и объект, совершивший нападение, имел четкий отличительный признак.

Блоки боевых программ тут же отнесли его в категорию «противник». Информация была мгновенно передана по глобальной сети от одного механизма к другому, тысячекратно занесена в оперативные базы данных, и тут…

В игру вступила машинная логика.

Исполнительная программа, регламентирующая действия инфицированных андроидов, была лаконична, оптимизирована до грани совершенства.

Уничтожать живую силу и технику противника.

То есть подвергать уничтожению все, что классифицируется в базах данных как «цель».

Теперь туда попал и андроид с ярко выраженной маркировкой корпорации «Фон Браун».

Все перечисленные операции, включая установление связи с другими машинами, заняли не более двух-трех секунд, а на принятие рационального решения потребовались всего лишь наносекунды.

Расстояние до вражеской машины оказалось меньшим, чем до пытавшихся спастись бегством механизированных колонн концерна, и порядка трех тысяч андроидов приняли одновременное решение, повернув в сторону только что обнаруженного противника.

Данные цели располагались ближе, а значит, рациональная логика велела атаковать именно их.

На границе сектора «Фон Браун», охраняемого заслоном из сотни человекоподобных кибермеханизмов, рассредоточенных по заранее подготовленным укрытиям, внезапно вскипел ожесточенный бой.

Полоса укреплений была прорвана в течение получаса, и масса инфицированных машин начала углубляться в корпоративный сектор, производя тотальную зачистку, согласно той программе, которая была внедрена в их системы по воле Майлера.

Убежище, где в данный момент расположились фон Браун и Мошер, находилось всего в полусотне километров от места внезапного прорыва.

* * *

Граница стратосферы.

Шевцов вошел в пилотажный отсек, когда их модуль уже лег на новый курс, совершая плавный вираж над американским сектором освоения. Лазерные дальномеры показывали, что до поверхности менее километра, на обзорных экранах стремительно проносились фрагменты

терраформированных территорий, темные квадраты перерожденной почвы резко контрастировали с унылыми безжизненными ландшафтами марсианских равнин, которых еще не коснулась человеческая деятельность.

Стоять в боевом скафандре меж тесно пригнанных друг к другу пилот-ложементов было неудобно, и капитан, не дожидаясь особого приглашения, сел в резервное кресло, предназначенное для третьего пилота.

— Выпускаю зонды дальнего сканирования. Старт через четыре секунды.

На контрольном дисплее промелькнули цифры обратного отсчета, и из-под днища десантного модуля вырвались ослепительные факелы ракетных двигателей. Стартовавшие зонды мгновенно ушли вперед, опережая выпустивший их корабль, и начали расходиться в стороны, очерчивая инверсионными струями подобие исполинского веера.

Удалившись на полсотни километров, аппараты разведки перешли на турбореактивную тягу и начали подниматься к нижней кромке свинцово-серых облаков.

— Есть захват расширенной зоны сканирования. Сигнал устойчивый, зонды стабилизированы в горизонтальной плоскости.

— Включение суммирующих данных.

— Телеметрия пошла.

На тактическом мониторе появилась расширенная модель рельефа, охватывающая тысячи квадратных километров территории Марса, которые были недоступны взгляду из-за кривизны поверхности планеты и отсутствия нормальной связи со спутниками.

По сути, зонды, поднявшиеся выше и выдвинувшиеся вперед по отношению к десантному модулю, позволили навигационным компьютерам «заглянуть за горизонт» и выдать на суммирующий дисплей тактической системы обработанную информацию в виде привычной для человеческого взгляда рельефной модели.

На виртуальной карте местности просматривался весь сектор освоения корпорации «Фон Браун» и пограничная часть российских территорий. Основные поселения, принадлежащие новоазиатам, располагались дальше, за пару тысяч километров от фронтальной кромки сканирования, которая захватывала лишь условные стыки секторов освоения.

Шевцов некоторое время внимательно изучал тактическую карту, пытаясь понять реальную диспозицию сторон.

Американский сектор, как и предупреждал командир «Светоча», был

пуст, зато на границе корпорации «Фон Браун» и концерна «Новая Азия» то и дело вспыхивали точечные искорки света — там явно шли скоротечные локальные бои, но, что нехарактерно, в эфире висела гробовая, напряженная тишина.

В этот момент разведзонды отстрелили дополнительные, короткоживущие аппараты, и он перевел взгляд на заработавшие датчики сверхдальнего обнаружения.

Со стороны сектора «Новой Азии» к пограничной линии на значительной скорости двигались пять транспортных колонн. Визуального контакта с ними не было, зонды находились слишком далеко, но характерные особенности некоторых тепловых сигналов наводили на мысль, что в составе колонн шла тяжелая бронетехника…

— Твои соображения, капитан? — нарушил ход его мыслей вопрос командира модуля, который был не только старше по званию, но и обладал всеми полномочиями власти до тех пор, пока спускаемые аппараты «Светоча» находились в воздухе.

— Похоже на всеобщую эвакуацию, — высказал свое мнение Шевцов. — Исходя из данных термальной оптики, могу предположить, что по дорогам движутся транспортные единицы в сопровождении тяжелых планетарных машин.

— Погоди… — командир переключился на закрытый шифрованный канал внешней связи: — Борт-1, вызывает Борт-4. Наблюдаю колонны, выдвигающиеся в сторону «Южного». Прошу уточнить их состав.

Ответ пришел секунд через пять:

— Здесь Борт-1. Мы тоже наблюдаем их. В составе колонн тяжелая бронетехника и гражданские вездеходы. На вызовы не отвечают. Продолжаю движение к космопорту.

Командир модуля тихо выругался:

— Ударные группы… Что, капитан, не молчи ты ради бога…

Шевцов понимал нервозность майора. В эфире продолжал звучать призыв «SOS», и принимать решение в данной ситуации явно не капитану космодесанта…

— Вряд ли в гражданских вездеходах мирные жители, — произнес он в ответ. — На мой взгляд, это полнокровные ударные группы, целью которых является захват «Южного». — Майор покосился в его сторону, но Шевцов не отреагировал, он продолжал внимательно изучать постоянно обновляющуюся тактическую схему, выдавая резюме относительно собственного видения ситуации. — Что-то гонит азиатов с их территории, а сектор «Фон Браун», похоже, ощерился, не пропуская силы Ляо на свои

земли, — он указал на далекие вспышки. — Думаю, их специально отбивают в направлении «Южного». Вряд ли это продуманная, заранее спланированная операция, по крайней мере, не со стороны азиатов…

— Да ты мне про сигналы скажи, Шевцов. Проверять их или плюнуть к такой-то матери?.. Чует сердце, оттягивают нас за тысячи километров от «Южного»…

— Нет, майор, сигналы мы обязаны проверить. Если отработаем четко и быстро, то задержка составит не более получаса. В любом случае мы опережаем колонны азиатов.

— Хорошо. А если это ловушка?

Шевцов лишь пожал плечами. Этого не узнаешь без детальной разведки.

— Саша, проверь. — Командир модуля отдал наконец распоряжение второму пилоту. — Ближайшая зона эвакуации в семидесяти километрах, к северу от нас. Посади туда разведывательный бот. Если сигнал бедствия не блеф, там должны быть люди.

— Есть, командир.

* * *

Граница секторов освоения. Предгорья…

Где-то далеко, в сотнях километров южнее горного массива, слышались отзвуки непрекращающейся канонады.

Дорога, по которой двигался «Дэйш», упиралась в крутой каменистый склон и оканчивалась тут, о чем недвусмысленно свидетельствовал знак тупика.

— Похоже, не все пошло по плану Майлера… — неожиданно произнес Генри, открыв водительскую дверь машины.

Некоторое время он прислушивался к далеким рокочущим звукам, а затем добавил:

— Эхолокаторы фиксируют признаки боестолкновения в нашем секторе. Глубина проникновения на территорию корпорации приблизительно пятьдесят-семьдесят километров. Точнее определить не могу.

— Думаешь, силы Ляо пытаются прорвать периметр пограничной зоны?

— Не знаю, Марк, кто там сейчас воюет, но пограничная полоса уже пройдена.

Келли лишь криво усмехнулся в ответ.

Комментировать сообщение дройда не было ни времени, ни желания. Если Майлер выпустил джинна из бутылки, не предусмотрев при этом какой-нибудь каверзной мелочи, все могло обернуться против него же самого.

— Работаем, Генри.

Оставив машину на дороге, они направились к выкрашенному в черно-желтую «зебру» бетонному ограждению. Рядом со знаком тупика красовалась предупреждающая табличка: «Граница терраформированных территорий».

Сразу за бетонным забором обнаружился наклонный створ ворот, врезанный в пологий уклон начинающейся возвышенности.

Это был склад и одновременно промежуточная база для геолого-разведочных партий, периодически обследовавших равнины по ту сторону горного хребта.

Келли подошел к воротам, смахнул пыль с кожуха, прикрывающего устройство доступа, затем откинул его вверх, обнажая приборную панель с узкой прорезью для магнитной карточки.

«Сейчас проверим, как держит свои обещания господин Майлер фон Браун», — подумал Марк, проведя своей личной карточкой вдоль прорези… Красный индикатор моргнул, но не изменил своего цвета.

— Все, Генри, мой допуск аннулирован.

— Не беда, Марк, с этой задачей я справлюсь. — Дройд присел на корточки подле устройства доступа. Из его указательного пальца с сухим щелчком выдвинулось раздвоенное жало компьютерного шунта. Осторожно погрузив его в щель считывающего устройства, андроид застыл, и спустя несколько секунд на панели доступа зажегся зеленый индикатор.

Огромные ворота подземного ангара дрогнули и начали разъезжаться в стороны.

— Старая система, — выпрямляясь, прокомментировал Генри.

— Камень в мой огород?

— Ну а кто был начальником службы безопасности? Этот створ мог бы открыть любой, хоть сколько-нибудь знакомый с системами допуска.

— Да, ты прав. Только кому это могло бы прийти в голову? На территории фон Брауна нет нищих или бездомных.

— За исключением нас с тобой, — подытожил его рассуждения Генри.

— Ладно. Проехали. — Марка покоробила последняя фраза андроида.

Под отдаленные звуки канонады они вошли в просторное гулкое помещение, разделенное на несколько секций подвижными

металлическими перегородками.

Ближе всего к открытому входу стоял вертолет с эмблемой отдела долгосрочных исследований на борту. Далее, в глубине ангара, было складировано различное оборудование, которым периодически пользовались геологи.

— Генри, займись машиной, я поищу стационарный лазер и средства индивидуального спасения.

— Хорошо, Марк.

* * *

Американский сектор освоения. Борт десантно-штурмового модуля.

— АРК снижается над зоной эвакуации. Идет строго по пеленгу направляющего луча. До посадки осталось пятьдесят секунд. Сейчас мы увидим, кто его там встретит. Внимание на экраны.

Приказ был излишним, все и без того следили за монитором, куда транслировалась телеметрия с борта автоматического разведчика.

Аппарат плавно снижался над взлетно-посадочной полосой местного аэропорта. Видеосканеры транслировали изображение опустевших зданий, в зоне разрешения датчиков показались два вертолета, с виду абсолютно исправные, лишь мелкий мусор на ВВП да выбитые стекла в башне диспетчерского контроля немо свидетельствовали о том, что здесь несколько часов назад происходили какие-то события…

Тишина.

Гробовая тишина Марса — не слышно ни шелеста листвы деревьев, ни голосов птиц, лишь ветер играет оранжевым песком, наметая у края взлетной полосы первые зигзаги барханов да где-то в отдалении поскрипывает оторванный лист жести.

— Командир, обрати внимание на мусор и выбитые стекла, — произнес Шевцов.

Майор Арсентьев увеличил разрешающую способность системы воспроизведения, сузив картинку на личном мониторе до фрагментарного восприятия подробностей.

Взгляд видеокамер на тройное закаленное стекло разбитого панорамного окна диспетчерской башни тут же отмел последнюю призрачную надежду на ошибочность предварительных выводов. Покрытое паутиной трещин стекло демонстрировало аккуратные дыры, оставить которые могли только снаряды автоматического орудия среднего калибра.

Майор сместил кадр, пытаясь понять мотивы и цель неизвестного стрелка, открывшего огонь по башне диспетчерского контроля.

Над верхним срезом окна выступал изрешеченный козырек, а за ним виднелись погнутые, превращенные в металлопластиковый хлам системы спутниковых антенн, способных поддерживать связь с орбитой.

Палец Арсентьева машинально коснулся сенсорного вариатора, перемещая зону визуального сканирования.

Мусор, о котором упомянул Шевцов, частично был принесен ветром — разные бумаги, какие-то пластиковые упаковки, обрывки одежды, ничего примечательно для стороннего взгляда, но майор сразу заметил, что среди бытового хлама на припорошенной песком ВВП лежат четыре использованных энергоблока. Внешне накопители энергии отличались от своих бытовых аналогов только незначительным отклонением в размерах да специальной ребристой планкой на одной из граней призматического корпуса.

— Элементы питания для устройства накачки электромагнитных ускорителей орудия, — прокомментировал Шевцов, проследив за взглядом командира. — Здесь работала боевая планетарная машина.

Второй пилот, контролировавший посадку АРК, произнес:

— Я могу отменить программу снижения.

— Нет. Пусть садится.

Разведчик включил электромагнитную подушку и скользнул вдоль посадочной полосы. Мусор полетел в стороны. Навстречу порывам ветра по оголившемуся стеклобетону побежали синеватые сполохи статики.

— Есть тепловой контакт. Движение в административном корпусе!

— Это не люди, — определил майор, взглянув на монитор инфракрасных сканеров. — Андроиды, как ты думаешь, Шевцов?

— Похоже на модель «К700» производства концерна «Новая Азия». Только больно уж продвинутая комплектация… — Капитан пытался улучшить изображение, снятое проникающими сканерами сквозь полуметровый слой пенобетона. — Они вооружены.

— Командир орудия АРК…

— Отставить. Мы должны знать, с чем имеем дело. Продолжать посадку до полного выполнения программы. Все данные бортовой телеметрии на срочную дешифровку. Снять тепловые показания с каждой постройки в пределах видимости. Искать людей и машины.

Развязка наступила спустя несколько секунд, когда АРК, закончив пробег, в последний раз взвыл турбинами, остановившись напротив ответвления рулежной дорожки, ведущей к ангарам и парковочным местам.

Два андроида продолжали стоять внутри здания. Автоматика сканирования идентифицировала нестандартную комплектацию человекоподобных машин. Оба кибермеханизма были вооружены обычными штурмовыми винтовками «МХ-19» серийного производства.

— Не понимаю… — Бортинженер, он же техник по вооружениям, искоса взглянул на Арсентьева. — Стандартные машины, стандартное оружие за одним «но»: программы андроидов бытовые. Они по определению не могут использовать оружие.

— Вопреки любым определениям, ты видишь — дройды вооружены. Им могли инсталлировать дополнительные модули, а может быть, концерн «Новая Азия» серьезно готовился к развитию собственного сценария освоения Марса. Что скажешь, Шевцов?

— Ничего не скажу. Пока они стоят как истуканы, нет никакой ясности…

— Внимание, активный пеленг! — вторгся в их диалог голос борт оператора.

Автоматически ожил канал громкой связи — это моментально включилась в работу кибернетическая система боевого контроля. Тускло осветились дополнительные мониторы, куда тут же начала поступать обработанная компьютерами информация со сканеров совершившего посадку разведчика.

— АРК наблюдает две цели класса БПМ, движутся по параллельным улицам в сторону административного корпуса, скорость шестьдесят километров в час, энергосканирование[10] дает положительный результат по активации боевых систем.

— Данные маркировки, живо! Меня интересует принадлежность машин.

— Сейчас, командир. — Бортинженер переключился на поиск нужной информации в расшифрованной телеметрии данных. — Так, докладываю: андроиды, как и БПМ, согласно маркировке, принадлежат концерну «Новая Азия».

Арсентьев покосился на тактический монитор, затем на разбитые тарелки спутниковой связи, в то время как Шевцов пристально наблюдал за поведением машин.

— Саша, отсканируй источник сигнала бедствия. Тарелки связи снесены на хрен, откуда он тогда транслируется?

— Минуту, командир.

БПМ показались из-за здания, но два андроида, чьи тепловые контуры

по-прежнему просвечивали сквозь материал стены, даже не шелохнулись.

— Так, сигнал идет из здания, но иных активных систем, кроме этих дройдов, там нет. Значит, запрос о помощи транслируют они.

— Затаившись с оружием в руках? — добавил Шевцов. — А кто в таком случае раздолбал тарелки? Эти энергоблоки — от орудий БПМ, андроиды такими не комплектуются.

— Да ловушка это, о чем говорить? — Майор постучал пальцем по рельефной схеме на тактическом мониторе. — Налицо факт вторжения техники новоазиатов в американский сектор освоения… Как раз тот случай, о котором предупреждал полковник.

— Согласен, — кивнул Шевцов. — Сейчас пусть долбанут по АРК для полной ясности.

Арсентьев коснулся сенсора дальней связи:

— Борт-4, всем: наблюдаю засаду, организованную силами двух боевых планетарных машин и андроидов. Людей в радиусе сканирования нет. Жилая застройка покинута, население, скорее всего, в убежищах.

На связь вышел ротный:

— Здесь Борт-1. Я над «Южным». Наблюдаю нарушение границы сектора тремя механизированными колоннами боевой техники. Всем прекратить спасательную операцию. Повторяю: командирам ведомых ДШМ.[11] — Голос полковника звучал глухо и напряженно. — Переходим в режим полной автономии. Рассредоточиться на дистанцию максимального удаления. Движение над территориями «Фон Брауна» выполнять в режиме полной электронной защиты. Цель — космопорт «Южный» Российского сектора освоения. Высадка десантных групп сразу по прибытии. Командирам подразделений блокировать подступы к космическому порту. ДШМ после высадки контролируют воздушное пространство над «Южным», в готовности оказать огневую поддержку наземным силам. Все. Детали отработаем на месте, после высадки.

Шевцов почувствовал некоторое облегчение.

«Наконец-то хоть какая-то конкретика. А то болтаемся над чужими секторами, когда границы собственной территории уже нарушены…»

Словно подтверждая его мысли, две боевые планетарные машины вползли из-за здания и синхронно, залпом ударили по приземлившемуся АРК.

— Все, капитан, иди в отсек, готовь группу к десантированию. Расчетное время подлета — тридцать минут.

— Мы пустим колонны азиатов в наш сектор? — задал Шевцов

единственный вопрос.

— Они уже пересекли границу, — мрачно ответил майор. — Похоже, что нам с тобой не разобраться в этой каше, — произнес он, глядя на дымящиеся обломки АРК. Арсентьев хотел что-то добавить, но внезапно запнулся и вдруг от души выругался, глядя на осветившийся резервный монитор. — Это что еще на наши головы?

Шевцов посмотрел на экран заработавшей системы ближнего обнаружения.

В пяти километрах от них, на границе сектора «Фон Браун», открылся выход из подземного убежища, откуда, если верить датчикам энергосканирования, начала выдвигаться тяжелая планетарная техника в сопровождении человекоподобных машин.

Кто они — друзья, враги или просто активированный за какой-то надобностью боевой резерв корпорации, которому по фигу российский модуль, оставалось лишь гадать в разрастающемся на глазах бардаке.

В любом случае готовиться надо к худшему, чтобы все остальное являлось приятным сюрпризом.

Шевцов отстегнул страховочные ремни резервного пилот-ложемента и встал, направляясь к переходу в десантный отсек модуля.

— Я снимаю предохранители с индивидуальных катапульт, — предупредил он. — В случае поражения модуля мы покидаем борт.

— Сам знаю, не каркай, — огрызнулся майор.

Глава 10

Древние внутрискальные сооружения.

За древним панорамным окном смутно виднелся фрагмент небольшой пещеры. Ядовитые сернистые пары и красноватое сияние исходили из глубокой трещины, изнутри невозможно было разглядеть ее дна, но свет указывал, что на неведомой глубине в разлом выходят расплавленные магматические породы.

Багиров остановился в двух шагах от чуждого существа, и оно обернулось, давая понять, что воспринимает его присутствие.

Никаких враждебных действий.

«Думай… Пытайся его понять».

Казалось, голова сейчас лопнет от напряжения.

Разум в лихорадочном темпе перебирал произошедшие события.

Оно очнулось, потом восстало из своей ячейки, вырвав какие-то крепления… Затем последовал стремительный рывок, который Багиров не мог расценить как атаку на него лично.

«Тогда что это было? Порыв страха?»

Он с сомнением посмотрел на глянцевитые формы древнего механизма. Вопрос заключался в том, машина он или нет? Запрограммированный механизм не мог испугаться, ему недоступны эмоции, но действия чуждого существа говорили в пользу спонтанного, эмоционального порыва, значит, он правильно угадал назначение соединительного кабеля, и перед ним механический носитель, в который внедрен рассудок давно погибшего гуманоида?

Такое допущение меняло все знаки.

«Почему он меня не убил, а просто оттолкнул, чтобы спустя минуту равнодушно пройти мимо, в направлении этого окна?»

Равнодушно?

«Скорее в полной прострации…» — промелькнула в голове Багирова здравая мысль. Оно осознало бездну времени и необратимость катастрофы…

Механическое существо повернуло голову и посмотрело на человека.

Неподвижное лицо, маска, не несущая физиологических функций, навек застывшая отливка, неспособная к мимике, передаче эмоций, несущая лишь образ гротескных черт: узкие глаза, покатый лоб, плавно переходящий в короткую линию носа, тонкие, плотно сжатые губы, острый

подбородок… — в этих чертах было что-то неуловимо знакомое, уже виденное ранее, но память так и не смогла отыскать в своих глубинах адекватный образ.

Они смотрели друг на друга, а вокруг звенела напряженная тишина.

Палец Багирова соскользнул с гашетки.

Два существа, принадлежавшие к разным расам и временным эпохам, уже не могли просто разойтись, игнорируя друг друга, — это было ясно обоим без слов, но какую форму примет их контакт, зависело от малейшего движения, жеста, потому и затягивалась напряженная пауза.

По большому счету миллиардам людей повезло, что здесь находился именно Багиров.

Он нашел в себе силы преодолеть все мешающие здравому смыслу чувства и убрал палец с теплой податливой гашетки «ИПП-40».

Выход был, следовало лишь правильно сформулировать парадигму…

Где найти точку соприкосновения? Какой способ общения может быть понятен им обоим?

Между цивилизациями лежала не только бездна времени, но и тройственная пропасть: семантическая, технологическая и этическая.

Значит, нельзя манипулировать субъективными понятиями. Никакой абстракции, в первом шаге навстречу друг другу должна присутствовать четкая, недвусмысленная определенность. Вопрос, откуда ее взять?..

Багиров никогда всерьез не задумывался над проблемой первого контакта с иным разумом. Война и археология не дали ему нужного опыта.

Хорошо. Попробуем по-другому. Пусть в этой оболочке разум древнего существа, но носитель, в котором он заключен, механический. Значит, нейроподобная система неизбежно подключена к обширной исполнительной периферии…

Можно ли допустить, что подобное состояние аналогично состоянию человека, подключившегося через прямое соединение к мощной компьютерной системе?

Наверное — да.

В данной области у Багирова имелся требуемый опыт. Оставалось понять, на основе какого кода построены программы, руководящие отдельными узлами древнего механизма? Если код двоичный, то взаимный контакт возможен. Элементарным стартовым звеном в цепи взаимопонимания станут операторы отрицания и истинности. Единица и ноль.

Как их выразить?

Графическое начертание чисел не годилось. Никаких устройств для

демонстрации не было. Где искать эталон?

Решение пришло внезапно, будто вспышка.

Если откинуть все субъективное, что останется в активе? Только незыблемые, общие для мироздания законы.

Багиров медленно присел и начертил на припорошенном желтоватой пылью полу схему атома водорода с одним электроном на орбите.

Существо склонило голову, внимательно наблюдая за его действиями, затем внезапно повторило движение человека, также присев на корточки.

Дрожь опять поползла вдоль спины Багирова.

* * *

Майлер фон Браун вне себя от ярости смотрел на панорамные стереоэкраны бункера, куда кибернетическая система сектора сводила суммирующие изображения, собранные из отдельных фрагментов, передаваемых маленькими видеосенсорами, изобилующими в приграничных районах корпоративного сектора.

Впервые за истекшие часы спокойствие изменило ему, и надо сказать, что для этого имелся веский повод.

Ничтожная недоработка, упущение, недосмотр программистов, создававших новое программное ядро для инсталляции в инфицированные машины клана Ляо, привели к непредсказуемым последствиям.

Дорожные магистрали, по которым откатывались, двигаясь в сторону Российского сектора, пять механизированных колонн концерна, проходили в непосредственной близости от границ корпоративных территорий. Собственно, дороги были проложены параллельно этим границам, и та часть инфицированных андроидов, что не увязла в бессмысленных уличных боях на территории многочисленных населенных пунктов концерна, вышла к магистрали, двигаясь по следам отступающих боевых частей клана Ляо.

Системы обнаружения насчитали порядка четырех тысяч человекоподобных машин, преследовавших ядро ударной группировки азиатов, заставляя их не снижать темп.

Все шло согласно плану, даже лучше, быстрее, чем предполагал Майлер, и вдруг…

Досадный инцидент произошел, как только инфицированные кибермеханизмы, перейдя через насыпь, оказались на условной границе сектора.

Налицо было явное нарушение частной территории корпорации, и человекоподобные машины, охраняющие сектор «Фон Брауна», тут же

открыли ураганный огонь по своим механическим собратьям.

Последствия этого шага оказались роковыми — иначе их назвать было попросту невозможно.

Приблизительно три тысячи андроидов, которые должны были преследовать отступающие колонны Ляо, внезапно поменяли направление и одним ударом смели десяток огневых точек, пробив в периметре корпоративных территорий изрядную брешь.

Благо, если бы все ограничилось только этим, но инфицированные кибермеханизмы, уже не подчинявшиеся никаким приказам извне, начали развивать наступление на сектор, вливаясь в полуторакилометровую брешь.

Майлер, выплеснув свои чувства, усилием воли взял себя в руки. Три тысячи андроидов представляли грозную, нешуточную силу, а бункер, где обосновались они с Мошером, как назло, находился точно на направлении их удара. Зная разрешающую способность сканеров, которыми оснащались андроиды концерна, Майлер не строил иллюзий относительно того, пройдут они мимо их убежища или нет.

— Связь со всеми силовыми подразделениями, быстро! Зеликайнена на линию!

Не прошло и нескольких секунд, как на линии оптической связи, соединяющей посредством проложенных под землей кабелей все военные объекты корпорации, появился назначенный на место исчезнувшего Марка Келли новый глава подразделений корпоративной безопасности.

— Эрик, на связи фон Браун. — Майлер уже взял себя в руки и говорил спокойно, по крайней мере, его голос звучал ровно и властно: — Поднимай все подразделения. Произошел прорыв границы сектора, в квадрате А16КХ. Наступление ведут до трех тысяч кибермеханизмов человекоподобного типа. Что?.. Да, это продукция концерна. Они атакуют сектор, и я сижу на острие удара. Срочно выдвигай в район бункера все резервные подразделения. — Майлер секунду помолчал, слушая ответ Эрика Зеликайнена, а потом резко произнес: Я не знаю, как долго сможет продержаться внешняя охрана бункера. Все. Я жду тебя лично. Возглавишь резерв, или я еще раз вернусь с того света, чтобы…

Экран интеркома внезапно погас — это какой-то из андроидов засек своими сканерами проложенный в полуметре от поверхности земли активный кабель и перерубил его очередью из автоматического оружия.

* * *

За границей освоенных территорий…

Когда вертолет поднялся над горным хребтом, Келли, не выдержав, оглянулся.

С высоты было отчетливо видно, как мерцающие отсветы озаряют лесопосадки в глубине корпоративных территорий. Там разгоралось серьезное боестолкновение, и в душе Марк испытал иррациональное чувство вины, будто он дезертировал с поля боя в самый трудный и ответственный момент.

«Ответственный для кого? — задал он себе мысленный вопрос. — Для Майлера, который решил установить тотальный контроль над Марсом?»

Генри, управлявший вертолетом, повел машину на снижение, и отсветы далекого боя исчезли — их заслонил вид проносящихся мимо скал.

— Приготовься, Марк, — предупредил он, отвлекая внимание Келли от внутренних проблем. — Я буду занят и не смогу помочь тебе.

— Не беспокойся, я справлюсь. — Келли склонился над панелью управления стационарной лазерной установкой, которую они прикрутили к полу кабины, отодвинув назад кресло второго пилота. Чтобы выдвинуть наружу вращающийся цилиндр с испускающими трубками, пришлось снять один из нижних сегментов выпуклого лобового стекла, и теперь в кабину врывался холодный разреженный воздух высокогорья.

Машина резко пошла вниз, затем замедлила снижение, и Келли, осмотревшись, понял, что вертолет завис над той самой расселиной, которую демонстрировал ему в записи Майлер фон Браун.

«Хорошо, что машина принадлежала геологам», — подумал Марк, глядя, как под точными движениями механических пальцев андроида одна за другой оживают специфические системы сканирования, передавая на суммирующий экран информацию о глубинной структуре окружающих горных пород.

Остатки скального выступа, засыпанного обрушившимися каменными глыбами, обнаружились на тридцатой секунде сканирования, затем, по мере плавного разворота машины, проникающие сканеры начали вычерчивать нечто, похожее на измятую трубу, вход в которую был перегорожен многотонным обломком скалы.

— За преградой никого нет, — произнес Генри. — Начинай резать, Марк.

Келли согнулся над низко установленным лазером. Пальцы обеих рук охватили джойстики точной наводки с бугристыми утолщениями гашеток. Тихо зажужжал раскручивающийся цилиндр с размещенными внутри полуметровыми стержнями из искусственно выращенного рубина, на

контрольной панели зажглись изумрудные сигналы, сообщавшие о полном заряде устройства накачки.

Прицелившись, Марк дал пробный разряд.

Темно-красная вспышка ударила в серый камень, мгновенно разогрев горную породу до тысячеградусной температуры. Снаружи, перекрывая шум вертолетных лопастей, раздался треск, и каменная глыба брызнула дымящимися осколками.

Обломок скалы чуть сдвинулся, в его центре образовалась глубокая неровная выемка со светящимися краями. Келли выждал несколько секунд и повторил операцию. Получилось вовсе не так профессионально, как у геологов, которые умудрялись вырезать лазером цилиндрические керны из интересующих их горных пород, но со своей главной задачей — разрушением преграды — он справился вполне: не прошло и минуты, как многотонный обломок скалы, не выдержав усилившихся под воздействием высокой температуры внутренних напряжений, с оглушительным треском лопнул, разваливаясь на несколько неравномерных частей, которые с грохотом канули в расселину, открывая заваленный мелким щебнем проход.

Шум камнепада еще сотрясал стены ущелья, когда Марк выключил питание лазера и разогнулся, откинувшись на спинку кресла.

Генри осторожно ввел машину в расселину. Посадочной площадки поблизости не наблюдалось, и он решил поступить по-своему — подключившись к системе автоматического пилотирования, андроид на некоторое время застыл без движения, а затем, очнувшись от своеобразного «транса», произнес:

— Я перепрограммировал автопилот. Водородного топлива хватит на двое суток. Машина будет находиться тут в режиме автопарения, пока не израсходует половину активного вещества. Если мы к тому времени не вернемся, вертолет выйдет из расселины и совершит посадку на верхней площадке.

— Может быть, сразу посадить его туда? Зачем расходовать топливо? Ты ведь сможешь сделать это дистанционными командами?

— А если нам придется срочно уносить ноги, Марк? Откуда ты знаешь, что скрывается в глубине этих конструкций? Нет уж, пусть повисит тут.

Келли не стал возражать против такой логики.

— Ну что, берем снаряжение и пошли, — предложил он, отстегивая страховочные ремни.

— Да, не будем терять времени, — поддержал его дройд.

* * *

Борт десантно-штурмового модуля российских ВКС…

В десантном отсеке царил красноватый сумрак. Системы энергопитания работали в фоновом режиме. Генераторы уже закончили зарядку электромагнитных катапульт, и капитан, перешагнув порог шлюза, коротко распорядился:

— Занять места в индивидуальных капсулах. Полная герметизация, режим готовности к аварийному отстрелу. Идем в сторону «Южного».

Дрожь в переборках, короткий холодок нервного возбуждения, проскальзывающий вдоль спины, неприятно стягивающий кожу на затылке, быстрые, но не суетливые движения, и десять наклонных капсул, попарно расположенных вдоль бортов десантного отсека, начали смыкать свои оболочки.

Нервно повизгивали сервомоторы, вторя им, сухо щелкали замки, никто не задавал вопросов, по связи слышалось лишь дыхание бойцов.

Последним свою капсулу занял Шевцов.

Дождавшись, пока стихнет подвывание приводов, замыкающих его тело в тесный кокон бронированной скорлупы, капитан прислушался к звукам, которые передавал канал внутренней связи.

Даже невнятный шепот дыхания многое мог поведать командиру группы: он привычно менял каналы, обмениваясь с каждым из бойцов парой-тройкой слов, убеждаясь, что нервозность, ощущавшаяся в течение первых часов после пробуждения, понемногу отступила, бойцы вели себя сдержанно, по-деловому. Это называлось самоконтролем, потому что испытывать спокойствие в их ситуации мог только глупец. Десантно-штурмовой модуль, набирая ускорение и высоту, летел над обезлюдевшими марсианскими поселениями. Внизу творилось нечто непонятное, необъяснимое с точки зрения здравого смысла, но времени на тщательное распутывание клубка загадок и противоречий у десантников попросту не было.

Модуль ощутимо тряхнуло.

Вибрация прокатилась по переборкам, передаваясь внутрь капсул.

— Клим, закрой рот и не лязгай зубами… — прошла по интеркому напряженно-насмешливая фраза.

Иван Климов усмехнулся, хотя никто из товарищей не мог видеть его мимики. Горюнов, как всегда, в своем духе, минуту назад сидел сгорбленный и напряженный, а теперь, оказавшись в тесной скорлупе индивидуальной капсулы, вдруг забалагурил…

Он хотел ответить, но не успел — модуль вновь ощутимо встряхнуло, и равномерная перегрузка ускорения резко сменилась неприятным ощущением внезапного замирания внутренностей.

«Падаем? Подбиты?» — промелькнула в голове мгновенная оценка возникшей невесомости, и тут вновь резко включились двигатели, распластывая тело по наклонному ложементу капсулы.

Резкая смена чувств принесла секундное облегчение.

Когда напряжен каждый нерв, сопротивляющиеся перегрузкам мускулы невольно учатся воспринимать ритмику ускорений, и разум опытного космодесантника безошибочно читает азбуку ощущений. Полет до места высадки всегда самая утомительная, неприятная часть задания. Работать на земле или в космосе много проще, там ты принимаешь собственные решения, действуешь, а не лежишь, накрепко спеленатый защитными оболочками.

Скорее бы…

Ритмичные, отрывистые толчки вновь прервались серией вибраций.

Работало автоматическое орудие нижней полусферы.

Иван едва успел подумать об этом, как вдруг внутри его капсулы зардел кроваво-красный индикатор, немо засвидетельствовавший активацию механизма стартовой катапульты.

Климов взглянул на датчики бортовых систем.

Значение высоты в окошке электронного альтиметра резко снижалось, несмотря на бесперебойную работу силовой установки модуля.

Падаем.

— Связь с пилотажным отсеком потеряна… — раздался в коммуникаторе голос Шевцова. — Мы находимся… — окончание его фразы потонуло в громких отчетливых хлопках. Климов почувствовал, как накатило мгновенное ускорение это электромагнитная катапульта разгоняла капсулу по короткому стартовому стволу, и…

Резкий динамический удар сменился недолгим ощущением невесомости, затем включились собственные реактивные двигатели, встроенные в механизм бронированной скорлупки, и мелькание цифр в окошке электронного альтиметра замедлилось.

Десять секунд работы тормозных двигателей воспринимались разумом как вечность, казалось, что твое тело просто зависло между небом и землей. Отсутствие визуальной картинки внешнего мира порождено чувство глобального одиночества, но на самом деле ощущения были мгновенными. Резкий толчок возвестил об отстреле выработавших все топливо реактивных двигателей торможения, перегрузка вновь сменилась

коротким ощущением падения, вслед ему по напряженный мышцам хлестнул последний динамический удар, от которого действительно лязгнули зубы, и тотчас непроницаемая оболочка капсулы начала раскалываться на остроугольные сегменты, роняя окалину с потемневшей дымящейся брони.

Тусклый свет марсианского дня ударил сквозь расширяющиеся зазоры между фрагментами обшивки, раскрывавшимися, как механический бутон, и одновременно с этим заработали приводы ложемента, освобождая тело от амортизационных дуг.

Климов оттолкнулся от наклонного ложа, рывком вставая на ноги.

В коммуникаторе проверещала чирикающая трель машинного кода, и на проекционном забрале гермошлема возникла полупрозрачная карта окружающего рельефа.

Его капсула совершила посадку на северном склоне пологого холма, приблизительно в семидесяти километрах от космопорта, рядом, без какой-либо симметрии, просматривались сигналы от девяти импульсных маяков, обозначивших места приземления остальных бойцов группы… Через пару секунд должен заработать канал внутренней связи и все, наконец, встанет на свои места…

Модуль…

Иван выбрался из пышущей жаром бронированной скорлупы, поворотом головы сканируя горизонт и воздушное пространство над холмом.

О блин…

Он инстинктивно пригнулся: десантно-штурмовой модуль, огрызаясь короткими очередями из автоматических орудий, падал, как показалось, прямо на него. Взгляд успел схватить множество деталей — пробоины в корпусе, короткие хоботки огня на срезах электромагнитных компенсаторов башенных турелей, огромный, безобразный провал в том месте, где располагался отсек пилотов, и жирный шлейф дыма, который тянулся вслед падающему аппарату…

В следующий миг искалеченная машина с ревом пронеслась над головой Ивана и рухнула, вздымая фонтаны земли в полутора километрах от холма.

Тяжкий взрыв заставил почву под ногами содрогнуться в конвульсии, обломки модуля вылетали из бесноватого огненного пузыря и падали, оставляя за собой дымные шлейфы…

Климов эмоционально выругался.

— Пятый, всем: нахожусь на южном склоне холма. Наш модуль

уничтожен. Противника в зоне сканирования не наблюдаю. Прием.

Несколько секунд тишины.

Иван не стоял на месте, он менял позицию, поднимаясь к гребню возвышенности, где выделялось несколько гранитных валунов и рос редкий кустарник. Ниже, в районе падения модуля, начинались ровные квадраты сельскохозяйственных полей, между ними виднелся фрагмент приподнятой на искусственную насыпь дороги, дальше у горизонта темнела ровная линия лесопосадок. Судя по карте, в районе искусственных насаждений располагался небольшой населенный пункт. Территория, над которой был сбит модуль, принадлежала корпорации «Фон Браун».

Пробираясь к валунам, он увидел справа от себя едва приметную на фоне кустов фигуру. Фототропная броня, мгновенно приспосабливающаяся к окружающему пейзажу, отменно маскировала бойцов, при условии полной неподвижности можно было пройти в метре от притаившегося десантника, не заметив его.

— Первый, всем: наблюдаю противника. Колонна тяжелых планетарных машин. Это силы «Фон Брауна». Двигаются по дороге параллельно границе сектора.

— Это они сбили модуль?! — раздался по связи хриплый, надсаженный от быстрого бега голос Горюнова.

Ответ Шевцова прозвучал на удивление спокойно.

Неизвестно, каких моральных сил потребовали от капитана эти минуты горестного запредельного напряжения, но его твердость невольно передавалась бойцам, информируя их об окружающей обстановке и одновременно заставляя собрать в кулак свою волю, отринуть захлестнувшие разум эмоции.

— По последним переданным мне данным, огонь велся из района лесопосадок. В пяти километрах отсюда расположен населенный пункт корпорации. До «Южного» семьдесят километров. Распределяемся по позициям.

На проекционном забрале перед глазами Ивана появился зеленый маркер. Ему следовало выдвинуться на сорок метров и занять склон господствующей высоты. Командир указывал ему на ложбину, образовавшуюся от талых или дождевых вод, периодически стекающих по склонам холма.

— Пятый, принял. — Он резко поменял направление, маскируясь редкой порослью кустарника, чтобы скрытно выдвинуться к указанной точке.

Климов, низко пригибаясь, преодолел последние метры до указанной

позиции.

«Какого дьявола корпы атаковали наш модуль? — бились в голове отрывистые злые мысли. — Жить им надоело?»

Пока бойцы занимали позиции на гребне и склонах высоты, Шевцов установил связь с «Южным».

— Первый на связи. Что у тебя, капитан? Где вы застряли?

— Саша, модуль сбит, — доложил Шевцов ротному. — Подверглись массированному ракетному обстрелу с территории «Фон Брауна».

— Где ты находишься?

— Семьдесят километров к востоку.

— Хреново, капитан. На космопорт наступают силы клана Ляо. Наши пограничные блокпосты уничтожены. Я готовлю порт к обороне. Модули выдвинулись для огневой поддержки сил правопорядка, которые сдерживают продвижение азиатов в глубь нашей территории.

— То есть я должен выдвигаться самостоятельно?

— Всего семьдесят километров, Шевцов…

— Сколько у нас времени? — оборвал его капитан.

— Не больше пяти часов. Ищи любой транспорт и выдвигайся, выдвигайся!

— Понял. До связи. — Шевцов переключился на внутреннюю частоту взвода. — Второму и третьему отделению занять круговую оборону. Климов, твои бойцы контролируют колонну.

— Похоже, они спешат по своим делам, командир.

— Выполняй приказ.

* * *

Сектор освоения концерна «Новая Азия».

В разгромленном медицинском крыле административно-промышленного центра царила относительная тишина — звуки боя, крики людей, грохот выстрелов и треск пожаров доносились сюда лишь в виде отдаленного рокота.

Двери морга были широко распахнуты. На полу лужами застыла вода. Опрокинутые стеллажи с медицинским оборудованием, тусклый блеск хирургических инструментов, крошево битого стекла…

Отсюда некоторое время назад начали свое путешествие несколько небольших каплеобразных аппаратов, доставленных на территорию концерна вместе с телом погибшего от руки Багирова диверсанта.

Куда стремились они, какие цели преследовали, для чего были

созданы много миллионов лет назад?

Ответ можно было узнать, понаблюдав за их действиями.

Оказавшись в эпицентре внезапно вспыхнувшего безумия, они на некоторое время затихли, не проявляя никакой внешней активности. Затаившись у стены здания, где их не могли растоптать бегущие в панике люди и методично прочесывающие улицу за улицей андроиды, они наблюдали за происходящим, используя внутренние системы восприятия окружающего мира. Собственно, их не интересовали люди. Все системы древних кибернетических механизмов были ориентированы на сканирование и анализ энергетической активности, присущей искусственно созданным формам. В этом смысле андроиды представляли для них первостепенный интерес: человекоподобные машины являлись наиболее мощным источником разного рода излучений, анализируя которые древние механизмы постепенно пришли к единому выводу.

Вокруг бушевали энергии, несущие разрушение. Их источником в большинстве случаев являлись неопознанные механоформы. Отсутствие их технических описаний в базах данных не стало для древних механизмов причиной к пассивному наблюдению — они, при всей сложности своих внутренних структур, все-таки являлись исполнительными приспособлениями, несущими ограниченный набор программ, диктующих им определенную схему поведения.

…Они все еще таились у стены здания, когда по забрызганному кровью тротуару прошел очередной дройд. Штурмовая автоматическая винтовка в его руках то и дело изрыгала короткие очереди — дройд стрелял в основном по окнам, где его сканирующие системы фиксировали тепловые контуры пытавшихся укрыться людей. Не все выстрелы достигали цели, но кибермеханизм продолжал методично работать, пока не поравнялся с той частью здания, подле которой таились древние модули.

Он едва не раздавил один из них, не обратив никакого внимания на чуждые аппараты, — они не были прописаны в его базах данных, а значит, не являлись целью и не заслуживали внимания.

Древние механизмы придерживались иного мнения.

Опасная, несущая бессмысленное разрушение механоформа. Она возвышалась над ними, воспринимаясь каждым их трех аппаратов как сложная конфигурация тепловых и электромагнитных полей.

Андроид как раз нацелился на окно третьего этажа, за которым в глубине комнаты прятались несколько обезумевших от страха людей, механическая рука спокойно переключила оружие в режим стрельбы из подствольного гранатомета, но дройд так и не успел коснуться сенсорной

гашетки огня: один из древних модулей внезапно взвился вверх, будто его подкинула в воздух распрямившаяся пружина. Вцепившись своими механическими лапками в спину андроида, каплеобразный аппарат мгновенно выдвинул приспособление, похожее на обычное сверло с алмазным наконечником; раздался короткий высокочастотный визг, вслед которому в образовавшееся отверстие впился тонкий гибкий шунт, пронзивший центральный оптический кабель человекоподобной машины.

Снять данные или установить взаимный контакт с системой андроида древнему механизму не удалось, но его главная цель была достигнута — опасная, несущая разрушение механоформа издала затухающий звук сервомоторов, затем пошатнулась и рухнула на обагренный кровью тротуар.

Выполнивший молниеносную операцию модуль отцепился от обездвиженной жертвы.

Попытка связаться с базовыми техническими службами, предпринятая им сразу по деактивации опасной механоформы, не увенчалась успехом, но для крохотного модуля это не стало поводом к дальнейшему бездействию. Он выполнил одну из своих основных функций — обезвредил опасный механизм, и этот удачный прецедент был воспринят двумя другими модулями, не принимавшими участия в обезвреживании андроида, как руководство к действию.

Откуда взялись эти механоформы, их не интересовало. Главным для них было исполнение программных функций, а эти функции недвусмысленно приказывали обезвреживать любую машину, чьи действия так или иначе выпадали из четко прописанного набора операций, которого должен придерживаться любой механизм.

В причинах возникшего сбоя будут разбираться уже не они, — для трех небольших древних устройств не имела никакого значения та бездна времени, что минула с момента исчезновения создавшей их цивилизации. Они просто не воспринимали темпоральный поток, не понимали, что более сложные формы давно исчезли, а роботы, упорно разрушающие все вокруг, принадлежат к совершенно иной цивилизации.

Они просто исполняли свой программный долг.

* * *

Покинув вертолет, Марк и Генри осторожно проникли в обнажившийся лаз, края которого все еще излучали жар после работы лазерной установки.

Впереди царил густой мрак, и Келли включил фонарь, освещая

деформированные стены древнего тоннеля.

— Генри, как ты считаешь, что могло спасти Багирова? Ты принимаешь сигналы его маяка?

— Да, но они очень слабые. Либо он ушел в глубь коммуникаций, либо впереди нас ждет еще один завал, хотя нет… — Дройд остановился, сканируя пространство тоннеля, и вдруг добавил: — Впереди проход закрывает переборка. Это она спасла Багирова от смерти.

— Неужели тут действуют автоматические системы? — усомнился Марк.

— Они могли реактивироваться, когда в тоннель проникли люди. Мы ничего не знаем о технике древней цивилизации. Возможно, для пробуждения им хватило той энергии, что излучают сканирующие устройства.

— Скажи, а твоя структура никак не реагирует на это? — Марк повел фонарем вдоль стен.

— Нет, — скупо ответил Генри. — Она по-прежнему статична. Я ведь уже объяснял тебе ее функцию.

Обмениваясь фразами, они не стояли на месте, осторожно продвигаясь вперед, пока путь не преградила массивная переборка, которую заклинило в деформированных направляющих.

— Должно быть, она опустилась за секунду до взрыва, — произнес Марк. Значит, часть древних механизмов действительно работает.

— Я пошел за лазером, — ответил ему Генри, никак не прокомментировав последнее утверждение Келли.

* * *

Эргвин смотрел на чуждое существо, схематично изобразившее структуру атома водорода.

«Оно разумно и пытается наладить общение, вызвать меня на контакт…»

Он поначалу принял его за мнемоклона, но повторное сканирование опровергло данное заблуждение. Существо состояло из живой плоти, поверх которой было надето некоторое количество электронных и механических приспособлений.

Эргвина внезапно захлестнула тоска.

Он понял многое, внешний вид этого существа и жалкое состояние тюремного блока, предназначенного для формирования энзиклонов, немо свидетельствовали о том, что его цивилизация канула в небытие, а на ее место пришли другие разумные формы.

Мысль о глобальном одиночестве затмила рассудок, ему казалось ужасным собственное положение — один, да к тому же заключенный в механическую оболочку энзиклона, что он будет делать дальше? Неужели его цивилизация больше не существует?

«Как это могло случиться?» — задавал Эргвин себе вопрос, на который не было ответа.

Существо закончило тревожить прах времен и подняло голову, наблюдая за его реакцией.

«Что ответить ему? Повторить рисунок?»

Эргвин вдруг понял, что не хочет идти на контакт. Более того, он испытал неприязнь к иному созданию, которое вырвало его из безвременья, накачав непритязательные системы тандемной камеры излучением своих приборов.

И все же, откуда оно взялось?

Мысль пробилась в оцепеневший рассудок, подталкивая разум к действию, поиску; хотел того Эргвин или нет, но он уже очнулся, и жизнь продолжалась, вопреки его субъективному состоянию.

Внезапно и болезненно вспомнились годы отчаянной борьбы против политики мнемоклонов, стремившихся превратить цивилизацию в бессметные, но бездушные кибернетические организмы, способные жить вечно, не ощущая ничего, кроме рациональности тех или иных поступков.

Заманчивая, привлекательная идея для масс, в большинстве своем не задумывающихся о последствиях. Им было важно получить бессмертие, а что станет потом, через двести-триста лет, по большому счету не волновало никого, кроме горстки трезвомыслящих ученых и их последователей.

«Откуда он взялся? Где эволюционировала его цивилизация?» — вновь вернулись животрепещущие вопросы, и вдруг, раздвигая границы времени, из бездны прошлого пришел голос старого учителя, посвящающего юного Эргвина в сокровенные тайны бытия, поясняющие смысл той борьбы, которую вела между собой расколовшаяся надвое цивилизация.

Он вспомнил все, о чем говорил учитель, дословно, ибо память Эргвина, благодаря трансформации, теперь обладала особым свойством: он с удивлением понял, что с легкостью может воспроизвести все подробности происходивших с ним событий.

Жизнь во Вселенной может зародиться лишь раз.

Наше мироздание подчинено четким законам, которые едины для всей материи и пространства, сколь бы необозримым оно ни казалось.

Изучая распределение реликтового водорода в доступных областях

космоса, сравнивая полученную картину с фоновым излучением, которое несет в себе фотографический отпечаток распределения вещества в первые астрономические секунды существования Вселенной, мы пришли к пониманию общей сути процесса.

Вселенная пульсирует. Из точки сингулярности, где все вещество находится в сверхплотном раскаленном до невообразимых величин состоянии, она начинает взрывообразно расширяться, разлетаясь плотными, горячими туманностями, из вещества которых, под воздействием сил гравитации, постепенно образуются первые звезды.

Конечно, описанный протес сильно утрирован, но сейчас более важным кажется не детальное рассмотрение его стадий, а сам принцип. Вселенная не может расширяться бесконечно. Когда вещество пройдет все стадии возможного термоядерного синтеза, оно начнет остывать, постепенно совершая обратное движение: не разбегаясь, как молодые, горячие, новорожденные галактики, а наоборот, сжимаясь, коллапсируя в одну точку, чтобы снова уплотниться в сингулярность и послужить материалом для нового Большого Взрыва.

Вселенная мертва. Следуя расчетам, связанным с теорией вероятности, приходится признать, что возникновение условий, когда из неживой материи, при сочетании благоприятных факторов, вероятен случайный синтез примитивных органических соединений, способных усложняться, самосовершенствоваться, то есть — эволюционировать, возможно один раз на 18–20 миллионов пульсаций мертвой Вселенной.

Думать об этом по меньшей мере грустно и… страшно.

Мы — чудо, уникум, но сколь ни долог будет наш путь развития, в конце концов, физические законы развития Вселенной предполагают, что нам суждено пережить свой закат и в конечном итоге — исчезнуть.

Но до коллапса мироздания еще миллиарды лет. Ими можно пренебречь… пока. Тем более что есть два аспекта современного бытия, которые уже сегодня становятся неодолимым препятствием для дальнейшего развития.

Во-первых, нас окружает мертвый космос. Повторю: жизнь — это чудо. Невероятное сочетание факторов, ведущее к возникновению органики, возможно один раз на биллионы биллионов лет. Во всем обозримом и недоступном взгляду пространстве более нет ни одной звездной системы с живой саморазвивающейся органикой.

Во-вторых, мы не привыкли беречь то, что имеем. Миллионы лет мы росли, развивались, не ведая о своем одиночестве, не думая о конечности всего сущего. Мы сначала износили, а теперь и изнасиловали свою

собственную планету, превратив ее в пустую изгрызенную нами скорлупу.

Какой вывод следует сделать из этого?

Только один, но самый важный.

Жизнь нужно сохранить и преумножить, несмотря ни на что.

Благо у нас есть куда двигаться — еще один мир нашей родной Солнечной системы обладает жизнью. Чуть позже я объясню этот феномен, но сейчас нужно думать лишь об одном — как повести себя, чтобы не разрушить единственный во Вселенной заповедник, а взять с его поверхности горсть жизни и рассеять ее во мрак, инфицировав органикой миллиарды световых лет пустоты…

Голос учителя бился в возрожденном сознании Эргвина, толкая его к неизбежному выводу — за прошедшие миллионы лет жизнь успела пройти свой эволюционный путь на третьей планете системы, о которой так часто упоминал учитель. Значит, перед ним представитель молодой цивилизации, только ступившей на путь освоения космического пространства. В таком случае он должен знать, что случилось с народом Эргвина.

Механический палец Эргвина потянулся к полу отсека, вычерчивая на покрывающей его желтоватой пленке ответную схему…

* * *

— Клим, начинаешь действовать, как только колонна покинет зону эффективного сканирования. Выдвигаешься к населенному пункту. Твоя задача захватить транспортные средства для взвода.

— Понял, командир.

Иван терпеливо выждал, пока тяжелая бронетехника корпорации скроется в туманной дымке хмурого марсианского полудня, и скомандовал:

— Первое отделение, вперед!

Закованные в тяжелую керамлитовую броню фигуры поднялись из укрытий на склоне холма.

— Бекетов, ведешь активное сканирование, Сычов, Зарайский, Горюнов огневое прикрытие, Лисецкий, Реутов — контролируете фланги, я в центре, гражданское население не трогать, наша цель — захват транспортных средств. Всё, приступаем!

С тонким, едва слышным всхлипом заработали сервомускулы, и семь бойцов устремились вниз по склону.

Дорожную насыпь преодолели без проблем, за ней простиралась пятикилометровая пустошь, кое-где терраформированная и возделанная для посева, дальше еще одна дорога, молодой высаженный ровными рядами хвойный лес и, наконец, поселок, состоящий из нескольких расположенных

особняком усадеб богатых клиентов корпорации.

— Бекетов, почему молчишь?

— Зона сканирования пуста, командир.

— Внимательнее ищи, пусковые установки где-то поблизости.

— Сканеры на пределе. Я работаю.

Климов первым ступил на возделанный участок марсианской земли, представлявший собой небольшое по размерам свежевспаханное поле. Странно было ощущать под ногами бурую липкую грязь. Неужели это и есть та драгоценная плодородная почва, которая растит и кормит сельскохозяйственные культуры?

Внезапно пошел проливной дождь. До этого с хмурых небес даже не накрапывало, а тут ливень обрушился сплошной стеной, косые струи хлестали по броне скафандров, тонкими змейками стекали по выпуклым забралам гермошлемов, почва под ногами моментально превратилась в густую жижу, и сервомоторы тут же заработали с двойной нагрузкой…

— Энергетическая активность в зоне лесопосадок! — раздался в коммуникаторе голос Бекетова. — Семь термальных всплесков! Ракетный запуск!

Черные шлейфы инверсионного следа рванули из-под прикрытия мокнущих под дождем деревьев, мгновенно превращаясь в стремительные росчерки, но ни одной из ракет не суждено было найти цель. Бронескафандр — это не просто ромбовидные сегменты керамлита, приводимые в движение механическими усилителями мускулатуры: тяжелая экипировка — прежде всего сложный компьютерный комплекс, напрямую соединенный с разумом бойца, снабженный, ко всему прочему, системой коррекции метаболизма, которая заряжена боевыми стимуляторами.

В тот миг, когда на границе лесопосадок засверкали вспышки ракетных пусков, Иван ощутил резкое замедление времени.

На самом деле секунды не прекратили свой бег, но введение в кровь боевых препаратов мобилизовало нервную систему, позволяя рассудку работать с тем же быстродействием, что присуще кибернетической составляющей комплекса «БКС-12».[12]

Слова мгновенно потеряли практический смысл, речевые команды все равно безнадежно опаздывали, сейчас каждый боец действовал самостоятельно, но отделение все же сохраняло единство, что достигалось путем многократных изнурительных тренировок.

Климов задействовал ранцевые двигатели; резкий импульс

реактивной тяги вырвал его ноги из липкой грязи, но он не стал управлять прыжком, предоставив киберсистеме самостоятельно выработать оптимальную траекторию, и пока земля медленно уплывала из-под ног, а с плечевых установок сверкающими болидами срывались ложные тепловые цели, рассудок Ивана сосредоточился на точке запуска, где системы сканирования обнаружили углубленный в почву бронепластиковый бастион.

Правее и ниже ударил неистовый огонь, кустистый султан разрыва медленно вытягивался вверх, поднимая к хмурым небесам несколько тонн дымящейся, сгорающей на лету почвы. Факел реактивной тяги уже работал на торможение, ноги машинально готовились принять неизбежный удар приземления, а глаза по-прежнему цепко держали обнаруженную цель. Правая рука поднялась вверх, словно указывала на замаскированное укрытие, и за миллисекунды до приземления с направляющих, расположенных поверх бронепластин запястья, одна за другой ушли три тактические ракеты с тандемными кумулятивно-разрывными боеголовками.

Удар. Фонтан жидкой грязи, вой сервоприводов, частые вспышки на границе леса — все это слилось в единое ощущение торжества: жив, приземлился, попал, и тут же время вновь обрело прежний темп, губы сами вытолкнули в коммуникатор короткий приказ:

— Всем, доложить о состоянии!

Живы… Уклонились. Работаем!..

* * *

Суть величайшего открытия состоит в том, что органика зародилась не на конкретной планете, в среде горячих первобытных океанов, как это предполагалось ранее многими поколениями ученых, а в космосе.

Виновник случайного синтеза примитивных органических молекул — Солнце. Светило нашей системы относится к третьему поколению звезд, то есть оно так же, как все вращающиеся вокруг него планеты, сформировалось из среды газопылевого облака, которое уже было насыщено всеми видами химических элементов. Именно поэтому мы имеем доступ к месторождениям полезных ископаемых, железных руд и т. д.

Первобытные облака, в которых зарождалось первое поколение звезд, состояли из водорода и гелия, иных элементов в природе еще не существовало им только предстояло появиться в результате реакций термоядерного синтеза, происходящих в недрах раскаленных светил.

Звезды рождались и умирали, некоторые из них вспыхивали, сбрасывая с себя расширяющиеся газовые оболочки, которые мы называем планетарными туманностями. Такие туманности, расширяясь в пространстве, несли в себе запас синтезированных звездой химических элементов, они смешивались с облаками межзвездного газа, насыщая их многообразием молекул.

Из такого насыщенного элементами облака сформировались наше Солнце и все планеты системы.

Известно, что синтез наиболее тяжелых элементов периодической таблицы происходит не в самой звезде, а в окружающем ее пространстве при катастрофических вспышках, когда излучаемой звездой энергии становится достаточно для синтеза ядер тяжелых элементов.

В одной из таких вспышек, когда наше молодое Солнце в очередной раз взъярилось, выбрасывая на миллионы километров вокруг себя пронзительные щупальца плазменных протуберанцев, в его окрестностях, помимо образования некоторых радиоактивных веществ, зародилась жизнь. Произошел случайный синтез примитивной органики, а солнечный ветер разнес эти споры по всей системе, до самых ее границ… Но только две планеты на поверку оказались готовыми принять и приютить примитивные органические соединения, дать им возможность проявить себя.

Одну планету мы называем Земля, вторую — Селен.

Размышления, приведенные выше, ставят перед нами закономерный вопрос: если жизнь уникальна и она не распространена повсеместно по миллиардам миров миллионов галактик, то как ее сохранить и преумножить?

Здесь вступают в игру два фактора. Оба они неблагоприятны. Первый заключен в конечности скорости света, что катастрофически сужает возможности экспансии в глубины Вселенной, а второй — в относительной непродолжительности человеческой жизни, по сравнению с масштабами тех расстояний, которые требуется преодолевать для успешного освоения нового пространства, осеменения его спорами жизни.

Преодолеть световой барьер — идея заманчивая, но, на мой взгляд, неосуществимая, по крайней мере, на сегодняшнем уровне знаний и связанных с ним технологий. Другое дело — человеческое сознание, душа.

Мы существуем, пока мы мыслим. Все, что отличает разумное существо от животного, заключено в самосознании. Вот если бы удалось зафиксировать это неуловимое на первый взгляд понятие: душа, личность.

Но разве нам нужна законсервированная, статичная душа? Конечно же, нет. Человек должен жить, смеяться и плакать, любить и ненавидеть,

радоваться и горевать, иначе все усилия теряют смысл и мы возвращаемся к идее мертвой Вселенной, в которой станут обитать какие-то абстрактные, равнодушные ко всему, лишенные эмоций сущности.

Размышляя над этим, сравнивая между собой два препятствия для сохранения и преумножения жизни: скорость света и смертность, я пришел к выводу, что скорее преодолимо последнее.

Давайте обратим внимание на реальные достижения цивилизации. Мы движемся в пространстве, но эти перемещения нельзя назвать иначе, как смехотворными. С точки зрения межзвездных расстояний, мы по-прежнему стоим на месте.

Иное дело информационные технологии. Здесь прослеживается очевидный прогресс. Развитие искусственных носителей информации и устройств ее обработки в тысячи раз опережает наши реальные успехи в освоении космоса. Вычислительные машины, созданные в последнее время, построены на основе архитектуры, копирующей строение живого мозга, а их быстродействие уже перевалило за один миллиард операций в секунду.

Однако здесь существует ловушка. Мало построить машину, которая бы мыслила со скоростью живого мозга, мало дать ей соответствующий объем памяти. Нельзя забывать, что основу понятия «душа» составляют эмоции, а ими во всех случаях управляют биохимические реакции, свойственные только живым организмам, но никак не машине.

То есть носителем разума, души, может быть исключительно живое существо. Тот вид интеллекта, который возникает на электронных или оптических носителях, никогда не будет адекватен человеческому разуму.

…

Эргвин выпрямился. Рисунок, начерченный его рукой, в корне отличался от схемы, предложенной пробудившим системы этого зала существом.

…Багиров посмотрел на схему и вдруг ощутил, как крупная неконтролируемая дрожь мурашками стянула кожу на затылке.

Механическое создание изобразило Солнечную систему, но взгляд Инока, безошибочно узнав орбиты Меркурия, Венеры и Земли, тут же споткнулся и замер, словно примерз к тому участку изображения, где отсутствовал Марс.

Разум не соглашался со зрением, в голове на мгновение воцарился вакуум, настолько сильным оказалось потрясение от увиденного.

Не было орбиты Марса, у Земли отсутствовала ее верная спутница — Луна, зато чуть ближе современного местоположения пояса астероидов

механический палец вычертил орбиту иной планеты, вокруг которой обращались два спутника.

«Неужели Луна и Марс?» — полыхнула горячая, обжигающая мысль.

Существовал лишь один способ проверить эту ошеломляющую догадку, и Инок вновь присел на корточки, вычерчивая третью схему, которая отражала истинное для современности расположение планет и их спутников.

* * *

Дождь низвергался сплошной мутной стеной.

Десантники стремительно двигались по раскисшему полю, маневрируя между разрывами, огрызаясь прицельными залпами тактических ракет и короткими очередями автоматических орудий, стволы которых были укреплены поверх бронепластин левой руки каждого бойца.

Впереди росла, приближалась высокая насыпь второй дороги, непосредственно ведущей в поселок вдоль кромки леса.

Из семи обнаруженных огневых точек работали лишь две, но и они существенно усложняли движение. По-видимому, боезапас ракетных установок был исчерпан, и теперь раскисшее под дождем поле перепахивали очереди снарядов, выпущенных из крупнокалиберных автоматических орудий.

Пять километров недавно терраформированной равнины.

Ямы, заполненные водой и грязью, сменялись ровными участками почвы, сохранившими на своей поверхности характерные трещины, будто здесь не так давно свирепствовала засуха. Иногда на стыке неоднородных участков поля попадались проплешины песчаной поверхности — эти места приходилось обходить стороной, сканеры очерчивали глубокие впадины рельефа, которые были засыпаны желто-оранжевым песком. В такую западню мог без следа кануть вездеход, и разумнее было сторониться предательских поверхностей.

Четыре орудия били, не снижая темпа, попарно, постоянно заставляя бойцов уклоняться, маневрировать, жечь драгоценное реактивное топливо, расходовать биологический и энергетический ресурс скафандров, который таял с угрожающей скоростью.

«Это не космос», — стучало в висках, в то время как взгляд, брошенный на хронометр гермошлема, показывал: бой длится всего семь минут.

Тактико-технические характеристики отводили отделению двадцать минут непрерывного огневого контакта, но эти расчеты были справедливы

для космоса, а в условиях планеты все системы бронескафандров работали с двойной, а иногда даже с тройной нагрузкой, лимит живучести сокращался в той же пропорции, и когда отделение достигло второй дорожной насыпи, Иван вдруг подумал: «Чудо, что вышли на рубеж без потерь».

Они затаились за естественным укрытием, прильнули к откосам, успокаивая дыхание.

— Командир, мы на втором рубеже. Лимит скафандров исчерпан на восемьдесят процентов. Ты выяснил, что происходит? Кто засел в этих укрытиях?

— Не психуй, Клим, — раздался в ответ голос Шевцова. — Я выяснил, это обычная практика корпорации. Вдоль всех дорог, в особенности подле населенных пунктов, расположены скрытые системы укреплений. Они готовились к вероятному вторжению со стороны концерна «Новая Азия». По информации с «Южного», незадолго до нашего прибытия в эфире прошел сигнал активации, теперь каждый бытовой дройд корпорации вооружился и занял заранее предписанное ему место в укрепленных точках. Все население сектора сидит в бункерах. Этого не изменить, андроиды запрограммированы так, что не станут реагировать на внешние команды. Должно пройти двое стандартных марсианских суток, прежде чем они выйдут из боевого режима.

— Утешил, блин.

— Другой информации у меня нет. Когда будешь готов, подай сигнал, мы поддержим вас огнем.

— Понял. — Иван оглянулся на бойцов, изготовившихся к рывку через насыпь, и коротко выдохнул: — Дави их, командир!

Со стороны возвышенности полыхнул массированный ракетный залп, и семеро бойцов в тяжелых бронескафандрах начали стремительно взбираться на насыпь, стараясь двигаться вслед за прикрывающим их огневым валом.

* * *

…Мы рассмотрели несколько проблем, связанных с теорией бессмертия личности и глобального распространения жизни, и пришли к следующим выводам.

Путешествия в пространстве станут вторичным способом приумножения жизни. Межзвездные расстояния реально преодолеть лишь в том случае, когда будет решен вопрос записи и последующей инсталляции человеческой сущности.

Мы можем сканировать мозг. Нам, при определенных условиях, доступен весь объем долгосрочной и оперативной человеческой памяти. Допустим, мы записали эту информацию, считанную с живого мозга, на более прочный и долговечный носитель. Получается, что мы зафиксировали личность живого существа на определенный момент времени. Но как быть дальше?

Дальше следует создать такой носитель, который был бы восприимчив к определенному воздействию. Нужно создать копию человека, внеся необходимые генетические изменения в структуру головного мозга. Это должно быть полноценное существо, способное к воспроизводству, самостоятельному отправлению всех жизненных функций и передаче по наследству приобретенных изменений. Только такой носитель может полностью удовлетворить выдвинутым требованиям. Видоизмененный человек призван стать не биологической машиной, как утверждают наши оппоненты, а следующей ступенью эволюции, но шаг на эту ступень должен произойти не под воздействием случайных мутагенных факторов, а вполне сознательно.

* * *

Эргвин посмотрел на схему, которую начертил для него Багиров.

Сохранилась ли у него душа?

Трудный вопрос, когда твой разум размещен на искусственных носителях механической оболочки. Но откуда тогда фантомная боль в груди, там, где, по определению, нечему болеть?

Он медленно опустился на колени, не отрывая взгляд от рисунка.

Отображенная схема ввергла его в шок.

На том месте, где ранее располагалась орбита родного Селена, теперь существовало лишь хаотичное скопление обломков…

Прошло несколько минут, прежде чем Эргвин до конца осознал смысл современного расположения планет. Он знал, что для трансформации в энзиклон-форму его намеревались отправить на большой спутник, где мнемоклон-формы создавали промышленную базу для радикально новой цивилизации. Меньший спутник родной планеты начали осваивать намного раньше, в тот период, когда идея о необходимости нести жизнь во Вселенную еще пользовалась поддержкой большинства населения Селена.

Малый спутник был мертв, непригоден для жизни, потому его и избрали для первых опытов колонизации, чтобы пройти по пути наибольшего сопротивления, набрать максимум опыта для последующего продвижения к звездам…

На Новом Селене культивировались иные технологии, в корне отличающиеся от тех, что позже применили мнемоклон-формы.

Эргвин почувствовал, что его мысли уклонились в сторону от главного вопроса. Хотя что считать главным? На малой луне могли уцелеть живые представители его цивилизации, здесь же не найдешь ничего, кроме ненавистных механоформ и их продвинутых мыслящих хозяев.

Здесь — это где?

Он вновь посмотрел на пояс астероидов, затем на небольшую планету, орбита которой располагалась между Землей и ожерельем обломков, только сейчас заметив, что подле нее поставлен крестик.

Эргвин поднял взгляд на Багирова, мучительно осознавая ту пропасть, которая лежала между ними. Разум требовал немедленной исчерпывающей информации, но, не убив, не покалечив друг друга, они сделали лишь крохотный шаг навстречу пониманию. Это было уже немало, но сколько еще потребуется времени и усилий для преодоления информационной пропасти?

В этот момент в глубинах полуразрушенных коммуникаций раздался грохот.

Они оба невольно обернулись на звук, вслушиваясь в наступившую вслед за ним тишину, пока из недр подземелий не стали слышны осторожные шаги и приглушенные голоса.

Сердце Багирова поначалу трепетно вздрогнуло — спасатели, но тут же разум заполнила тревога — это могли вернуться убийцы, чтобы довершить начатое. Рука непроизвольно коснулась оружия, и он присел за выступ древней конструкции, готовый встретить неожиданных визитеров огнем из «ИПП».

От Эргвина не укрылась такая реакция пробудившего его существа. Значит, и у него имелись враги?

Осторожные шаги приближались, и через несколько секунд все должно было проясниться тем или иным образом.

* * *

— Клим, внимание, сканеры зафиксировали вторую линию! Слышишь?! Даю координаты, — сквозь нудный монотонный шелест дождя слух резанул высокочастотный свист, и впереди, там, где причесанный под исполинскую гребенку лес смыкался с умытыми небесной влагой приветливо-зелеными, радующими глаз шедеврами дизайнерского ландшафта, расцвел уродливый разрыв.

«Молодец Шевцов… Мужик!..» — Климов рванулся в сторону,

выкрикивая в коммуникатор команду отделению, а по обнажившемуся из-под земли выступу высокопрочного пластика уже харкнуло короткой очередью автоматическое орудие.

На четвертом выстреле очередь оборвалась.

Все… Конец тактическому боезапасу…

Что-то перло наружу, вспучиваясь из-под земли, показывая узкую щель амбразуры, в глубинах которой таилась смерть…

Дождь хлестал, будто сумасшедший.

Последняя ракета ушла с направляющих, ударив по траектории прямой наводки, впереди сверкнул яростный разрыв, что-то заскрежетало в механизмах, подающих вверх замаскированную до поры огневую точку, но справа и слева вспучивались еще два холмика.

Мышцы ныли. Тело просилось уйти в перекат, припасть к земле, слиться с неровностями этого игрушечного рельефа, но боевой скафандр не предполагал такой степени гибкости. Ужиком в нем не поползаешь, максимум, что можно сделать, это припасть на колено и…

Электромагнит двадцатимиллиметрового орудия несколько раз вхолостую щелкнул затвором.

Все…

Иван сгоряча рванул боковой клапан экипировки, где вдоль негнущихся торсовых пластин был приторочен «абакан».

Справа падала прошитая выпущенными в упор снарядами фигура в бронескафандре.

— Кто?! — неистово закричал он.

— Лисецкий… Я рядом, командир.

Молниеносный взгляд на контрольные дисплеи сразу же отрезвляет рассудок. Встроенные системы тяжелого вооружения скафандра недееспособны.

Тактическая ракетная установка — статус активна. Наличие боекомплекта ноль.

«РКАП-20» — активирован, боекомплект — ноль.

Нет времени на медленные танцы, как любил говорить капитан Шевцов.

Мокрый ствол «абакана» резко идет вверх, теперь уже мысли безнадежно отстают от машинальной реакции тела, преданно вздрагивает электромагнитный затвор, ритмично выбрасывая тусклый поток горячих гильз, первые пули, снабженные титановыми сердечниками, выбивают острую пластиковую щепу из закругляющегося бруствера переносного укрытия, прошивая его насквозь; рука тут же исправляет ошибку, и

появившаяся в поле зрения голова андроида вдруг разлетается вдребезги, выпуская искрящийся фонтан света из перерубленного оптоволоконного интерфейса; дальше следует рывок в сторону, и подствольный гранатомет издает очередь из трех хлопков, посылая термические гранаты по короткой траектории прямой наводки.

За узким разрезом амбразуры, внутри укрытия вспухает неистовый шар огня, и вслед тут же начинают рваться боекомплекты, раскалывая бронепластиковый бастион на уродливые обломки, которые взмывают в воздух и катятся по земле, оставляя после себя причудливые, истекающие зловонным дымом расплавленные фрагменты…

— Бекетов, почему молчишь?! — Усталость не наваливается, она падает, стремясь раздавить разум, погасить сознание, будто бетонная плита… Дают знать о себе боевые стимуляторы, выжавшие из организма все силы до капли…

— Серега жив… Нормально, командир.

Резкий поворот головы до хруста фиксаторов гермошлема или шейных позвонков, кто его разберет, но горизонт сканирования чист. Чист…

Ноги подкашиваются. Индикатор напряжения тлеет у отметки десяти процентов номинала.

Нет времени.

— Бекетов, останешься с Серегой. Остальным прочесывать здания. Нужны колеса.

Сервомоторы уже едва работают. Требуется срочная замена батарей питания, боекомплекта, но где все это взять, если модуль сбит? Четыреста килограммов брони и экипировки наваливаются на измученные мышцы непосильной ношей, но ведь и остальным не легче, так что не ной, сержант, двигай ногами вперед, вон к тому гаражу под красной черепичной крышей…

Но ведь прорвались, дошли, Серегу вытащим, и порядок. Он взглянул на хронометр.

Бой длился тридцать минут.

Скажу технарям — не поверят. Скажут — брешешь, Клим.

Плевать…

— Командир, тут в гараже два вездехода. То, что доктор прописал, клянусь! — это в усталом голосе Зарайского прорываются торжествующие нотки.

— Выводите машины на дорогу. — Иван остановился, пошатываясь. Бекетов, Серегу в кузов. Остальным следить за окрестностями.

Все… Теперь уже точно — отработали.

Через несколько минут, когда оба вездехода уже выехали на дорогу, тактическая система Климова вдруг захлебнулась остервенелым воем.

Он взглянул на радар. С противоположной стороны поселка по главной улице в темпе продвигались пять андроидов.

Ну, конечно… Что, у них с той стороны укреплений не было, что ли? Частные собственники, мать их…

Времени на оценку ситуации — пара секунд.

«А что ее оценивать?» — пришла тяжелая, свинцовая мысль. Вездеходы гражданские, брони никакой, значит, одна очередь — и хана…

— Уводите машины! Это приказ! — Климов переключился на командную частоту взвода. — Командир, вездеходы пошли. Я остался в прикрытии.

— Численность противника? — Голос капитана только казался спокойным, на самом деле Шевцов сейчас отдал бы все на свете, чтобы очутиться рядом с Климом.

— Пять андроидов. Я этим корпам потом встречный счет выставлю. За стоимость израсходованных боеприпасов…

— Сделай их быстро…

— Не смогу. Сервомоторы едва ворочаются. Уводи взвод, я догоню. Найду еще машину и догоню.

В этот момент первый человекоподобный механизм показался из-за угла здания, и Иван, припав на одно колено, дал по нему длинную очередь из «абакана».

Глава 11

Древние сооружения цивилизации селенитов.

— Багиров! Иннокентий Осипович! Вы живы? — Голос доносился из соседнего помещения.

Инок видел находящегося там человека и сопровождающего его андроида только посредством сканеров, оба «спасателя», по-видимому, предполагали, что им может быть оказан нерадушный прием, и потому не спешили показаться в зоне прямой видимости.

— Кто вы? Назовите себя? — потребовал Багиров.

— Я Марк Келли.

— Начальник службы безопасности? Собственной персоной?

— Бывший начальник, — прозвучал неожиданный для Багирова ответ. — На Марсе происходят чрезвычайные события.

— И тем не менее вы нашли время и средства для спасательной операции?

— Я действую в частном порядке.

Выслушав его ответ, Инок испытал горечь. Она граничила с мысленным упреком, адресованным самому себе, — странно и неприятно было осознавать, что, не убоявшись чуждого существа, он вынужден опасаться представителей своей расы.

— Хорошо. Входите. Но предупреждаю — ведите себя сдержанно и осторожно. Здесь присутствует представитель иной цивилизации.

Последние слова вызвали замешательство у Марка. Келли посмотрел на андроида, но Генри лишь кивнул, подтверждая, что его сканеры фиксируют древнюю механическую форму.

Пока два человека обменивались вопросами, Эргвин и Генри сканировали друг друга.

Келли сделал шаг по направлению входа в зал, но Генри жестом остановил его:

— Иннокентий Осипович, вы можете поручиться за находящийся рядом с вами механизм?

Багиров привстал из-за своего укрытия, посмотрел на Эргвина и честно ответил:

— Я не могу дать никаких гарантий относительно его поведения. Поэтому постарайтесь быть сдержанными. Нам удалось достичь некоторого взаимопонимания, но это чуждое существо.

— Хорошо, мы заходим.

* * *

На всех освоенных людьми территориях Марса шли ожесточенные бои, но сюда, в недра древних коммуникаций, не долетал даже отзвук захлестнувших колонию потрясений.

Здесь назревал момент истины, и его главными участниками являлись отнюдь не люди.

Два механических существа застыли в нескольких метрах друг от друга, их сканирующие системы работали на полную мощность, и в полуразрушенном зале сама собой воцарилась глубочайшая тишина.

Багиров и Келли одновременно почувствовали — сейчас произойдет что-то важное.

Эргвин не верил своим датчикам. Перед ним стояла чуждая механоформа, явное порождение иной цивилизации, но…

Сканирование определило, что механизм обладает биологической составляющей, и это автоматически превращало его в аналог мнемоклона за одним вопиющим исключением: тонкая структура серебристых нитей, объединяющая нервные ткани и кибернетическое ядро системы, являлась колонией микромашин, которые разрабатывались для Нового Селена. Именно эти микроскопические устройства должны были, по замыслу его учителей и наставников, стать ключом, открывающим для хрупких биологических существ двери в мертвую Вселенную.

Как он мог объяснить подобное сочетание противоположностей, когда в представшем перед ним механизме объединились две технологии, два подхода к путям дальнейшего развития его цивилизации, которые в конечном итоге привели к ее расколу и, вероятно, — гибели.

Эргвин не выдержал — он первым сделал шаг вперед, поднял свою механическую руку, осторожно коснулся нагрудного кожуха, и Генри понял его жест — он деактивировал магнитные замки, снял защитную пластину, позволив древнему существу увидеть сложную серебрящуюся структуру, пронзающую его центральный блок.

Эргвин смотрел на тонкие серебрящиеся нити и не мог понять: каким образом они попали в структуру чуждой механической формы?

На миг ему показалось, что пропасть, о которой он думал минуту назад, превратилась в непреодолимую бездну, но шок, испытанный при этом, внезапно высвободил из-под эмоционального гнета машинную составляющую его двухкомпонентного разума.

Решение пришло мгновенно, оно было основано на технических

знаниях, хранящихся в модулях долгосрочной памяти, помноженных на личный опыт Эргвина, который знал, как работают микромашины.

Вывод был прост и очевиден: если структура микромашин сумела внедриться в ядро чуждой механоформы, соединить его биологические модули с остальными устройствами, значит, контакт уже налажен, осуществлен, достигнута информационная совместимость технологий, между которыми пролегла бездна времени.

Он мог вступить в контакт с микромашинами, а те, в свою очередь, имели доступ к коду, на основе которого формировалось информационное поле данной механоформы.

Они могли наладить обмен данными. Могли!

Мысли, эмоции захлестнули разум Эргвина: он может узнать, что произошло с его планетой, вступить в контакт с чуждым разумом, все зависело от желания противоположной стороны рискнуть, пойти навстречу его порыву!

Он не мог ничего спросить — мешала все та же пропасть, но стоило хотя бы попытаться…

Никто не встал на его пути, когда Эргвин вдруг метнулся к сумеречной нише, где в тандемной камере лежали бренные останки его тела.

Выйдя оттуда, он подошел к Генри и показал ему шунт, похожий на черную глянцевитую змею с раздвоенными жалами контактов на обоих концах.

— Генри, что он пытается сделать?!

— Спокойно, Марк. Похоже, ему знакома внедренная в меня структура. Он предлагает прямой контакт, и я намерен согласиться на эксперимент.

* * *

Район космопорта «Южный» Российский сектор освоения…

— Я ни хрена не понимаю в этом бардаке! — Голос в коммуникаторе звучал с хриплым, надрывным придыхом, но Шевцов сразу узнал Клима, и в душе на миг потеплело — жив, ведь жив!..

Он глянул вниз, дал короткую очередь по подбирающейся к подножию высоты группе азиатов и, пригибаясь, сменил позицию, одновременно отозвавшись в эфир на боевой частоте взвода:

— Климов, где тебя носило?

— Отсыпался… В шикарном особняке… У «Фон Браунов»… —

Конец отрывистой фразы заглушил явственный визг тормозов, затем послышалось тяжелое сопение, и в довершение двумя одиночными выстрелами огрызнулся «абакан».

— Ты где? — Шевцов упал на землю, глубоко вгоняя сошки «АГП-30» в рыхлую податливую почву. — Скоординируй, прикрою!

— Я на дороге, командир!.. Вернее, уже за откосом. Тут хрен поймешь, что творится. Сбил андроида и двух азиатов, все вооружены, на подступах наблюдал скопление тяжелой техники. Схлестнулись силовики «Фон Брауна» и головорезы Ляо. Все движется, словно второе столпотворение… Каждый сам за себя, да?

— Угадал с первой попытки. Вижу машину… Ты с какой стороны насыпи?

— Справа, командир, справа.

— Ну приготовься, к тебе гостей валит человек пятьдесят… Сейчас я их прижму, а ты рви вдоль дороги, но и по сторонам поглядывай.

— Понял… Вопрос можно?

— Нашел время… — Шевцов приложился щекой к волокончатому прикладу, вылавливая в электронный прицел группу боевиков Ляо, появившихся на дороге позади изрешеченного пулями внедорожника.

— И все же? — судя по дыханию, Климов бежал.

— Валяй…

— Где наши? Ты что один, командир? И какого хрена… здесь творится.

— Все просто, Клим. — Шевцов коснулся сенсора огня, и «АГП» ритмично задрожал, выплевывая тугую очередь тридцатимиллиметровых разрывных снарядов. Поперек дороги вздыбилась плотная стена оранжево-желтых вспышек, рвущих асфальтобетон. — Ребята окапываются на высотах. — Он резко перекатился, меняя позицию, и снова вогнал сошки «АГП» в почву. — Будем держать космопорт.

Ответ пришел с некоторой задержкой — очевидно, сержанту в этот момент было не до слов, он бежал что есть сил, маскируясь неглубокой дренажной канавой.

— Окапываются?.. Компехи роют землю?..

— Угадал.

— Так зачем нас сюда выбросили?! Спасательная операция, да?..

— Рано собрался умирать, Клим… — Дым от разрывов уже рассеялся, отнесенный в сторону легким ветерком, и Шевцов внезапно увидел, что, кроме разрозненных групп боевиков (назвать иным термином вооруженные формирования концерна у него не поворачивался язык), на

дальней развязке дорожных магистралей появилась колонна тяжелой техники.

Это были регулярные части семьи Ляо.

«Вовремя мы перегруппировались…» — подумал капитан, а вслух обронил:

— Клим, прибавь темп. У горизонта появилась бронетехника. Минут через пять будут здесь.

— Командир, а ты?

— Отхожу. — Он переключился на командную частоту. — Борт-01, на связи Земля.

— Слышу тебя.

— Поднимись метров на триста выше. Даю координаты, квадрат е-18, пересечение транспортных магистралей. Наблюдается скопление бронетехники противника. Накрой их ракетным залпом и сразу же снижайся, не рискуй, ты понял?

— Борт-01, принято. Исполняю. Клим?

— Порядок. Вижу наших.

— Горюнов?

— На связи.

— Окопались?

— По полной. Земля-матушка убережет.

Шевцов машинально отметил про себя, что фраза Горюнова его порадовала. Назвать марсианский суглинок своей землей дорогого стоило. Значит, ребята в порядке, осознают ситуацию, а главное чувствовалась в короткой фразе уверенность в своих силах…

Прав он. Это наша земля. И люди, что за спиной, наши, неважно — беженцы-азиаты или свои сотрудники сектора. И пока последний челночный корабль с эвакуированными людьми не скользнет по взлетно-посадочной полосе, чтобы взмыть в вечно хмурые марсианские небеса, его рота будет держать порт.

— …идут, командир.

Шевцов вскинул взгляд к горизонту.

Колонна бронетехники, состоящая из тяжелых планетарных машин, разделялась, начиная выстраивать боевые порядки для атаки. Башенные орудия планетарных танков молчали, и здесь незачем было гадать почему: азиатам нужен порт в целости и сохранности со всем оборудованием, значит, они попрут напролом, производя разведку боем, пока не нащупают узлы наспех организованной обороны…

В этот миг тугой, ощутимый толчок, похожий на мягкий

подзатыльник, возвестил о залповом пуске ракет класса воздух — земля.

Шевцову не нужно было оглядываться, чтобы живо представить себе контур десантно-штурмового модуля, который поднялся во влажном мареве, курящемся над зданиями космопорта.

Зримые инверсионные шлейфы ракет густыми полосами прочертили серую хмарь моросящего дождя, впиваясь в землю ослепительными вспышками разрывов.

Десантный модуль, произведя молниеносный залп, тут же начал снижение, уходя из-под ответного огня.

Шевцов лежал на краю обрыва, чувствуя, как воздух начинает дрожать от множественных взрывных волн, с кустов посыпались мелкие веточки, горячие порывы шквалистого ветра срывали листву, обдавая влажную землю своим прогорклым дыханием.

Ну вот… НАЧАЛОСЬ…

Капитан привстал, вскидывая на плечо тяжелый «АГП» с перепачканными рыжей глиной сошками и, низко пригибаясь, побежал назад, к позициям своего взвода.

— Никому не стрелять!.. Нервы в кулак, пока не выйдут на прямую наводку.

Предупреждение было излишним.

Позиции молчали, словно в полутора километрах по плавно повышающейся равнине к площадкам космопорта не двигался в этот момент потрепанный ракетным залпом, но все еще боеспособный механизированный батальон.

По взлетно-посадочной полосе белоснежной птицей скользнул набирающий скорость «Буран», и Шевцов, проследив за его движением, понял, что не ошибся ни в одном из собственных выводов. Азиаты не стреляли, хотя отлично видели старт челнока. Но он понимал и другое — все изменится, если рота выдержит первую атаку. Раз за разом сдерживать силы Ляо будет все труднее, а те начнут звереть от потерь, и тогда уже никто не сможет гарантировать безопасность взлетающих кораблей…

«Кроме нас самих…» — подумалось ему.

* * *

В ста двадцати километрах от «Южного». Сектор освоения корпорации «Фон Браун»…

Стены бункера мелко дрожали;

Армированный пенобетон не выдерживал вибраций, от потолка

оторвались несколько декоративных пластин, и вслед посыпалась мелкая, едкая крошка.

Экраны огромных мониторов были темны, как ночь.

Мошер даже не пытался представить, что сейчас творится наверху, где силы корпорации отбивают методичные атаки андроидов.

Фон Браун сидел в кресле с ледяным спокойствием на лице, будто это не его воля подвигла тысячи машин на бесчеловечную бойню.

— Они не выйдут из боевого режима! — Мошера внезапно прорвало, он не мог больше сидеть, вслушиваясь в далекий ритмичный рокот, от которого мелко вибрировали стены помещения. — Какие, к дьяволу, двое суток? Они не остановятся, потому что будут постоянно встречать сопротивление, сталкиваться друг с другом, с людьми…

— Сядь! — рявкнул на него Майлер. — Еще не все потеряно.

— Хотел завоевать Марс…

— Дейвид, прекрати истерику. Вспомни, сколько раз сам въезжал в рай на чужом горбу, и заткнись. Они остановятся.

— Когда убьют последнего человека, размозжат всю технику…

На этот раз Мошера прервал не раздраженный голос Майлера, а оглушительный взрыв, который выбил часть стены вместе с бронированной дверью и косяком.

Среди клубов дыма и пыли показалась фигура андроида. Он остановился в проломе, повел головой, сканируя помещение, затем что-то щелкнуло — это человекоподобный механизм разжал пальцы, и черный рифленый шарик гранаты, подпрыгивая, покатился по полу.

Оглушенный взрывом фон Браун отшвырнул в сторону обломок пенобетона и, кашляя, встал.

«Что происходит?! Как смогли эти машины…» — Его зрачки начали расширяться, когда в дымном сумраке он увидел, как граната, в последний раз подпрыгнув, упала между ним и пытавшимся подняться на ноги Мошером.

Он хотел что-то крикнуть, но не успел — все поглотила ослепительная оранжевая вспышка.

За поворотом тоннеля андроид толкнул незапертую дверь соседней комнаты и повторил операцию, благо в подсумке, снятом с трупа, было достаточно гранат.

Он зачищал помещения и делал это с присущей любой машине педантичностью.

* * *

Тюремный блок. Цех формирования энзиклонов…

— Не мешай им. — Багиров жестом остановил попытавшегося привстать Келли, когда чуждый механизм с отчетливым щелчком соединил раздвоенный конец длинного кабеля с ответным разъемом, расположенным в височной области его черепной коробки.

Генри некоторое время стоял, не шелохнувшись, он видел конец кабеля с двумя контактами, и сейчас его система пыталась определить, куда тот должен быть подключен. Сложность заключалась в том, что под конфигурацию разъема не подходило ни одно стандартное гнездо…

В эти секунды его кибернетическая система перебирала десятки способов взаимного обмена данными, неизбежно склоняясь к тому же выводу, что сделал Эргвин, — посредником между ними должна стать серебристая структура, которая уже однажды продемонстрировала свою адаптивность, внедрившись в аппаратное ядро андроида, без критического нарушения его основных функций.

Генри протянул руку, крепко сжал отрезок кабеля чуть выше контактов и точным, плавным движением ввел его раздвоенный конец в самый центр серебристой паутины.

Келли невольно подался вперед.

Он ждал чего-то необыкновенного, но не смог уловить никаких зримых свидетельств успеха либо провала попытки соединения…

Он лишь с необъяснимой внутренней дрожью отметил, что первый контакт между двумя чуждыми расами, скорее всего, осуществят машины. Взгляд Келли упал на рисунки, оставшиеся после попыток Багирова наладить взаимопонимание с древней механической формой, и только сейчас до него стала доходить вся значимость исторического момента.

Рука Инока коснулась плеча Марка.

— Отойдем, — предложил Багиров, указывая в сторону темной ниши, в глубине которой он обнаружил тандемную камеру. — Получится у них наладить связь или нет, я не знаю, но нам никто не мешает поговорить.

* * *

Спустя тридцать минут две гуманоидные машины по-прежнему стояли друг напротив друга, соединенные древним кабелем, не подавая никаких признаков функциональности…

Багиров и Келли за истекшие полчаса вкратце поведали друг другу предысторию событий, каждый со своей точки зрения, и теперь с тревогой наблюдали за неподвижными механизмами.

— Думаю, произошел сбой… — спустя несколько минут высказал свое мнение Марк. — Надо попробовать рассоединить их.

— Я бы не стал этого делать, — возразил Багиров. — Нужно ждать. Когда два компьютера обмениваются информацией, мы можем наблюдать этот процесс лишь в том случае, если заранее предусмотрели какие-то устройства индикации, — резонно заметил он.

— Хорошо… — Келли сел на выступ древнего механизма. — Наберемся терпения. — Он покосился на Багирова и спросил, чтобы отвлечь свой разум от напряженного ожидания: — Как вы считаете, Иннокентий Осипович, почему Майлер, готовя фальсификацию, не исследовал эти помещения?

— Я думаю, тут виноваты исполнители, ну и, конечно, склад мышления самого Майлера. Металлическая жила располагалась наверху, почти у кромки разлома. Ее трудно было не заметить. А эти помещения не обнаружишь без специальной проникающей в глубь скальных пород аппаратуры. Да, по большому счету, они и не интересовали фон Брауна. Его мысль наверняка зацепилась за факт неординарной находки, и он думал не о древней цивилизации, последыши которой однажды уже едва не уничтожили его отлаженный бизнес, а о том, как использовать найденный артефакт в своих целях. Мне не кажется, что после событий двадцатилетней давности фон Браун горел желанием совершать археологические открытия. Фрагмент искусственно созданного сплава, вкрапленный в скальную породу, устраивал его своей неоспоримой древностью, к тому же был абсолютно безвреден. Оставалось лишь включить в его состав разработанные в лабораториях корпорации чипы и правдоподобно преподнести находку азиатам, так, чтобы они поверили в ее исключительную важность.

Келли угрюмо кивнул, соглашаясь с логикой Багирова.

Он вдруг подумал, что не в состоянии ненавидеть таких людей, как Майлер фон Браун, потому что абсолютно не понимает их.

* * *

Багиров не ошибся — неподвижность двух механизмов не означала, что попытка соединения провалилась. Байты информации перемещались через шунт в двух направлениях, но процесс протекал крайне медленно. Две кибернетические системы, найдя точку соприкосновения, формировали алгоритм передачи информационных пакетов, шаг за шагом выстраивая принципиально новую программную архитектуру.

Прошло более двух часов, прежде чем Генри осторожно извлек

контактный разъем из пронизанного серебристыми нитями аппаратного ядра своей системы.

Повернув голову, он посмотрел на двух измученных ожиданием людей и произнес:

— Они называли свою планету «Селен».

— Вы смогли?! — встрепенулся Багиров. — Вам удалось обменяться информацией?!

— Мы выработали алгоритм обмена данными, — ответил андроид, устанавливая на место грудной кожух. — Теперь нет необходимости в прямом кабельном соединении, мы можем общаться через канал удаленного доступа.

— Кто он? Что ты узнал об этом существе?

— Его зовут Эргвин. Он заключенный.

— Преступник? — не поверил своим ушам Багиров.

— Это зависит от системы моральных ценностей и юридических норм, ответил Генри. — Его преступление заключалось в том, что Эргвин боролся против так называемых «мнемоклонов» — машин с инсталлированной матрицей сознания живого существа.

— Что стало с его планетой? Пояс астероидов — это остатки Селена, верно?

— Да. Но он не был свидетелем катастрофы и не знает ее причин. Сейчас мы попытаемся реанимировать часть аппаратуры этого зала, возможно, на информационных носителях сохранились требуемые данные.

— Мы должны выйти на связь с колонией! — выслушав его, категорично заявил Багиров. — Это открытие нельзя сохранять в тайне, о нем следует известить всех, чтобы никто уже не смог скрыть факты или превратно толковать их в корыстных целях.

Генри посмотрел на Эргвина, который отошел в дальний конец зала и возился у стены с обрывками кабелей энергопитания.

— Все не так просто, — произнес андроид. — С одной стороны, цивилизация Селена абсолютно чужда нам, и технологии, которые можно восстановить, изучив аппаратуру данного зала, вполне способны привести к такому же расколу в земном обществе, как это уже однажды случилось с цивилизацией Эргвина. Но, с другой стороны, часть людей несет в своем сознании отпечаток личности древних существ…

— Генри, ты говоришь загадками. Можешь выражаться конкретнее?

Андроид ответил не сразу: прежде чем вновь заработал его синтезатор речи, произошла задержка, пока блок логической обработки данных суммировал всю доступную ему информацию.

Присев, он указал на схемы, которые рисовали Инок и Эргвин.

— Нет никакого сомнения, что Марс и Луна являлись спутниками Селена. После катастрофы Марс занял современную орбиту, став самостоятельной планетой, а Луна была захвачена гравитационным полем Земли.

— Это потрясающе интересный научный факт, но какое отношение имеет он к вышесказанному?

— Самое непосредственное, — ответил андроид. — К моменту катастрофы Марс и Луна, которую они называли Новым Селеном, переживали процесс активной колонизации, причем Луну осваивали противники мнемоклонов. Они также грезили мечтой о бессмертии, но их не устраивало существование в механических оболочках, они крайне бережно относились к понятию «жизнь», но при этом понимали, что биологические существа невечны и полны недостатков. Эргвин недвусмысленно сообщил мне: та часть цивилизации Селена, которая осталась верна выработанной концепции, стремилась к проникновению в глубокий космос, колонизации новых миров с целью насаждения органических форм жизни в мертвой, по его утверждению, Вселенной.

— И каким путем они хотели достичь биологического бессмертия? — спросил Багиров.

— Они экспериментировали. Для обеспечения дальних космических перелетов ими были разработаны микромашины, колонию которых вы можете наблюдать в моем аппаратном ядре. Эти микроскопические частицы — на самом деле сложнейшие механизмы, способные поддерживать не только исправность бортовых систем космического корабля, но и жизнь биологических существ в самых жестких условиях внешней среды.

— Выходит, в среде цивилизации Селена возник конфликт, основанный на этических подходах к методам обеспечения бессмертия? — уточнил Багиров.

— Да, — ответил ему Генри.

— Ты упомянул о каком-то «отпечатке личности», якобы присущем людям.

Келли хотелось полной, немедленной ясности, он подразумевал, что две машины, наладив контакт, должны были обменяться огромным объемом информации. Здесь Марк ошибался, они лишь сконфигурировали систему для устойчивого взаимопонимания, обменявшись основополагающими сведениями о породивших их цивилизациях, но все же Генри смог ответить на заданный вопрос:

— Эргвин сообщил мне, что первым опытом в колонизации иных миров должно было стать освоение Земли. Именно на Земле селениты планировали отладить систему биологического бессмертия, которую он называет «информационной наследственностью». В ходе эксперимента группа испытателей должна была переселиться на Землю, не нарушив при этом сформировавшейся там биосферы.

— Это невозможно, — произнес Багиров, подразумевая, что присутствие инородных форм жизни так или иначе должно было сказаться на биосфере Земли, но Генри отверг его сомнения:

— Речь идет не о физических объектах, а об их информационных матрицах. Усилия единомышленников Эргвина были направлены на то, чтобы сформировать на базе геомагнитного поля Земли виртуальную оболочку, способную сохранять данные личности, принимая их после физической смерти носителя, а затем перезаписывать сохраненные матрицы в новые тела, но уже принадлежащие обитателям земной биосферы. Так должна была осуществляться экспериментальная колонизация планеты без нанесения ущерба ее экологии. Конечный смысл данного проекта не ограничивался рамками Земли. В данном случае наша планета использовалась в качестве полигона, в то время как первые межзвездные корабли селенитов отправились бы в глубокий космос к иным мирам.

— Я не вижу взаимосвязи между экспериментами по ментальной колонизации и дальними межзвездными перелетами, — с сомнением произнес Марк.

— На самом деле взаимосвязь есть. Они стремились к настоящему бессмертию разума. Прожив отпущенный срок, сущность разумного существа перемещалась бы в информационное поле, сформированное вокруг Земли. К тому времени на удалении многих световых лет уже возникли бы первые колонии, и личность, зашифрованная в серии световых либо электромагнитных импульсов, переизлучалась бы в направлении нового мира, преодолевая межзвездные расстояния без участия космических кораблей, игнорируя все недостатки трудных перелетов. Таким образом, жизнь разумного существа становилась фактически бесконечной, у личности появилась возможность проявить себя во множестве биологических ипостасей, реализовать все свои потенциальные способности и в итоге — пронести споры жизни по Вселенной, а когда наступит неизбежный коллапс вещества, пережить и его, оставаясь вдали от точки сингулярности, чтобы после очередного цикла пульсации Вселенной вновь вернуться в молодые, горячие галактики…

— Но этого не произошло? — полуутвердительно произнес Келли.

— Я думаю, наоборот, — ответил дройд. — Кто-то ведь перенес частицу разума Генри Моллирайта, записав ее в нейросеть моих биологических модулей?

Келли нахмурился, глубоко задумавшись, а затем произнес:

— Вероятно, ты прав. Микромашины, с которыми боролась корпорация два десятилетия назад, также были завезены на Марс вместе с лунным реголитом.

В этот момент Эргвин, пытавшийся восстановить питание какой-то системы, разогнулся, прошел к нескольким стоящим особняком древним устройствам и, повернув голову, посмотрел на Генри.

— Он просит нас подойти. Похоже, ему удалось реанимировать часть автоматических устройств хранения информации и отыскать нужную запись.

* * *

Устройство вывода визуальной информации, подле которого застыл Эргвин, представляло собой небольшую объемную полусферу, утопленную в наклонную консоль древнего терминала.

При поверхностном рассмотрении техника селенитов имела много схожего с человеческими аналогами, но сейчас Багирову и Келли было не до сравнений: Генри уже смахнул мешающую взгляду желтоватую коросту, и в глубинах экрана появилось изображение планеты.

Это был Селен, запечатленный в момент своей катастрофической гибели.

Они застыли у древнего устройства, тесно обступив его, не зная, насколько полной окажется найденная Эргвином запись, в немом оцепенении наблюдая за событиями тридцатимиллионолетней давности…

* * *

Три гигантские астероидные глыбы двигались в непосредственной близости от родной планеты Эргвина.

Запись началась, когда катастрофа уже была в полном разгаре.

Титаническая сила гравитации крошила рельеф, разделяя поверхность планеты на отдельные частицы, которые медленно взмывали вверх, стремясь оторваться от слагавшей их тверди по пути к новому источнику тяготения.

Зрелище пугало и завораживало одновременно. В движении частиц не было хаоса, они подчинялись единой силе, но в то же время понимание, что

каждая точка — это часть планетной коры весом в миллионы тонн, порождало жутковатое ощущение присутствия при чудовищном, катастрофическом событии…

Этого нельзя было ни предотвратить, ни восстановить разрушенное. Триада малых планет, попав в гравитационное поле Селена, потеряла устойчивость взаимного притяжения, и они стали медленно уклоняться от прежнего курса, огибая взломанный катастрофическими землетрясениями шар, одновременно расходясь в стороны, удаляясь друг от друга…

В записи, которая, вероятно, велась с одного из удаленных орбитальных спутников, присутствовал компонент сжатия времени, усиливая и без того острое ощущение катастрофичности событий.

Частицы планетарной коры продолжали рваться в чернь космического пространства, угловатые глыбы обретали некоторую свободу и выходили на собственные нестабильные орбиты, центром которых стал гравитационный узел, образованный шестью космическими телами — самим Селеном, двумя его спутниками и вторгшейся в систему триадой астероидов.

От картины, разворачивающейся в стереоскопическом объеме воспроизводящего устройства, было невозможно оторвать взгляд, но с каждой секундой напряженного просмотра сложность графической модели возрастала в геометрической прогрессии, шар Селена неумолимо терял массу, его кора, взломанная гравитационным ударом трех космических скитальцев, разошлась трещинами, в которые из недр выдавливало магматические массы, океаны планеты вскипали от соприкосновения с наполненными магмой разломами, и в атмосферу выбрасывало грибовидные облака перегретого пара, смешанного с пеплом, остатками органики и мелкими частицами лавы, застывшими в момент катастрофического синтеза воды и пламени недр…

Однако финал драмы еще не наступил.

В какой-то момент казалось, что растрескавшийся, окутанный массой фрагментов планетарной коры и вихрящимися протуберанцами атмосферных выбросов Селен все же уцелеет — планета по-прежнему сохраняла форму шара, удерживая на орбите два своих спутника. Неистовство стихий постепенно начало терять свою разрушительную силу, три астероида уже разминулись с планетой, сохранив при этом остатки скорости, превышающие порог убегания, и, возможно, Селен сохранился бы как целостное небесное тело… не вмешайся в процесс новая сила, которая нанесла последний, сокрушивший планету удар…

Это было то, о чем не упоминал Эргвин: ядерное оружие, накопленное цивилизацией за века противостояния между отдельными

государствами планеты.

Никто не мог предотвратить этот последний удар. Нестерпимые для глаза вспышки ослепительно-белого пламени внезапно полыхнули в разных регионах расколотой на куски планеты, и по ее изувеченной поверхности прокатилась еще одна судорога — это шар Селена огибала множественная взрывная волна от сотен, грянувших практически одновременно ядерных взрывов.

Планета не выдержала последнего удара, давление магматических недр в какой-то момент превысило значение гравитации, и теперь в космос устремились не фрагменты твердой коры, а вязкие раскаленные потоки лавы, застывающие при соприкосновении с холодом вакуума и тут же взрывающиеся от неистового напряжения внутренних давлений.

Огненный дождь, похожий на ослепительный взмах кисти обезумевшего художника, превратился во всеуничтожающий шквал, который, расширяясь в пространстве, внезапно поглотил орбиты двух спутников распавшейся на миллионы бесформенных фрагментов планеты.

Шквал новорожденных метеорных и астероидных тел, раскаленных и остывших, ворвался в новорожденные атмосферы, заставив поверхности Нового Селена и Марса вскипеть десятками тысяч взрывов.

Казалось, что луны Селена ждет участь уничтоженной метрополии, но разрушительный процесс внезапно принял иное направление: единое гравитационное поле системы в момент взрыва центральной планеты также распалось на миллионы отдельных источников тяготения, и в этих условиях более не осталось силы, способной удержать две луны на их прежних орбитах, и они начали удаляться от полыхающего, продолжающего извергаться центра катастрофы…

Их скорость возрастала, и наступил миг, когда обе луны вырвались из плотного облака разлетающихся в разные стороны обломков, двигаясь по направлению к Солнцу…

* * *

— Это чудовищно… — тихо произнес Келли, покосившись на механическую фигуру Эргвина, застывшего в чисто человеческой позе, опираясь руками о края древней консоли, глядя в потухший, почерневший экран.

После его слов в помещении воцарилась вязкая тишина, которую некоторое время спустя нарушил голос Генри:

— Эргвин говорит, что ему знакомы эти астероиды. Они периодически появлялись поблизости от Селена, но никогда не

представляли реальной угрозы планете. Он думает, что мнемоклоны изменили их орбиту.

— Зачем?

— Цивилизация Селена постепенно склонялась к единству мнений, которое складывалось не в пользу механических форм.

— Чтобы решиться на подобную акцию, нужно было иметь не только технические средства для ее осуществления, но и твердую уверенность в том, что переживешь катаклизм.

— У них наверняка имелись четкие расчеты, — произнес Генри. — Насколько я понял, мнемоклоны менее всего были склонны к самоуничтожению.

— Однако они не уцелели… — подвел итог короткого диалога Марк. Чем-то все это напоминает действия фон Брауна и иже с ним…

Если бы Келли знал, насколько близок он к истине.

— Нужно выбираться на поверхность, — развил его мысль Багиров. На фоне всего пережитого за последние сутки прошлая жизнь казалась лишь прелюдией к главным событиям, которые происходили здесь и сейчас.

— Выбираться на поверхность опасно. Там бесчинствуют инфицированные Маклером андроиды. Когда мы с Генри спускались сюда, они по какой-то причине повернули в сторону сектора «Фон Браун» и прорвали его периметр.

— И чем это чревато для колонии?

— Тем, что дройды не остановятся, спустя двое суток, как рассчитывал Майлер. Корпоративный сектор охраняется такими же машинами едва ли меньшей численности, а лимит времени для возвращения программного ядра в обычный бытовой режим для каждого отдельно взятого андроида отсчитывается с момента окончания боевых действий.

— Что ты скажешь по этому поводу, Генри?

— Ты прав, они вряд ли остановятся. Майлер допустил грубый просчет, полагая, что андроиды не станут атаковать себе подобных. Одна шальная пуля, и база данных кибермеханизма пополняется новым типом противника. Среди машинных кодов боевой программы отсутствует оператор «нечаянного действия».

— В таком случае ЧТО МОЖЕТ ИХ ОСТАНОВИТЬ?

— Полное уничтожение всех целей. Или ядерный удар с орбиты. Для людей, о которых ты сейчас подумал, исход одинаков в обоих случаях.

— Знаешь, Генри, я не питаю никакой приязни к Майлеру, но среди

служащих корпорации, да и среди азиатов, наверное, немало нормальных, ни в чем не повинных людей. — Келли угрюмо посмотрел на андроида. — Русские, конечно, сотрут в порошок эту новоявленную армию, но их космический флот выйдет на орбиты Марса, когда от колонии уже останется лишь воспоминание…

— Ты предлагаешь мне найти выход? — Генри покачал головой. — Его не существует, Марк.

Он забыл, что каждое сказанное им слово автоматически транслируется Эргвину в понятном для него формате.

«Выход есть».

Генри обернулся, посмотрев на Эргвина.

Тот подошел к тандемной камере и поднял с пола простреленный навылет каплеобразный модуль.

«Это средство контроля над поведением энзиклон-форм. Есть более простые приспособления, способные нейтрализовать любую агрессивную механоформу. Мнемоклоны всегда заботились о собственной безопасности».

Келли хотел что-то спросить, но Генри жестом остановил его, продолжая общение с Эргвином:

«Насколько они эффективны? Каков их запас, энергопотребление, как отличают они механизм от живого существа?»

Эргвин прошел в дальнюю часть зала, где рядом со входом находилось еще несколько дверей.

«Это склады. Ты можешь сам протестировать модули безопасности, но будь осторожен. Лучше, если это сделают люди, — модули активируются от незначительного количества тепловой энергии и атакуют любую механическую форму, самоуничтожаясь с одновременной генерацией магнитного импульса. Если машины, о которых идет речь, схожи с твоей конструкцией, им гарантировано критическое повреждение программного ядра».

Генри выслушал его и обернулся:

— Иннокентий Осипович, Марк, нам нужно поговорить.

* * *

«Сегодня для Марса наступит либо конец света, либо начало нового мира», — подумал Келли, открывая дверь, за которой в сумеречном помещении лежали хаотично наваленные друг на друга контейнеры, где, судя по данным сканирования, покоились тысячи маленьких, похожих на остроносые пули аппаратов.

Эпилог

На подступах к космопорту «Южный»…

Майлер фон Браун был мертв, но это уже не заботило никого — по всем освоенным территориям колонии, вне зависимости от корпоративной или государственной принадлежности, полыхали ожесточенные бои.

И все же основная драма разворачивалась на подступах к космопорту «Южный», где пятый час подряд силы клана Ляо пытались прорвать оборону роты космодесанта ВКС России.

Фон Браун был мертв, но его план продолжал работать, унося человеческие жизни.

На равнине перед космопортом чадными кострами горела бронетехника. Два сбитых десантно-штурмовых модуля лежали в выбитых при падении глубоких бороздах. Вокруг, на сколько хвалил взгляд, были разбросаны уродливые обломки от попытавшихся высадить десант флаеров концерна.

Одна атака следовала за другой, белоснежные челночные корабли уже не проносились по взлетно-посадочным полосам: Шевцов, заменивший убитого ротного, запретил им возвращаться на площадки «Южного», понимая, что схватка дошла до той стадии ожесточения, когда никто не сможет гарантировать неприкосновенность гражданским кораблям с беженцами на борту.

Черный дым стлался по равнине, дождь, все утро донимавший десантников, как назло прекратился, и теперь гарь витала в воздухе, ухудшая видимость.

Два оставшихся в резерве модуля, используя затишье между атаками, медленно и неслышно скользили вдоль самой земли, доставляя к позициям последний резерв боекомплектов.

Шевцов поднял электронный бинокль.

Силы Ляо перегруппировывались в двух километрах от позиций роты под прикрытием прореженных огнем лесопосадок.

Лазерные дальномеры не работали из-за дыма, но тепловые сканеры, несмотря на засветку от горящей бронетехники, позволили ему определить приблизительную численность противника. Человек пятьсот, не меньше. Да еще с десяток БПМ, до последнего момента находившихся в резерве.

* * *

Они пошли в атаку спустя пять минут.

Поредевшие позиции роты молчали. После того как ДШМ израсходовали весь боекомплект, сжечь бронетехнику могли только бойцы сводного отделения — пять человек в полностью перезаряженных бронескафандрах выдвинулись на передовые позиции, чтобы встретить механизированные единицы клана огнем тактических ракетных установок.

Шевцов посмотрел на медленно ползущие по изрытому воронками полю планетарные машины. Дым то и дело скрывал их за своими клубами, но термальная оптика показывала, как от лесопосадок отдельными группами начали выдвигаться боевики Ляо. Наученные горьким опытом, они уже не шли в рост, полагаясь на подавляющее численное превосходство, а перебегали от укрытия к укрытию, низко кланяясь земле.

Злоба копилась, подступая к горлу тугим комком.

Во что превратили колонию, гады?

Конечно, искать виновников следовало на Земле, среди тех продажных чинуш, что позволили отдать первую колонию человечества на откуп крупному бизнесу и преступным синдикатам, но до них не дотянешься, а азиаты — вот они, уже видны в паутине электронного прицела…

Коммуникатор молчал. Отдавать приказы бойцам, отбившим семь атак, было излишним и бессмысленным, а слушать бесконечно повторяющиеся сообщения, транслируемые станциями «Фон Брауна», о каких-то невероятных формах древней марсианской нанотехники, якобы инфицировавшей по вине концерна «Новая Азия» большинство кибернетических механизмов колонии, не хотелось, чушь это все, вон она, «инфицированная» марсианская жизнь, бежит, пригибаясь, накатывается на позиции роты, вслед за открывшими бешеный огонь планетарными машинами…

Рота выдержала ураганный обстрел, никто не дрогнул, не огрызнулся в ответ, выдавая новые позиции, и БПМ, продолжая вести беспорядочный огонь, поползли вперед.

Триста метров… Двести пятьдесят… Двести…

— Огонь!

Головная БПМ полыхнула, словно факел, — ракета пробила емкость водородного двигателя, и боевую машину разорвало на куски, скосив горящими осколками часть двигавшейся под ее прикрытием пехоты.

Тактические ракеты, оставляя дымные шлейфы, огненным ливнем обрушились на БПМ, а с флангов уже ударили «РКАПы», перепахивая многострадальное поле длинными очередями тридцатимиллиметровых

разрывных снарядов.

Дым, вставшая на дыбы земля, сверкающие вспышки разрывов — это вам не рабами понукать, идите, суки, ближе, — попробуйте пройти тут, через искромсанные позиции роты русского космодесанта… Шевцов бил короткими очередями из «абакана», чувствуя, что еще немного, и нервы не выдержат…

Выдержали…

Зато не выдержали азиаты — когда вспыхнула шестая по счету БПМ, темная, льнущая к земле, огрызающаяся огнем масса вдруг без команд и привычных гортанных криков покатилась назад, к тому истрепанному перелеску, откуда начинали атаку…

Шевцов сменил опустевший магазин и посмотрел на хронометр.

До подхода «Светоча» еще два часа.

Выстоим…

— Командир… — пришел по связи хриплый голос майора Грунина, — датчики модуля фиксируют что-то непонятное. Включи комп, дам телеметрию данных.

Шевцов коснулся сенсора и увидел сплошную темную массу сервоприводного металла, которая двигалась в тыл азиатам, наступая на космопорт со стороны сектора «Фон Браун».

— Это андроиды, капитан. Сканеры фиксируют две с половины тысячи единиц.

Он несколько секунд смотрел на плотную стену человеческих подобий и вдруг подумал: «Ну, теперь все… Абзац…»

* * *

Когда остатки боевиков Ляо ринулись к космопорту, по ним никто не стрелял — впереди всех, размахивая куском белой тряпки, бежал рослый азиат, выкрикивая на скверном интеранглийском:

— Не стреляйте! Цинь Хуань погиб! Мы сдаемся!

Если бы не масса андроидов, наступающих в тыл азиатам, Шевцов ни за что не поверил бы.

— Не расслабляться, — приказал он, поднимаясь в полный рост навстречу бегущему.

Вопреки дурному предчувствию, по Шевцову не было произведено ни одного выстрела.

— Стой! — приказал он азиату, который продолжал судорожно размахивать грязно-белым куском материи.

— Нас всех ждет смерть! Это андроиды! Они…

— Я вижу. Уводи своих людей на левый фланг. Вздумаешь лезть в космопорт — положим всех до одного, там стоит резерв, — не покривив душой, предупредил Шевцов: резерв действительно был — два «пустых» модуля с шестью пилотами на борту. — Будешь со своими людьми стоять насмерть. Вместе с нами. Повезет выжить — заберем на орбиту. Ты понял меня?!

Азиат растерянно оглянулся назад, где уже виднелась сквозь дым плотная масса приближающихся машин, и вдруг часто закивал трясущейся головой.

— Бегом. На позицию! — подстегнул его Шевцов.

Вот такие, блин, финты выкидывает судьба…

Опять что-то щелкнуло в коммуникаторе, будто кто-то пытался поймать частоту взвода, не совсем точно помня волну.

— Ну, кому там неймется? — Он включил систему встречной подстройки, и в коммуникаторе внезапно возник смутно знакомый голос:

— Командир, это Инок… Ты слышишь меня? Я знаю, вы здесь. Шевцов, ответь, это ИНОК, помнишь меня?!

— Инок?! — Капитан в первый момент действительно не поверил, но времени удивляться, радоваться либо не доверять просто не было.

— Командир, ты помнишь свой последний приказ?! Ты приказал мне выжить!.. Ты обязан вспомнить, поверить!.. Помнишь станцию… двадцать пять лет назад… ты первым прорвался ко мне!..

— Да помню я, помню! — Шевцов посмотрел на строй андроидов и подумал: еще полкилометра, и эта стена откроет шквальный огонь.

— Слушай внимательно, командир, — голос Инока утратил сбивчивость, прикажи ВСЕМ отключить ВСЮ ЭЛЕКТРОНИКУ. Сейчас по андроидам ударят древние машины. Они фиксируют работу энергоцепей, поэтому отключи всю кибернетику.

— Понял. — Шевцов был не в том положении, чтобы комплексовать из-за двадцатипятилетнего перерыва в общении.

— Внимание всем! — продублировал он приказ Инока. — Срочно отключить питание всех электронных устройств! Это приказ! Исполнять немедленно! Грунин, Назаров, касается и вас. Передайте технарям порта — это приказ. Исполнять немедленно!

Стена андроидов уже подошла к критической черте.

— Выключай коммуникатор, Шевцов, — раздалось по связи. — И взгляни на небо.

Он взглянул.

В небесах под хмурыми облаками двигалась темно-стальная туча,

сотканная из отдельных частичек, которые, отрываясь от основной массы, вдруг начали пикировать на андроидов, будто мелкие жалящие насекомые.

Он не выключил коммуникатор.

— Инок, что это?

— Древние механизмы. Отключайся, командир, это слишком опасно. Они могут ударить в тебя. Когда все кончится, передай на «Светоч»: мы встретились!

— С кем встретились?!

— С ними… С БРАТЬЯМИ ПО РАЗУМУ!!!

Это прозвучало так же невероятно, как невероятен был вид падающих с небес металлических частичек, которые били в наступающих дройдов, заставляя их валиться на опаленную, изрытую воронками, щедро политую кровью землю.

Он машинально отключил коммуникатор, сел, опираясь одной рукой о теплый ствол «абакана», и вдруг улыбнулся почерневшими, потрескавшимися губами.

Братья по разуму… Инок… древние механизмы…

Какие-то новые необычные слова… Не такие, как «смерть» или «кровь»…

Он поднял взгляд на исковерканную равнину и вдруг прошептал, окончательно поверив в случившееся:

— Ты больше никогда не будешь таким, Марс…

notes

Примечания

1

В понимании селенитов, серв — не только механизм, этот термин обобщает все искусственно созданные устройства.

2

Возможно, следовало применить слово «приоритетным»? (прим. Kostyara)

3

Информ — информационный экран.

4

Уважаемый.

5

КиПК — карманный персональный компьютер

6

Маркерная принадлежность — здесь подразумевается код опознания, основанный на принципе передачи сигнала «свой-чужой».

7

«Троян» — замаскированная программа либо набор программ, вложенных в «безобидный» софт.

8

Подробнее об упоминающихся событиях на Марсе рассказано в романе «Форма Жизни».

9

Корпы — служащие корпорации.

Энергосканирование — выявление активных энергетических цепей машины по паразитирующему электромагнитному излучению и сравнение полученных данных с эталоном, что позволяет определить, какие именно системы задействованы в данный момент.

11

ДШМ — десантно-штурмовой модуль.

12

«БКС-12» — боевой компьютеризированный скафандр.